

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Графоман № 3(43)-2020

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Основатель — Николай Година

Редактор — Александр Мишутин

АВТОРСКИЙ СОВЕТ

Абдуллина З., Белобородова Е., Гаспарян К., Дубровина Н., Калугин В.,
Китаева В., Кухтурский А., Мякушко В., Рудковский М., Ружин В.,
Федосееенкова А., Хрипко П., Шалыгина М.

25 августа 2020 года исполнилось 85 лет

Николаю Ивановичу Године.

Поздравляем отца-основателя альманаха «Графоман»,
желаем ему новых творческих успехов.

СТИХИ

Михаил Авдейчик С весной в содружестве опять.....	5
Галина Афимова И жить захочется сильней	6
Тамара Барейшина И бьются сердца в унисон	8
Илья Весенин В пору смутных перемен.....	8
Николай Задорожный Басни.....	9
Маргарита Кононенко Ценю не время — тишину	12
Нина Кысса Посвящение Снежинску	13
Иван Плетухин А жизнь продолжается.....	13
Александр Савенков Осенью — дороги длинней	15
Ирина Светлова Свет былого	17

Тамара Симовских	Не оборвите общую нить.....	18
Роза Тайгунова	Одуванчик	19
Тильтан-Лаван		
	изнутри.....	20
	как Сэм — Молли	20
Вячеслав Тюнькин	Чтобы белые одежды	20
Алексей Фролов	Замечает листопадом	23
Александр Фунштейн	И длится горькая печаль.....	25
Юрий Халдин	И помнятся счастливые мгновенья	26
Анатолий Чигинцев	Кто вернётся — долюбит	27
Юдина Евгения	В душу русскую я верю.....	28
Александр Яхут	Время слышится оно	30

Проза. Драматургия

Светлана Андриевская		
	Про шоколадку и параллельные миры	31
Олег Иванов		
	Любовь длиною в жизнь	33
Александр Кукушкин		
	Два Сашки (роман).....	36
Нина Кысса		
	Жизнь на заставе.....	40
Валерий Мякушко		
	Дом на Советской (повесть)	42
Виктор Ружин		
	В поезде дальнего следования	56

Мемуары

Николай Банных		
	Отражение судьбы страны в судьбе семье Щербатовых	58
Александр Клепалов		
	Детство на разъезде (заметки бытописателя)	61
Римма Огородникова		
	Вот так и жили	64

Неонила Осмачко	Малая родина.....	68
Ирина Светлова	Потихоньку наладится.....	70
Николай Шукшин, Андрей Нажимов	И связист, пулеметчик, и военный переводчик.....	72
Там — не тут		
Николай Таёжный	Тухардские встречи	77
Юмор		
Галина Афимова	«Изолировали дома...»	80
Зоя Романова	Королевна.....	80
Андрей Смолук	О, этот вкусный крем для рук	82
Александр Фунштейн	Антивирусные фунтики.....	83
Гостевая		
Сергей Борисов	Бремя смирения ложно.....	84
Елена Шай	Воскреснет лотоса цветок.....	86
Пробник		
Анатолий Дёмшин	Луна.....	89
	Абхазия	89
Евгения Матвеева	Чей голос я слышу	89
Сергей Семенов	Не жалею	90
Ирина Соловьёва	Одно окошко светится	90
Наталья Шишлева	Утро	91
	Голубые глаза Урала.....	91

Молодо — зелено?

Дмитрий Чапаев

Осень	92
Туман	92

Детская комната

Наталья Сумина

Любить нельзя ненавидеть	93
--------------------------------	----

Победа 75

Валерий Ильенко Нам время трудное досталось... .. 97

Нина Калева-Прохоренко

Марфа	98
-------------	----

Сабиржан Кильметев

Война не бывает красивой	102
Где это было, в республике какой?	102

Омельчук Анатолий Я помню ветеранов 102 |

Виктор Фатеев

Память жива	104
-------------------	-----

Анатолий Чигинцев

Ржев.....	107
Бессмертный полк	107

С весной в содружестве опять

Зрение

Бигбулатовой Айгуль Ахтямовне

И вот с весной в содружестве опять я,
В контакте с ней душа моя и плоть.
К ней попадаю в плотные объятия
От зримого меня — до сердца вплоть.

Вернули мне утраченное зреньё,
Так дарят новорожденному жизнь.
По-новому мое сердцебиенье
Осваивает света рубежи.

Теперь пойду дорогами крутыми,
Покорны дали мне и верен руль.
Мне светит, точно знамя, ярко имя,
Святое имя доктора Айгуль.

Родина-мать

Сколько кружилось кругом воронья:
Подлости множество было, вранья;
Все норовили отнять мои силы,
Свете высокий мой, свете мой милый.

Мне удавалось всегда устоять,
Всюду со мной была Родина-мать.
Вдаль я шагаю всегда по прямой,
Жребием путь обозначенный мой.

Не опоздать бы, спешу я туда,
Где маяки ожидают труда.
И супостатам меня не сломать,
Если защитница — Родина-мать.

Очи черные

Предо мною вся обнажена
В красоте первозданной поляна.
Одиноко иду, и луна,
Как и я, тихо бродит и странно.

И роса на траве, на листьях
Бриллиантами, точно мониста.
И в лесных выступает местах
Филин птичьим премьер-министром.

Песню новую тянет ручей,
Глубоко взгляд бросают мне в душу
Очи черные майских ночей,
Всю огромную прелесть обрушив.

* * *

Там, где пламя маков
Остужают росы, —
Золотым подарком
Пчёл гудящих россыпь.

Поднимусь, паду ли
Как пчела в работе —
О медовом улье
Песни и заботы.

Праздник ярких действий
Близит мне дорога,
Представляя детство
Лет моих далёких.

Там, где пламя маков
Остужают росы, —
Золотым подарком
Пчёл гудящих россыпь.

Звезда моя

Сколько красивых, пригожих
Уходят навек на тот свет...
Без сожаленья я тоже
За ними уйду тихо вслед.

Тогда обо мне не заплачет
Никто, ни за что, никогда.
Небесная многое значит
Моя золотая звезда.

Галина Афимова

И жить захочется сильней

Наш «Уголёк»

Костёр горит: играет пламя,
Глядеть — не наглядеться!
Летают искры: муза с нами.
Огонь заметят где-то.

Без «Уголька» не вспыхнет радость,
С огнём азарты круче:
Добро растим, лелеем чадо,
Себя казним и мучим.

Приходим к свету — рано, поздно,
И греем мы друг друга:
Тепло струится словом звёздным,
Как ветер, тот, что с юга.

Гори, гори, костёр, сильнее,
Зови людей послушать:
Здесь только жизнь и нету тлена,
Здесь словом лечат души.

* * *

Делом славен град Копейск,
Трудовой орденоносец;
Не чужак в моей судьбе:
С «Угольком» проходит осень.

Сквер на улице, где загс,
Звёздный центр — библиотека,
Рядом с «Молнией» — релакс:
Детки в парке под опекой.

Новостроек череда,
Заселяй квартиры, город!
Знаменитостей — среда:
Подрастают скороходы.

По стремленьям — молодой,
Воспеваю стать стихами,
Дух спортивный вижу твой
В ежедневной панораме.

Разум, химия — в глазах:
Стадион на образ жизни,
Я приветствую размах,
Солнца свет моей отчизны!

Евгению Цыдыпову

В беспутную ночь я не спала:
Душа тянулась к книге,
В которой молодость-стрела
Искрила в каждом миге.

Читала новые стихи,
Мне память дух лечила,
И чувств жара, любви штрихи,
Всё радовало силой.

Так ярко виделся талант
И чувственные токи,
России будущей гарант:
Все меченые строки!

Умылась будто с родника
Я чистой водою,
Блаженной струйкой ветерка
Пахнуло вдруг весной.

Поэт писал любви портрет,
Хвала ему и слава,
Огня придал душе на свет,
Скажу от сердца: браво!

В царстве творцов слова

Не считаю себя поэтессой:
Щекотание чувств — суета.
С детства мама крестила принцессой,
Что до сказок — никто не читал.

В царство слова судьбою попала,
Подтолкнули родные, друзья.
Слишком трудно мне было сначала:
Очень строгим казался судья.

Здесь фантазии, люди, как птицы,
В сад поэзии тянут, зовут;
Есть тут музыка, разные чтицы —
Вдохновляет словесный паркур.

Всюду магия слова играет,
Быт реальности точным пером:
Не сравнить жизнь и с розовым раем,
Есть и беды, и болей синдром.

Капля крови жива — не водица.
Так и слог очень важен в строке.
Мне бы в жизни в стихи не влюбиться —
Уйма радуг в родном языке!

На изоляции

Апрель с улыбкой встречен маем:
В раж одуванчики цветут,
Гоняют воздух птицы стаей,
И люди жизни другой ждут.

Природа дышит кислородом.
Я насладиться им хочу:
Рукой махнула пешеходу,
«Привет», — с балкона бормочу.

Чутьём приняв мой жест забавой,
Он знак сердечком шлёт шутя.
Он настроения добавил
К началу майского утра́.

Ещё одним прозревшим стало.
Какая длинная весна!
Сняла с эмоций пыль — усталость —
Душа очнулась после сна.

В ожидании лета

Конец весны, близка черта:
От буйства красок фиолета
Сирень под окнами, устав,
Свой сбросит цвет — наступит лето.

Природа даст покой уму,
Душе свободу: в свет влекома,
Снег белых яблонь — кутерьму
Развеет друг, июнь знакомый.

В желанный сад, где пенье птиц,
Пойду пешком, мой сон проверьте!
Не будет масок, хмурых лиц
На этом праздничном концерте.

* * *

Ветерок приятно холодный,
Травка зеленью — велюр,
Городок пестрит нарядный:
Все деревья «от кутюр».

Первомай ликует цветом,
Рваной кромкой облака...
И секреты не секреты!
И запреты не аркан!

Всё так мило и погоже,
На балконе кофе пью,
Весь мой груз с эмоций сложен,
Рядом птички: «Фью да фью!»

Поэтам!

Нескучный дом, где все «не дома»:
Над миром птицами парят,
Чья высота не аксиома,
И каждый худший, может, свят.

Адепты чистого искусства,
Им нестандартность мыслей — друг.
На обостренье все их чувства
Под вдохновеньем вспыхнут вдруг.

Строкой дадут для сердца пищу,
И жить захочется сильнее!
Себя в порывах лучших ищут
И сопричастности людей.

Нескучный дом, где россыпь красок,
Художник слова под крылом;
Что не поймут — бывает часто,
Душа их занята трудом.

Поэтам всем хвала и слава!
На исцеление души
Ведут они словесный слалом.
Над ними Бог свой суд вершит.

Первая гроза

Сверкнули молнии в окно,
Внезапно птицы замолчали,
Закрылось небо пеленой,
И гром послышался начальный.

И уходящая весна
Грозою нервной разразилась:
Вода, высокая стена,
Сменила тучи на белила.

Вода ручьями по стеклу
Проникла внутрь на подоконник,
Вот это дождь! Рассеял мглу,
А говорили, что затворник.

Открылись створки предо мной —
Я чистым воздухом дышала.
Шла кошка, дрыгая ногой,
И птичка в луже кувыркалась.

Так первозданна хороша
После грозы свежа природа!
Я наслаждалась не спеша
В мирах у летнего порога.

г. Копейск

Тамара Барейшина

И бьются сердца в унисон

Влага на благо

Долго засуха стояла,
Ветер ветви гнул...
Вот и к нам в середине лета
Дождик заглянул.

Все идут с зонтом по лужам.
С лейкой вышла ты:
В это время тебе нужно
Поливать цветы.

Дождь наполнил, как и надо,
Ёмкость через край.
Ты живительной влагой
Грядки поливай.

Слово новое

Пандемия, пандемия...
Слово новое узнала.
Потому сижу я дома
И эмоций стало мало.

Я с друзьями не встречаюсь
И подруг совсем не вижу.
За здоровье я ручаюсь,
И я вирус не приближу.

Пусть к нам в город не заглянет
Эта мерзкая зараза.

Как подумаю про вирус,
Руки вымою три раза.

Пандемия, пандемия...
Слово новое для нас,
Только надо его помнить
Каждый день и каждый час.

Выпускнику

В эти короткие ночи
В роще поют соловьи.
Каждому хочется очень
В своей разобраться любви.

Юным свои строить планы
И до рассвета мечтать,
Слушать чудесные трели,
Солнце у речки встречать.

Сияние глаз и улыбки...
И бьются сердца в унисон...
Но это не вечно и зыбко,
Как утренний сказочный сон.

Пусть взгляд будет счастьем лучиться,
Куда б ни забросила жизнь:
Ты будь непосредственным, чистым
И смело за правду борись.

г. Пласт

Илья Весенн

В пору смутных перемен

Дорожное

О чём писать? О тех вагонах,
В составе едущих домой,
Где пассажиры при погонах
Застыли сценою немой?
Перемещаются народы
Под стук колёсных пар.
На лоне северной природы
Известен их репертуар:
О бесконечных лютых зимах,
Про угасание огня.
Такая лирика незрима,
Но чем-то радует меня.
Она рождает вдохновенье
И вдохновляется сама.
Я помню чудное мгновенье...
Да не сошёл ли я с ума?

Человек-паук

Не встречали вы ни разу
Человека-паука?
По стене ползёт, зараза,
Без страховки и крюка!
Распластал всю массу тела.
Загоняет пальцы в щель.
До опасности нет дела,
Сориентирован на цель.
Вот забрался на вершину
И без дрожи смотрит вниз,
Где бессильно и паршиво
Я на выступе повис.

Царство теней

Сонный лес без одежды зелёной
 Как спокойное царство теней.
 Молча лоси омшаник солёный
 Выбирают из старых корней.
 Редко-редко пронесится птица,
 В сети веток попала она.
 И, морозно сверкая, зарница,
 Разливаясь, всё чётче видна.
 Небо так же тревожно и мрачно,
 Вьются вяло, как дым, облака:
 Неожиданно, впрочем, удачно,
 Розовеют краями слегка.
 И должно быть, совсем одиноко
 Тем, кто трудно по тропке бредёт.
 А сова в полутьме зоркоооо
 Это мрачное царство блюдёт.

Тем летом

Желтокрылая осень
 осенила фасад.
 Эта милая просинь
 среди туч, сонный сад...
 И последняя муха
 бьётся тупо в стекло.
 Там за окнами скука,
 хоть пока и тепло.
 Лето было мгновеньем,
 походило на блеф
 игровым поведением
 королей-королев...
 Что-то было тем летом
 между мной и тобой.
 И игра та при этом
 называлась судьбой.

Подобие фонтана

Что хорошего в природе,
 Если всюду прах и тлен?
 Мы живём при непогоде,
 В пору смутных перемен.
 Что хорошего в стакане,
 Где отсутствует вино,
 И в стихах, где меж строками
 Мало смысла введено?
 Наподобие фонтана
 Плещем, струями искрясь.
 Так красиво! Только странно,
 Что на дне фонтана грязь...

Хочу мечтать

Хочу писать распевные стихи
 На пике доблести и славы,
 Чтоб сделать смертные грехи
 Для авторов своей отравой.
 А травы льнут в разгаре дня,
 Они мне силушку приносят,
 И в пекле вечного огня
 О покаянии не просят.
 Поменьше честности бы мне,
 Побольше силы и отваги.
 Хочу служить своей стране,
 Напившись дедушкиной браги.
 Хочу ещё сильнее любить,
 Чтоб всё вокруг благоухало.
 Хочу мечтать — да просто жить...
 Как всё же, братцы, надо мало!

г. Миасс

Николай Задорожный

Басни

Плуг и Меч

Однажды на досуге с Плугом
 Меч говорил, как с давним другом:
 — Смотрю я на тебя, бедняга,
 Ты настоящий работяга.
 Ты каждый год и год за годом
 Всё пашешь землю полным ходом,
 Не утруждаешь человека.
 А я от века и до века
 Даю ему красу и силу,
 Гоню врагов его в могилу.
 — Согласен, — Плуг ему в ответ, —
 К врагам не мил
 людской весь белый свет.

И меч я на веку встречал,
 Людей валил он наповал,
 И сечи были горячи,
 А ты металлом не брэнчи.
 Пора брэнчание бездушное
 Забыть, оно теперь не нужное!
 Пора, коль жизнь другая стала,
 Перековать вас на орала.

Вот и тебя, мой давний друг,
 Перековать бы надо в плуг.
 Все люди мирно жить должны,
 Чтоб были радостны, дружны!
 Поля пахать, детей растить
 И всем без страха, в счастье жить.

*

Жизнь начиналась не с меча —
Она с сохи, бесспорно, начиналась,
Светила в людях добрая душа
И к мирной жизни
Торить путь старалась.

Петух-поэт

По птичнику разнёсся слух:
Стихами стал грешить Петух.
Гадает двор пернатых:
правда или нет?
Но тут Петух признался: «Я поэт»!
Решили птицы, пусть же сочиняет
И громко нам свои стихи читает.
Поэт он настоящий или нет —
Потом решит
весь птичий высший свет.
Удостоверившись в своём призвании
И вскинув очи к потолку,
Петух провозгласил к стихам название:
«Истоки моего “ку-ка-ре-ку”».
И заявил:
— Я в творческом экстазе,
Не пропадёт мой петушиный труд!
Ведь мне не занимать фантазий.
Богат я ими — куры не клюют.
Совет же птичий дал своё суждение
И уместил его в одну строку:
В его стихах есть,
кроме самомнения,
Лишь всем известное
«ку-ка-ре-ку!»

*

Тот, кто к стихам имеет рвение,
Сумеет проникнуть в басни суть:
Писать стихи, да в самомненье,
То будет лишь КУКАРЕМУТЬ.

Лиса и Осёл

В саду тенистом вечером
Так славно, весело, ладком
Чиж с Соловьём запели.
А хитрая Лиса с Ослом
Слушали их трели.
И тут Лиса Осла спросила:
— В чьём пении волшебна сила?
Какой тебе по нраву голосок?
Прикинь своим умом, дружок,
Кому отдашь ты предпочтенье
За это благостное пенье?
Ушастый на Чижа тотчас же указал,
И всячески его он восхвалял:
— Смотри, как он на вид пригож,
И голос потому хорош!

*

Вот так и в жизни тож
О людях многие
по виду заключают:
И кто на вид красив, пригож,
Того и умником считают.

Собачья история

Порою в жизни мы неверно поступаем,
Потом печалимся, судьбу ругаем.

*

Собака не была на службе человека
За много лет до нынешнего века.
Тогда ещё природными дарами
Питался род людской,
А звери все
питались дичью лишь лесной.
Тогда с Лисой Собака в спор вступила:
Кому из них дана резвее сила?
В бега пустилась с ней, надеясь на успех,
Не ради праздных суетных потех.
Но перегнать Лису Собака не смогла.
И, давши волю, зависти, печали,
Не ведая о том, какие муки её ждали,
Собака к людям с жалобой пришла.
Ей Человек ошейник нацепил,
Как перегнать Лисицу, научил.
И понеслась Собака через горы,
Через поля, леса, через просторы,
Лису чтоб перегнать без состраданья,
И испустила та своё дыханье.
Собака за успех благодарит
Учителя и с лаем говорит:
— Благодаря тебе Лису я победила
И от печали душу излечила!
Теперь я возвращусь к себе домой
И буду жить в лесах и в поле.
Ей Человек:
— Да нет! Постой!
Теперь ты будешь жить в неволе.
Сыта всегда, всегда теплом согрета.
Собака же в ответ:
— Скажи, на что мне это,
Когда свободы нет?!
И поняла она свою оплошность.
Но поздно! Цепь на шее.
И кнут в руках злодея,
Утрачена возможность.
И с сожалением подумала она:
«А отнесись-ка я к обиде не так больно,
Моя б судьба была не так трудна
И жить, как прежде, я могла бы вольно!»

*

Для многих в мщеньях тайная отрада,
Но ради мщенья волей жертвовать не надо.
Тем, без чего вся жизнь ничтожна и пуста,
К тому же и в душе сплошная маята.

Опасные желания

Один Мечтатель жил в долине
И на судьбу свою роптал:
— Ах, почему живу не на вершине?
Быть может,
счастье я бы там познал.
Так каждый день
Творцу он докучает
(Ведь только Он
всем место утверждает).
Творец услышал, отвечает грозно:
— Да будет так!
Живи поближе к звёздам.
И Ангелу даёт он указанье
Просителя осуществить желание.
И вмиг горой долина стала —
Повсюду солнце засияло.
Открылись горизонты, дали,
Ушли тревоги и печали...
Но надо ж было так случиться —
На гору урагану напуститься.
И вот уж действует
свирепых ветров власть.
И вихри буйные кружатся,
Громы и молнии вершатся,
Всё чувствует свою
погибель и напасть.
Теперь «счастливцев» на вершине
Встревожен о своей судьбине,
И плачет снова он в мольбе:
— Всевышний! Помоги ты мне!
Как счастливы живущие в долине!
Им там и буря не вредит,
И ураган их не страшит.
Творец был той молитвой удручён,
Вмиг вихрем наш герой с горы сметён.

*

Мечтатель каждый должен знать:
Высокий пост непросто занимать.
Там вихри тайные роятся,
И очень трудно удержаться.

Мнение лисы

Лиса в деревне обходила двор,
Решила заглянуть через забор.
А там хозяйка гуся
спокойно потрошила,
И, чтобы не попасть в беду,
лиса уйти решила,
Подумала неволью вслух:
— Какой бы шум поднялся вдруг.
На ноги б поднялась деревня вся,
Начни-ка потрошить и я гуся.

*

И у нас бытует без сомнения
Лисицы вот такое мнение:
«Сегодня так себя чиновники ведут:
Спокойно денежки казённые крадут.

А если мелкий вдруг воришка попадёт,
Большой скандал вокруг пойдёт».

Суд над Барсуком

Барсук был стар и нездоров.
Собрал в лесу вязанку дров —
Ну, несколько полешек, может быть,
Чтоб в доме печку протопить.
Стянул покрепче их шнурком
Да и побрёл к себе пешком.
Но тут откуда ни возьмись
Вдруг Рысь-лесничий объявился.
Он вмиг составил протокол
За самовольный произвол.
А суд лесной был очень строг,
Лишь попадись, и вмиг — в острог.
Суды в лесу Медведь вершил.
И в краже Барсука он уличил.
Он зачитал свой приговор
И объявил: «Барсук, ты вор!»
И стражу он к нему приставил,
И под арест его отправил,
Чтобы Барсук закон познал
И дров в лесу не собирал.
Медведь довольный очень был,
Что Барсука так засудил.
Пригожим сам себе казался,
Самодовольно улыбался.
Ему ж на дачу не в первой,
Рысь дров завёз КамАЗ с горой.

*

Порою суд — такая клизма,
Что весь пороками смердит.
«Апофеозом гуманизма»
Его является вердикт.
Видать, Фемида бродит где-то
Меж дорогих особняков...
А правосудие? Вы дети:
Оно для серых Барсуков.

Напрасные хлопоты

Курица, хоть будет и стремиться,
Летать не сможет, как любая птица.
Не поплывёт, как утка,
не полетит с ветвей,
Как Галка или, к примеру, Воробей.
Но это кур тревожит мало,
Да только вот одной наседке
в голову запало.
Она решила твёрдо, смело
В курятнике исправить это дело.
Взглянула быстро на своих детей
Придирчиво оценивая
от клюва до когтей.
Она не стала долго ждать,
Пустилась им таланты наделять.

— Этот здоровьем пышет славным,
 Ему быть космонавтом главным!
 А этот лапками гребёт умело!
 Понятно, что пловец он будет смело!
 А этот целый день пищит,
 Послушать — так отрада,
 Певцом он точно сможет быть,
 ждёт его эстрада.
 Так каждого она ценила
 И место в жизни всем определила.
 И сразу твёрдо заявила не шутя:
 — Им всем нужны учителя!
 Которым чужды все пороки и корысть,
 Пусть учат всех моих цыплят науки грызть.
 Оплата заготовлена была для всех,
 На это и потратиться не грех!
 Подарками к тому ж всех одарила,
 Благословив, к учёню приступила.
 Цыплят учили педагоги так и сяк,
 Пока энтузиазм у них весь не иссяк.
 Известно, чтоб успеха в учении достичь,
 Нужно гранит наук упорно грызть.
 Наседка квохчет, ей вечно плохи,
 Конечно же, не дети, а педагоги.
 Нет у неё ни капельки сомнений:
 Малыши её умны, и каждый гений.
 Но будь у педагога семь пядей во лбу,
 Бездарный ученик глух будет ко всему.
 И сколько он труда в него ни вложит,
 «Рождённый ползать, взлететь не сможет».
 Мы эту истину всё время слышим,
 И в заключение мораль такую пишем.

Родители должны все твердо знать:
 Талант ребёнку они не могут дать.
 Только свыше отпускаются таланты,
 И в обучении они гаранты.

Сорока-Воровка

Сорока в лес однажды залетела
 И начала трещать зверям всем смело.
 Трещит все дни всё без умолку...
 Казалось, что в трескотне её есть толку?
 Только Сорока не просто трещала,
 Всем жителям леса она обещала,
 Что если её изберут в депутаты,
 То снизятся цены на энергозатраты,
 У жителей леса исчезнут проблемы,
 И все заживут без всякой дилеммы,
 Счастливы все будут, отступит ненастье,
 Все звери и птицы станут как братья,
 Заживут все богато, без всяких рутин
 По новой программе «Звериный почин».
 Для пушного шарма, чтоб виден был лоск,
 Окрасилась белой, отрезала хвост.
 Ну как не поверить красе голосистой,
 Тем более белой, бесхвостой, пушистой?
 И вот трескотня не прошла её даром,
 Стала Сорока на днях депутатом.
 Добилась того, что хотела, трескушка!
 Пробралась туда, где богата вершушка.
 Но только она добралась до кормушки,
 Забыла про все обещанья речушки,
 Про все, что трещала, разом забыла,
 А все неудачи на кризис свалила.
 В Думе спокойно она восседает,
 А звери в лесу всё больше нищают.
 Жалеют они, что так поступили,
 О том, что Сорока — воровка, тогда позабыли.

Басня вся эта без всяких прикрас,
 Не в бровь она метит — метит прям в глаз.
 Когда наступают выборам сроки,
 Не верьте тому, что болтают «сороки».

г. Челябинск

Маргарита Кононенко

Ценю не время — тишину

* * *

Сидеть в глуши, у водной чаши,
 глазеть с прищуром на луну
 и размышлять: «А что же дальше?»
 Паду, как в омут, в трын-траву:
 «Куда бежать от этой фальши?»
 Терпеть всё это не могу...
 И ухожу в себя, как раньше,
 ценя не время — тишину.

* * *

Светило жару всем поддало
 такое чувство, будто в бане.
 Народ купается в озёрах,
 изнемогая от жары.

А где же тучи, где дожди?
 Услышал нас, кто неба выше, —
 и гром гремит, и ветер свищет!
 Всех раздражил и улетел,
 полить угодыя расхотел...
 Увы, обходит стороной,
 крестьяне плачут: «Боже мой!
 Сажали овощи, зерно,
 оставил без воды... На дно?»
 Народ весь думой извели...
 Эй, Выше неба! Дай воды!
 Грехов свершили мы немало,
 так и ответ за них держали!
 Уж сколько бед терпел народ —
 Простить его пришёл черёд.

* * *

Мальва-красавица,
в гофре лепестки,
прячет девица
шагрен-стебельки...

Дикорастущая
во рву, у плетней —
радость несущая
для разных людей.

п. Увельский

Нина Кысса

Посвящение Снежинску

Мы любим свой лесной родимый край
И вечно молодую синь Урала.
Не нужен нам чужой заморский рай,
Мы там, где наше солнце засияло;
Где как герой, Отчизны зоркий страж
На берегу красавицы Синары
Встал молодой красавец город наш —
И нет на свете лучше этой пары.

Ход времени в любое время скор,
Дано ему навечно это право.
О, Снежинск, на виду Уральских гор
Цвети, приумножай Державы славу!
Как жаворонки, соловьи, скворцы,
Все радостно, взахлёб поют весною,
Вот так мы о тебе — твои певцы —
Поём с душой, сердечно и с любовью.

г. Снежинск

Иван Плетухин

А жизнь продолжается

Продолжатель Танкограда

Люблю тебя, мой город дымный,
Самозабвенно, как и прежде,
Тебя в спецовке тёмно-синей,
На торс наброшенной небрежно.

Стоишь ты над рекой Миассом —
Надёжный страж своей Державы,
И каждым в своей жизни часом
Приумножаешь её славу.

Твой вклад в Победу помним свято:
Лихих «катюш» огонь разящий,
И как уральские ребята
Навек ложились в землю нашу.

Ты варишь сталь.
Плывут вагранки,
Всё заполняя жарким светом,
Чтоб твои тракторы и танки
Всегда ценились на планете.

Сполна довольствуясь судьбою,
Одной упряжкой с Магниткой,
Мечтаешь ты своей трубою
Связать весь мир железной ниткой.

Ты на виду.
Не из последних,
Шагаешь вдаль, как на параде,
Былого времени наследник
И продолжатель Танкограда...

Пусть за окном звенят трамваи,
Снуют машины повсеместно,
На Кировке Олег Митяев
Поёт о светлом прошлом песни.

Пускай в научных пухлых папках
Живёт мечта — побыть на Марсе.
А наш неугомонный «Трактор»
В хоккее обыгрывает «Барса».

Живи и радуй нас делами
В своей спецовке тёмно-синей,
Наш город-бард, любимый нами, —
Цветок в руках родной России.

А жизнь продолжается

А утро звенело, а утро кричало:
Звало за собой и вернуть обещало
Далёкое детство, ушедшую юность,
Душевные песни, гитарную струнность.

И очень хотелось быстрее проснуться,
В распахнутость дня с головой окунуться,
Из сердца убрать всё, что вяжет и гложет,
И стать на минутку стройней и моложе.

Казалось, что всё это вот оно, рядом:
За форточкой где-то, на стенке фасада,
Стоит в изголовье, звенит у порога,
Его можно просто рукою потрогать.

Стремлюсь я всем сердцем, хочу дотянуться,
Но стоило только рукою коснуться
Живительной сказки, тепла и уюта,
И разом пропали блаженства минуты...

У форточки ветер осенний гуляет,
Мой верный Полкан на прохожего лает,
Трамваи звенят, где-то плещется море.
И жизнь продолжается в прежнем миноре.

Осенняя рапсодия

Как забытый лучик света,
Где-то виденный давно,
Накануне «бабье лето»
Заглянуло вдруг в окно.

Заглянуло, постучало
С клёна сброшенной листвой,
Соблазнительно сказало:
— Вот что, друг, ступай за мной!

Я пошёл, куда деваться,
Ведь зовёт оно меня?
Будет лето раздеваться,
Это ль не интрига дня?

В рыжей кепке клён знакомый
Машет дружески рукой:
— Не стесняйся, будь как дома,
Нынче праздник — выходной!

Солнце светит, словно в мае,
Но прохладен всё же бриз.
И летит на землю стаей
Отслуживший лето лист.

Он ложится на дороги,
На газоны и кусты,
На притворы, синагоги,
На могильные кресты.

Утепляет он пространство,
Как ковром земную стать,
Чтобы дать ей всё же шанса
В холода не зачихать.

Посветлело, будто в храме
От молитвы, и сама,
Притворившись за лесами,
Под морозными парами
Ждёт свой срок уже зима.

Осень. Я у парапета
Завороженный строю.
И играет «бабье лето»
Мне рапсодию свою.

Вселенское чудо

День томился в горниле огня,
Только вдруг широко и могуче
Гром ударил по клавишам дня,
Музыкальной октавой звеня,
Из откуда-то взявшейся тучи.

И замолкло всё сущее вдруг,
Посмотрело на небо с опаской:
И живущие люди вокруг,
Лес и горы, и высохший пруд,
И речушка, покрытая ряской.

И без паузы, словно в кино,
Крупный дождь заплясал по дорогам.
Здесь его ожидали давно,
И он шёл, благодатный, стеной,
Как подарок и милость от Бога.

Он спасением был в этот раз
После засухи долгой и нудной,
И теперь в этот радостный час
Дождь грибной превращался для нас
На глазах во вселенское чудо.

А мы в Чебаркуль

В бликах солнечного света
За окном в разгаре лето.
Плавится июль.
«На недельку до второго»
Кто-то едет в Комарово,
Мы же — в Чебаркуль.

Там в лесах на горных кручах,
Пусть немножко и колючих,
Есть места:
На нехоженных полянах,
От грибов и ягод пьяных,
Зреет красота.

Небо всё в зелёных перьях,
Окружают нас деревья,
Как солдатский строй.
Здесь и нега, и приволье,
И застолье, и здоровье —
Всё одной строкой.

После солнечного душа
Нет полезнее и лучше,
Чем пофлиртовать.
Рядом взгляд замороженный,
На две трети обнажённый.
Как тут устоять?

День проходит, как мгновенье,
В суете и наслаждениях.
Хочется запеть.
А потом в воде озёрной
Охладить свой пыл природный
И помолодеть.

Вечерком мы уже дома,
Где нам всё давно знакомо,
За окном июль.
Мы готовы вновь к работе,
Чтоб в грядущую субботу
Ехать в Чебаркуль.

п. Новосинеглазово

Александр Савенков

Осенью — дороги длинней

по хляби тореных дорог

гром грянул, и по всем углам
шептались к травле:
друг-август, выгорев дотла,
новопреставлен...

в негодование тополя
срывали листья,
в домах ожили соболя
да шубы лисьи...

бежала из-под ног земля
в безумство мистик:
ей не хватало громких клятв
и тихих истин:

по хляби тореных дорог,
псалмам и сурам
земля бежала из-под ног
в безбожный сумрак...

фонарь, дрожавший на ветру,
мгновенно высох:
проулок поперхнулся вдруг
горою лысой

и ворон криком горловым
ударил оземь —
по чёрным жемчугам травы
шла в город осень

тропами знаков

меркнут знаки зодиака...

Н. Заболоцкий

В столпотворенье знаков через пробелы в днях
сердце бежит собакой чуть впереди меня.

Рвутся дворы на митинг в брошенные сады,
рвутся наитий нити — рядом лишь поводырь.

Дремлет похмельно дворник, не закрывая глаз,
и дождевые корни цедают по капле нас.

Улицы топчем, степь ли, между добром и злом
нас дождевые стебли стягивают узлом

в томик стихов и притчей, но и таких, без доль,
мокрые стаи птичьи перелистают вдоль

и поперёк: ковыльим судьбам недолог срок —
стать дождевою пылью и оседать меж строк

в столпотворенье знаков через пробелы в днях
там, где бежит собакой чуть впереди меня

сердце...

О НЕЙ

Осенью — дороги длинней, осенью — протяжнее вздох,
осенью — все мысли о ней, уходящей в белый пролог...

А душа — темна и странна, словно не родня никому,
и указа нет — начинать наводить порядки в дому:

день убитый — в ящик стола, память — горсткой специй в вино,
горьким смехом быт пополам разорвать и бросить в окно

и сидеть в сырой темноте, выключив и сердце, и свет,
словно бы давно так хотел: обнулить все счётчики лет,

и дышать по-рыбьи начать, и, звериным слухом едва
различая звуки в речах, привыкать к их дырам и швам,

как вещам, что в темени вод обитают тысячи зим,
и уводят в безвесть того, кто решил довериться им,

а когда холодный рассвет поднесет предметы к глазам,
выбрать самый яркий — в ответ на попытку что-то сказать,

роясь в пожелтевших словах, что с небес в отточие дней
катится моя голова...

...и все мысли —
только о ней...
уходящей...

В КЛЕНОВОМ БРЕДУ

Кленовый лист больной, осенний
упал в былое — воскресеньем —
под пересуд дождя
и смотрит тихо, в небо прямо,
вот так же, как смотрела мама,
из мира уходя,

молча́ о том, что горе — гордым,
что вина превратились в воды
и заливают дом,
что уронить себя так просто,
что остывают птичьи гнёзда
в осиннике пустом,

что всякий страх, когда не божий,
стирает лики у прохожих:
вовек не разглядеть,
и, не найдя живого слова,
расходятся в бреду кленовом
кругами — по воде....

ИЩЕШЬ ВЗГЛЯДОМ

Осенний холод — верный холод:
его — не ждут, ему — не лгут;
немотствуя, клубится слово
в разрезе полустертых губ;

в опавших листьях ищешь взглядом
следы простых и вещей снов,
и дворник — темною монадой —
скользит по лезвиям углов.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ В РАМКЕ ДОЖДЯ

...голова в шерстяном кургане,
вещь любая на мне черна,
взгляд потерян, разит долгами,
нет ни веры во мне, ни дна.

то ли время в крови застыло,
то ли сам костенею в нём,
только небо свинцовым илом
заливает лицо моё,

и на долгую, видно, память,
о судьбе над грошом ворча,
вместо хлеба одна слепая
продала мне свою печаль...

тёмная сторона

Пьётся — до икоты — ночью чёрный чай:
взрослым бы заботам — детскую печаль.

Стонут трубы в ванной, ржавый кривят рот:
знать, не покаянный окаянный род.

Дремлют домочадцы, как листва в воде...
«Вам бы не встречаться никогда, нигде, —

карамелью бисер сыплет мелкий бес:
— Допивай чернуху, прячь в носильном крест,

что межстрочьем шляться, аки по воде, —
папироску в святцах гасит новый день».

сентябрь окраин

уйти до рассвета из спящего дома
на окрик дороги за мачтами сосен
и в смуту движенья войти, обменяться
прищурами взглядов, грошами молчаний
и долго смотреть, прислонясь к полумраку,
как он поглощает в сидящих напротив
сидящих внутри в отражениях смутных,
как тень ищет тень, как слипаются веки...

качается город, кончается век их
плодов, перезревших на пёстрых прилавках,
рекламные лица, либидо и голод
доводят проспекты до мусорной рвоты,
а в тюлевых рамках мелькают картинки
фамильного быта и норного счастья...

качается город, к ним не достучаться
окно запотело и плачет, как сердце,

скупыми слезами, слезами скупого
сентябрь окраин вещует на птичьем
о скором пришествии бабьего лета...

качается город, в полымя одетый,
и пепел ложится к подножию неба,
и листья, в стекло ударяясь, как титры,
летят в темноту из последнего кадра...

её осенние последние стихи

Настали золотые дни:
опальные раздёрнув шторы,
печаль выходит на карниз
и осыпается на город
с улыбкой в лезвие ножа,
что ей отчаянно не страшно
и будет так когда-то с каждым
из ныне присных горожан,

и белый дождь, взбежав за ней
на край небес, предельно шатких,
малюет слёзы на окне,
и вытирает их украдкой,
и, беглый взгляд под облака
подбрасывая как монету,
детали вымокших сюжетов
размазывает по щекам,

бормочет глупое «прости»
и взгляд ответный тщетно ловит,
чеканя паузами стих,
оборванный на полуслове,
её иконную ладонь
целуя в отраженье тусклом,
пока листва — сорокоустом —
нашёптывает свой огонь.

г. Горловка, Донбасс

Ирина Светлова

Свет былого

Они пройдут сквозь запертые двери,
Усядутся тихонько за столом —
Мои невозвратимые потери
Вернутся, освещая дом.

Торжественную дрожь предвосхищая,
Уже сияет на столе сервиз,
И аромат заваренного чая
Душистой дымкой в воздухе повис.

Желанных глаз заботливые взгляды...
Свист чайника призывный на плите...
Былого свет всего мгновенье рядом,
Чуть обернулся — нет его нигде.

Легко всплакнут воспоминаньем свечи...
Печаль сонатой лунной оживёт...
Да, время лечит. Безусловно лечит.
Но выздороветь память не даёт.

г. Челябинск

Тамара Симова

Не оборвите общую нить

* * *

Моя уральская сторона —
И где я только ни была:
Среди берез и сосен тонких,
Среди степей и ковыля.
Коса в ночах росой звенела
И пот стекал на грудь, бока.
Я знаю тонкий запах сена
И вкус парного молока.
Урал, трудяга сердобольный,
Мне душу бережно ковал,
А я жила одной любовью,
Судьбу и бедность не кляла.
Лишь на кичигинских просторах
Нашла собратьев по перу.
Холмы, уральские предгорья
Мне очень даже по нутру.
Моя уральская сторона
С собою песнь свою несла.
И с гордостью простой девчонки
Я стала женщиной села.

* * *

У любви свои капризы:
Буду, знаю, не хочу,
Не подписываю визы,
Лучше просто промолчу.
Будет золото в молчании
Осень сыпать, как листву,
Ты люби меня отчаянно,
Как невестушку свою.
Ты люби красиво, бережно,
Крепким вязом зелена.
Ах, любовь моя безбрежная,
Позови к себе меня.
То ль рябина слишком смелая
И горчинкой отдаёт,
Вяз и шагу к ней не сделает,
Терпеливо подождёт.
А когда зима неистово
Загуляет, как в бреду,
Холодами нежность выстрадав,
Сладкой ягодой приду.

* * *

Музыка, музыка, что же ты делаешь?
В зареве солнца в серебряных нитях,
Я заблудилась, песня, ну где же ты?
Криком тебя не могу заменить я.
Шёпотом — птицы тогда не слышат,
Им же захочется звук подхватить,
Голос и пальцы, куда вы спешите?
Не оборвите общую нить.
Страсти утихли, в клеточке птица,
Будет, конечно, немного дрожать.

Надо найти родничок и напиться —
С новой силой ноту держать.

* * *

Тихо сыплется под ноги лист,
«Бабье лето» ушло и пропало.
Приморозило, моросит,
Но к обеду опять засияло.
Вдруг всё ожило, заулыбалось,
Мухи празднуют свой карнавал.
Сад без белого спит одеяла,
Сиротливо кустом задрожал.
Тучи к вечеру веером плыли,
Снова хмарью укрылось село,
У кого-то суставы занули,
Кто-то тёплое пьёт молоко.
Отработала осень, устала,
И синицы прибились к домам.
Для рябинушки время настало:
Для души она сладкий бальзам.

* * *

От блеска глаз —
До блеска слёз,
До откровения всерьёз
Идти, лететь, а то ползти,
Чтобы сказать — прости, прости.
Я не боюсь казаться глупой,
Смешной, неузнанной подчас,
За то везде и там, и тут я —
Какая есть и без прикрас.
Честна, доверчива, открыта,
Не беззащитна, но слаба.
С моей щеки слезу сотрите,
И меркнут всякие слова.

* * *

Терпкий запах полыни
Придорожной окутан пылью,
И цикорий небесно-синий
С белоснежной ромашкой, ковылью.
Конотопка бежит вдоль дороги,
Где же кони? Одни машины.
Где же русские троечки-дроги
И горячие взгляды мужчины?
Здесь, сейчас девчонок целуют
Не под звон колокольчиков томно.
Русь молодая, гуляя, балует,
Хоть за окнами пыль и войны.
Веет терпкий запах полыни,
Лишь в оврагах запряталось лето.
Кто мы? Где обитаем ныне?
Но машины летят без ответа.

Ясный месяц

В ярких звездах — коромысло
Так загадочно повисло,
Даже показалось, чуть дрожит.
Это символ равновесия:
Сколько там и столько здесь я,
Может, этим кто-то тоже дорожит.
Мысли необыкновенны.
Мы хозяева Вселенной
И рассыпали любовь по всей Земле,
И цветами, и слезами,
И творим всё это сами,
Молча звёзды улыбаются во тьме.
Я прошу у неба солнца;
День придет, меня коснется.
Заиграют в стеклах блики-огоньки.
Да исчезнут все болезни,
Даже войны канут в бездну.
Ясный месяц, зорким оком —
тьму откинь!

Аркаим

Ветер странствий,
Океанов весть —
На горе покаяний
Ни встать, ни сесть.
Хлещет в спину,
Щёки горят огнём,
Иду к Аркаиму,
И я уже в нём.
Колени и шея,
Как тетива.
Прошу прощения —
Будь воля Твоя.
Кругами, кругами,
В спирали мир,
И шепот губами:
Вла-ди-мир.
И Бог, уж ветер
Запел в свирель,
И ангелов свита,
И слёзы в капель.
А то не слёзы —
Потоки дождя.
К небу возносим
Молитву твердя — Им:
Ар-
Ка-
Им!

с. Кичигино

Роза Тайгунова

Одуванчик

Жёлтенький, как солнце,
мягкий и пушистый —
вырос одуванчик
ёжиком ершистым.

Словно искры солнца
на него попали,
и цветы на стебле
золотыми стали.

Но недолго жёлтым
был наш одуванчик.

Что же с ним случилось?
Или взгляд обманчив.

Превратился в белый
невесомый шарик;
маленький, но смелый
кругленький фонарик.

Он с порывом ветра
улетел без страха
в сторону рассвета,
словно мала птаха.

с. Миасское

Тчльтан-Лаван

изнутри

Пробирался месяц меж звёздами —
взрѣзал краешком тѣмную синь.
И шептала я в прорезь: «Господи,
не покинь меня... не покинь...»

Месяц хочет вступить в ку-клукс-клан.
Носит белый острый колпак.
И выкладывает в инстаграм
фотки — как убивают бродяг.

Не покинь, прошу.. Слышишь, миленький?..
Страшно мне... Я исправлюсь... Верь!..
Месяц дёрнулся: «Не беси меня!»
И заткнул облаками щель.

Усмехнулся: «Читала Набокова?
Пригласят и тебя — на казнь».
Заискрился электрошоково,
выражая всю неприязнь.

«Надевай своё платье лучшее.
Жди, не жди — за тобой придут.
Будет небо — наглухо — тучами.
А под ними — безбожный суд».

...утром — в стороны занавески,
слов найти не умея: «Отче!!!»
И застыла: прореха небесная
ИЗНУТРИ — заклеена скотчем.

как Сэм — Молли

Все мои переломы — не вправлены.
Вот пальтишко и сидит вкривь и вкось.
На лице твоём две проталины —
исцеляют меня насквозь.
Раны рваные на ботинках.
И в кармане звенящая медь.
Я... к тебе прорастаю. Былинкой.
Отвыкая молчать и болеть.
Прорастаю из гиблого вороха
никому не нужных страниц.
Видишь — астр колкие всполохи?..
И размытость, смазанность лиц.
В этой осени, нам предназначенной,
зыбки контуры и ответы.
За подкладкой отпоротой прячу я
два с открытой датой билета.
Лишь пунктиром — сюжетная линия.
Не прописаны наши роли.
Но сейчас — обними меня...
Как Сэм — Молли...

г. Киселёвск

Вячеслав Тюнькин

Чтобы белые одежды

Антистресс

Со стрессом бодаться
Наивно и глупо —
В неравной борьбе
Не сносить головы...
Ты видел его?
Ну хотя бы пощупал?
Я к стрессу,
Как образу жизни,
Привык.

Боль

Я твою болью ранен.
Я иду по узкой грани.
Очень острая межа:
Жизнь — на лезвии ножа.
Во вселенской круговерти —
Между житиём и смертью —

Жизнь — на кончике иглы.
Одеяния белы...

И на этой грани зыбкой
Нет мне права
На ошибку.

Ты сейчас — моя надежда,
Чтобы белые одежды
Ради жизни оправдать.
Да отступится беда!
Рвётся боль наружу стоном...
Лик — страдательно-иконный...
На конце иглы-копья —
Боль твоя и боль моя!

И на этой грани зыбкой
Нет мне права
На ошибку.

После ночи смурой мудро
Грянет солнечное утро
И развевает миражи...
Значит, одолела жизнь!
Не запишут на скрижали
То, как мы с тобой сражались,
Победили, иже с ним...
Мы историкам простим.

Но на этой грани
Зыбкой
Нет мне права
На ошибку.

Город любви

Осенняя листва
Сгорает на ветру...
Любовь всегда права —
Приметы не соврут.
Приметы говорят:
Вечер грядёт зима,
А следом вдругорядь
Весна придёт сама.

И этак — день за днём,
И так — за веком век...
(Поверьте — всё при нём!)
Мечтает человек:
Не сбиться бы с пути,
Найти тепло и кров,
Однажды обрести
И сохранить любовь.

А в нашем городе Любви
Весною даже воробьи
Поют страдания свои
Душой —
Совсем как соловьи...

Для вас...

Не велено
Господом
Жить без родни, без друзей!
Ненужные люди
Недужно
Почили в бозе.
А вроде сегодня
Ходили ещё по росе —
Такие, как я,
И такие знакомые
Все...
Не слышен в пустыне пустой вопиющего глас...
А сердце стучит —
Вы слышали? —
Это для вас...
Друзья дорогие, подруги мои —
Déjà vu! —

Любимые дети и внуки мои —
Наяву! —
Я вас на застолье своё
Хлебосольно
Зову:
Покуда вы рядом,
Покуда я с вами —
Живу.

Зеркала

Пришла пора:
Без сожаленья
Не быт ценить,
Но бытиё.
По-за стеклом ловить
Мгновенье —
Не отражение своё.
Пора,
Традиции нарушив,
О том, что было, не скорбя,
Смотреть не в зеркало —
В себя.
Не в зеркало смотреть,
А в душу:
Она,
Как водится,
Невинна,
Она по-прежнему
Светла,
И нет причин считать морщины...

Как лживы ваши
Зеркала!

К теории естественного отбора

Из питекантропов —
В неандертальцы...
И пошли по Земле с котомками...
Выйти в люди кому досталось —
Обзавёлся
Потомками.

Да Земля со временем тесной
Для потомков строптивых стала,
И включился отбор —
Естественный,
По своим
Неестественным правилам:
На извилины зря надеешься —
Где среди зверья разум был в чести?
В драке выживает
Сильнейший —
Крепче челюсти.
Исключением называется
Низкопробная сделка с совестью:
Приспособленный выживает.
Ты успел приспособиться?

Неужели не сыщешь места
В мире этаким
Для добра?
Пресловутый отбор
Естественный
Переделывать нам пора!
И докажут ещё учёные
То, что Дарвин не досказал:
Выживают в борьбе
Сплочённые.

...опустел лекционный зал...

Мисс России

Нынче модно —
Выбираем красавицу,
Коронована
Вселенская мисс...
От Юдашкиных грешно
Не проставиться:
Благодетели не перевелись...
А спросите вашу добрую
Бабушку —
Не беда, что в серебре голова:
Что носили наши
Русские ладушки
Поколение назад
Или два?

По уставу —
На плечах —
Гимнастёрка,
По уставу —
Кирзачи-сороходы
Да суконная шинель
Однобортная —
Мисс России
Сорок первого года.

И коня остановить —
Силу вражью,
И в полымя —
Почитай, что в избу,
Ни геройством не пристало
Куражиться,
Ни кивать
На горевую судьбу.
Верить в то, что за тобой —
Дело правое,
Кто бы ныне ни стоял
У руля.
Русь —
Была она и будет! —
Державою.
За спиной твоей —
Родная земля.

По уставу —
На плечах —

Гимнастёрка,
По уставу —
Кирзачи-сороходы
Да суконная шинель
Однобортная —
Мисс Европы
Сорок пятого года.

Поисковые отряды

Мы на своих несли штыках
Земле,
На свастике распятой,
В благословенном
Сорок пятом
Покой
На долгие века.

А на истерзанных полях
Моей
Израненной России
За нас усопших,
Как Мессии,
Хранит
Кормилица земля.

Под безымянной высотой
Они
Не требуют награды
И, несомненно,
Будут рады
Посмертной памяти простой...

Война не кончилась тогда,
И мы — как прежде —
В обороне
Пока последний наш
Солдат,
Как Человек,
Не похоронен.

Стадо

*В природе стадом баранов
всегда управляют козлы.*
Зоологический факт

Мы блажим
В ожидании чуда —
В исполнение дерзких надежд...
Мы не верим
В наличие
Блуда
У носителей
Белых одежд.

Верим каждому
Важному
Слову,
Что способно кормить миражи...

Будь готов!
Мы, конечно, готовы:
Будет надо —
Натянем гужи.

Сами рады поверить
Обману,
Да одежды
Как сажа
Белы...

Вам известно, что в стаде
Баранов
Завсегда хороводят
Козлы?

Х. В.

Спасибо родителям:
Как полагалось
И в меру
Хранили —
Досталось и нам —
Православную
Веру.
Для нас это было
Напутствием
Или примером...
И Бог нас простит.
И позволил осилить
Химеру.

И где бы я ни был,
Какая б лукавая сила
Ни застила взор
Золотой и серебряной
Пылью,

Ни страх нагоняла
Полыню-звездой —
Чернобылью —
Всё было уже
И давно поросло уже
Былью...

Пройдя столько лет
В отрицании
Бога
Убогом,
Как будто по самым убитым
Российским дорогам
Заблудшим вертаешься,
Словно
К родному порогу,
К знакомому с детства —
К такому знакомому! —
К Богу.

Чу!
Утро планеты звенит ветерком
в мелколесье

И щебетом птиц —
Нет на свете
Божественной песни —
Срывает покровы
Обиды
И мелочной лести,
И взор окрыляет,
И душу зовёт
В поднебесье!
Христос
Воскресе...

г. Коркино

Алексей Фролов

Заметает листопадом

Философия заката

Философия заката..
Ощущенья, краски, звуки.
Грома дальнего раскаты
Из божественной базуки.

И шурум-бурум по фронту,
И спокойствие по тылу,
Уходящих — мастодонты,
Приходящих — легкокрылье.

На арене — цвет и серость,
Вся вселенская палитра,
Тишина, либретто дерзость
С дирижёрского пюпитра.

И художник кропотливо
Дарит зрителям нюансы,
И любит на диво
Люд уральского прованса..

Затерянный август

Прозрачен лес
кузнечиковых трав.
Забав стрекоз
второе возрожденье.
Мне симпатичен
августовский нрав —
Тепла победа
после поражения.

Репейник,
 бижутерия дорог,
 Стрекоз младых
 каштановые блёстки,
 С колосьев рыжих
 выпавший оброк,
 На все четыре —
 пуха переброски...

Он не предаст,
 не свалит за границу,
 Вернет нас в лето —
 ну а куда ж ещё!
 И улыбнутся
 мне родные лица
 Загаром свежим
 золотистых щёк.

Лёгкой рысью

Лёгкой рысью
 по утренней лестнице
 Из подъезда,
 сквозь ивовый двор,
 Через улиц, машин
 околесицу
 Я ныряю
 в лиловый простор

Неба, солнца
 и свежести просини —
 Жизнь прекрасна
 во все времена.
 Если даже
 в обочину бросило,
 Подрывайся —
 она же одна!

Герань

Герань, как дева,
 алым цветом
 Мне окропила подоконник.
 Терзаясь,
 как поручик лета,
 Под ней свой цвет
 ронял шиповник...

Хочется

..Белёсый день
 Раскрыл стрекоз.
 Уютный стрёкот
 среди трав...
 Коровок божьих на полыни
 неприятзательный анклав.

И хочется,
 среди красы
 ромашек средней полосы,
 Отдаться
 ветру золотому
 в тепла последние часы!

Середина лета. На день города в Каменске

Монотонно-бесхитростно
 Утром дождь проскакал,
 И унёс свои мытарства
 За рассветный портал.

Пижмы вылезли зонтики
 Среди сверкающих трав,
 И арбузные ломтики
 Раздаёт домуправ.

Металлурги — счастливые.
 Кто-то ищет кусты...
 Фейерверки — красивые...
 А карманы — пусты...

Зацепилось лето

Огоньки фацелии,
 как море светлячков,
 В занавеси меркнувшего неба —
 Замершее чудо
 среди лугов и облаков
 На краю неубранного хлеба.

Мёда ароматами
 заполонят весь дом,
 Ты в них сразу влюбишься, как пчёлка.
 Зацепилось лето
 в ожидании твоём
 Гостем из случайного просёлка.

Последние цветы

В снегу тысячелистники,
 И синьки васильков,
 И глазки там анютины,
 И дали облаков.

Дышу я этой осенью
 Заснежем смурных дней,
 Бродя по поздноцветию
 Запущенных полей.

* * *

Заметает листопадом
Нивелир вместе с прорабом.
Солнце жарит в левый глаз,
На спине тенится иней —
«Бабье лето» небом синим,
Ренессансом комариным
Нынче тихо троллит нас...

* * *

За нивелир
цепнулась паутина.
Оса пристала —
жалко убивать.
Как Рождество,
приходят Сентябрины,
С желаньем щедрым
всех и вся прощать.

Усть-Катав

Я сижу в горной местности
Средь цикад и сверчков,
Скрыв себя в неизвестности
От подруг и врагов.

И от этой беспечности
С пивом и судаком
Веет призраком вечности
С моментальным концом.

Пахнет лист белый рыбою —
Не кустом белых флокс...
И чего я тут рыпаюсь
На судьбу... парадокс.

Разбитые ранетки

Голуби клюют
разбитые ранетки,
Лиственной резьбой
оклеен весь асфальт.
И свистит мотив
извечной оперетки
Парочка синиц
с тенора — на фальц...

Перед дождём

Набрякло небо, гасится закат,
А мошки-дуры вылезли на свет.
Стрижам же надо выкормить стрижат.
И начался стрижей кордебалет.

Как «МиГи», по-сверхзвучному свистят,
Форсируют, чуть не касаясь стрех..
И сколько ж надо хапнуть мошкарят,
Чтоб их хватило под стрехой на всех...

г. Челябинск

Александр Фунштейн

И длится горькая печаль

* * *

*Раненый на дуэли Пушкин умерал два дня
и скончался 10.02.1837 г.*

Кто лучше скажет о зиме?
«Мороз и солнце, день чудесный...»
Такое сделал резюме
Поэт наш, всей земле известный.

А нынче как-то всё не так:
Морозы даже измельчали...
А Пушкин нам оставил знак —
Февральский день большой печали.

Прошло почти две сотни лет...
Неукротимо время мчится,
Но тот проклятый пистолет,
Мне кажется, ещё дымится.

И длится горькая печаль,
Два дня казались веком длинным,
И милый, добрый доктор Даль
Бессилен без пенициллина.

Пенициллин, он мог спасти!
Творений новых сколько б стало!
Великий Пушкин! Ты прости,
Что так наука опоздала.

* * *

Как неохота умирать,
Уйти и в прахе раствориться.
А «мир иной», как говорится,
Захочет ли меня принять.

Там будут дни мои плохи,
Поблажек там не будет, братцы.
Ведь там за все мои грехи
Со мною будут разбираться.

Там тела нет, там не побьют,
Не надерут, как в детстве, уши,
Зато донельзя изведут
И так израненную душу.

Ну для чего мне мир другой?
Мне этот очень интересен,
Ещё не спето столько песен,
Нет, я отсюда ни ногой.

Хочу всё видеть, всё узнать:
Мир станет раем иль пустыней?
Хочу я жить и поживать
Покуда солнце не остынет.

Да вот слаба учёных рать,
Что над людским бессмертьем бьётся...
Мне очень жаль, но умирать,
Увы, но всё-таки придётся.

* * *

Земля, Земля — проблемная планета...
Ведь кто-то, в небесах живущий где-то,
Придумал человечество на ней,
Но мало людям дал счастливых дней.

Для бедствий наших несть числа причинам:
Без женщин невозможно жить мужчинам,
При этом очень часто, как известно,
Нам скучно врозь, а вместе очень тесно.

А нам твердят: «Природа гармонична,
Творец создал всё просто на отлично,
А если много есть несчастных судеб,
Так это виноваты сами люди».

Но кто же нас создал, людей, такими?
Скажите, назовите это имя.
Наш мир, увы, не очень-то удобен,
Кому же гомо сапиенс подобен?

Мы можем пережить жару и холод,
Мы можем потерпеть порою голод.
И было б на Земле довольно ладно,
Когда бы кто-то не придумал жадность.

COVID-19 — ненаучная фантастика

Опасный вирус на людей напал,
Такое вот на нас напало лихо.
Я в лес зашёл, вдруг стало тихо-тихо,
Как будто космос шум в себя вобрал.

Я глянул вверх, и показалось мне,
Что где-то в самой глубине Вселенной,
Наверное, на самом её дне
Дворец стеклянный необыкновенный.

И там внутри среди цветных огней
То ли гигант сидит, а то ли робот,
Считает, сколько мне осталось дней
И сколь важна земле моя особа.

Вот он на землю устремляет взор,
Глаза его ещё сильнее пылают,
И сквозь вселенской вечности простор
Он импульсы на землю посылает.

Вот он мигнул, издал негромкий стон:
О чудо! Пронеслись всего мгновенья,
И, например, Ньютон открыл закон —
Простой закон земного притяженья.

Вот так уже наверно, много лет
Он с добрым намерением мигает,
Великим людям шлёт он свой привет,
Они законы жизни открывают.

Но иногда, не вовремя мигнув,
Решив, что мир людской безмерно вырос,
Он насылает на людей войну,
А иногда такой вот страшный вирус.

Гигант иль робот! Вновь на нас взгляни!
Мы вытерпим мороз, жару и сырость,
Но только ты, пожалуйста, мигни,
Чтобы исчез проклятый этот вирус.

г. Челябинск

Юрчй Халгун

И помнятся счастливые мгновенья

* * *

Шумело море, волны бились
О берег каменистый и крутой.
И мальчик, что впервые море видел,
Боролся с набегающей волной.
Он то нырял под волны, исчезая,
То появлялся, громко хохоча.
Он радовался собственной забаве,
А мать его ругала сгоряча.
И помнятся счастливые мгновения,
Хотя с тех пор прошли уже года.
Но не увижу больше, к сожалению,
Я это море детства никогда.

* * *

Пусть для кого-то осень — унылая пора,
И в листья разноцветные одетая природа,
Последних тёплых дней закончится игра,
На двор придёт иное время года.
Давайте все мы радоваться будем
Последним тёплым дням, природы красоте,
Ведь впереди нас ждёт зима и вьюга.
И будет всё — не так. И станем мы — не те.

Старый дом

Я зайду в этот старенький дом,
Где висит на стене твой портрет.
Так, как было, осталось всё в нём,
Но тебя в доме том давно нет.
Мать вздыхала в домике том,
И подушка была в слезах.

Ты погиб в сорок первом году,
Никогда не вернёшься назад.
Но жива та сирень под окном,
Что когда-то ты посадил.
— Я вернусь с войны, мама, домой! —
Так ты маме своей говорил...

г. Кыштым

27

Графоман № 3 (43) - 2020

Анатолий Чигинцев

Кто вернётся — долюбит

Казакам посёлка Березинский

Край ты мой любимый,
Край ты мой желанный,
Всё вокруг красиво:
Туеткан кристальный,
Купола златые,
Церковь в отраженье,
Казаки лихие,
Праздник, воскресенье!
Над крутым обрывом
Кони стали дыбом —
Шёлковые гривы —
Потянуло дымом.
Расседлались, вышли
казаки рядами.
Шли по спелой вишне
С наголо клинками.
За свою станицу
и за кров семейный;
Там — чужие лица,
А овраг ничейный.
Неужели снова
Надо будет биться,
И казачьей кровью
Всё в бою решится?
Церковь с куполами,
Звон стоит в округе.
Бог, конечно, с нами...
Но вот без подпруги
Конь пришёл в станицу,
Стало всем понятно:
Отпевать, молиться
В доле безотрадной.
Казаки лихие
Род не посрамили.
Уральские, донские
Жили, бились — были.
Памятник из гипса
Казакам в станице.
Перед нами лица —
Взять и поклониться...

Школьная пора

Мы выбираем, что-то не знаем,
Что-то не знаем, но понимаем:
Время надежды, время свершений,
Мы выбирались из всех положений.

Школьное время — главная тема,
Главная тема двигала тело;
Будут моменты, аплодисменты;
Аплодисменты, синие ленты;

Синие ленты школьного вальса;
Школьного вальса, круглые пяльцы...
Мы на пороге нового века,
Нового века, мы из Совдепа,

Мы из Совдепа, ничуть не жалеем:
В прятки играли, что-то имели,
Что-то умели, в том наша сила;
В мире Совдепа жили красиво.

Этой майской порой

Распустилась берёза,
Белоствольная роза.
Ветер ветви колышет.
С запада на восток
Улетел мой Серёжа,
Его пьяна рожа
Никого не приводит в восторг.

Расцветают цветочки
В эти майские ночки.
Вновь луга зеленеют
Перед летней порой.
И чему удивляться?
Снова взять и нажраться —
И начнутся свиданья
С високосной весной

В жизни может случиться:
Можно снова влюбиться.
Тёплый ласковый ветер
Мне щекочет лицо.

Будет много свиданий,
От родных — нареканий.

Шепчет внутренний голос:
«Ты держись молодцом»!

п. Чесма

Юдина Евгения

В душу русскую я верю

Измышлизмы о карантине

Подойду к открытому окну,
Свежесть утра вешнего вдохну.
Как же непривычно стало жить
В самоизоляции.

Вирус круто жизнь нам изменил.
Выходить из дома запретил —
В жизни нашей вдруг произошла
Реорганизация.

Что же, что же, что же за окном
Утром вечером и даже днём?
Улицы пустыньны — нет людей:
Скрыты изоляцией.

А весна шумит, звенит, поёт —
Наступил теперь её черёд
И совсем уж скоро расцветёт
Желтою акацией.

Пандемия — нет, не ерунда:
Ведь никто не знает, а когда
Вирус этот схлопнется, уйдёт —
Сгинет изоляция.

Все вернётся на круги своя,
Станет вновь привычной жизнь моя,
Несмотря на всё и вся
Игры-модуляции.

Умные частушки

Есть частушки разные:
Шуточные... страстные...
Мы ж споем вам умные,
Умные-разумные.

Человек на свет рождается,
Чтобы жить своим умом.
Ну а ум вам пригодится
И сегодня, и потом.

Дружишь в младости с умом —
Станешь мудрым стариком:
Охать в старости не будешь,
Сожалеть о прожитом.

Даже рыбу из пруда
Не достанешь без труда.
А терпение и труд
Всё на свете перетрут.

Если одолела лень,
Долго тянется весь день.
Скучен день до вечера,
Если делать нечего.

В зубы не смотри коню,
Если конь дарёный.
Ну а хрену дай созреть,
Чтобы стал ядрёный.

Если слово — серебро,
То молчанье — золото.
Кулаком не бей в добро —
Береги честь смолоду.

У природы — вечность

*Есть только миг между прошлым и будущим
Именно он называется жизнь.*

Из песни

Каждый день меняет осень свой наряд,
Удивляет красок многоцветьем.
«Это “бабье лето”, — говорят, —
Это вспоминаем мы о лете».

Радуемся солнечным лучам,
Как-то по-особенному ярким,
И немногим очень тёплым дням —
Их мы принимаем как подарки.

А наступит долгая зима —
Всё вокруг покроет сединою.
Чем нас может удивить она?
Чем порадует? Что принесёт с собою?

А весной каждый возродится,
Лето душу отогреет нам.
С осени всё снова повторится,
Поплывёт, как будто по волнам.

Вновь закрутится природы маховик,
Двигаясь, верша перевороты.
Это наша жизнь — есть только миг.
У природы — вечность. Вечность у природы.

Пятое время года

Знают все, что есть зима.
Есть весна. Есть лето.
Осень красками полна,
Знают все об этом.

Кроме этих четырёх,
Ясных и понятных,
Неожиданно и вдруг
Возникает пятое.

Словно сверхметеорит
Разрезает тучи,
Вдруг громаду туч пронзит
Солнца яркий лучик.

Замелькают краски вдруг
Празднично и пламенно,
Озаряя всё вокруг
Будто ярким пламенем.

И салютом ярких брызг
И тепла, и света,
Как ребячий смех и визг,
Дарится нам лето.

О подарке — щедр иль скуп —
Не судите рьяно...
Мне от сладких этих пут
Хочется быть пьяной.

Время это непростое
И не долгое — скупое:
Скупость та — не жабья;
Это лето — «бабье».

Верю

Каждый волен во что-то верить:
В справедливость иль в добро...
Каждый волен всё проверить:
Кто иль что вам помогло.

А я верю в Человека:
Его разум, доблесть, честь...
От рожденья и до века
Это было, будет, есть.

В душу русскую я верю —
Вот она есть божество.
Если хочет кто проверить,
Испытает торжество.

Верю в матушку природу,
Что рождает вся и всё;
В то, что женского есть рода —
Так гласит чутье моё.

Любовь, Верность и Отчизна —
Рода женского слова.
В женщине — начало жизни,
Жизнь есть женщина сама.

Верю в Родину — Россию,
В светлую судьбу её:
В славу, мощь, величье, силу —
Есть всё это у неё.

г. Челябинск

Александр Яхут

Время слышится оно

Июнь

День полыхал, звенело лето,
Томился город, как рагу...
Я этой казни беспросветной
Не пожелал бы и врагу.

А над цветами, словно в баре,
Гудит зелёная братва!
И каждой твари здесь по паре —
Для них цветочная ботва.

Но вдруг на раны и на рамы,
На травы ливневым дождём,
Мошну раскрыв и темперамент,
Гроза прошлась над летним днём.

И стало тихо.
И прозрачно.
Пропало лихо —
Однозначно.

И лишь шмели, как мужики, гудели,
Вонзая хобот в выбранный окрас.
И к вечеру ромашки поглупели,
Раскрывшись, как невесты, напоказ...

Июль

Ах, этот зной, и тонкий звон,
И утомительность от лета;
Полёт стрижей на пике света
И послегрозовой озон.

И встрепенётся на лету
Душа, готовая к покою,
И сбарагозит вдруг такое,
Что ей потом гореть в аду.

Но всё равно его люблю:
Его серебряные росы,
Когда его пронзают осы,
И слёзы зреют к октябрю.

Этот болдинский август

Этот болдинский август
С синевой высоты,
Спас-медового блага
И блажной пустоты.

В нём до зябкого звона
Хорошо на душе;
Время слышится оно
Не потом, а уже.

Всё прозрачно и ясно.
Жить бы дальше и жить
Ко всему безучастным,
Только слову служить.

Но закончатся Спасы
И Успенье придёт,
И по светлому сразу
Хриплый дождик прольёт.

И в дымах листьев палых
Огонёк ворожит:
До успенья осталось
Сколько лет мне пожить?

г. Челябинск

Про шоколадку и параллельные миры

Поверишь тут в параллельные и пересекающиеся с нашим миры, когда вот она — была вещичка, край нужная, — и тью-тью, нетути. В таком случае старые люди учили приговаривать: «Чёрт, чёрт, пошутил, да отдай!» По теории вероятности, в половине случаев потеря должна найтись. Однако на практике заговор срабатывает стопроцентно! Но бывают, увы, досадные осечки... как дурак, забудешь свои способности, умения и вообще что подобен богу. На наше счастье, у судьбы есть запасные ходы!

Итак, 2020 год. Пандемия нового коронавируса. Абсолютно все новости — про заболевших, вылечившихся и умерших. Можно было подумать, что рак, инфаркт, СПИД и прочие болезни исчезли, оставив поле боя вновь обнаруженному вирусу! Самоизоляция, обязательное ношение перчаток и масок-намордников, перепрофилирование клиник разных специализаций на «коронавирусность», запрет на любые собрания, развлечения, празднования, соревнования! Отменён даже юбилейный парад Дня Победы 9 мая! Повальное обанкрочивание среднего и малого бизнеса. Ожидание и перенос голосования по поправкам к Конституции России...

Шёл третий месяц пандемии. Июньское солнце жарило в полную силу, от асфальта поднимался раскалённый воздух, мираж создавал иллюзию несуществующих лужиц. Пенсионный фонд, следуя инструкциям Роспотребнадзора, пропускал внутрь офиса, в коридорчик рядом с вахтёрской, всего-то по два посетителя. Остальные ожидали приёма на улице, пытаясь соблюдать положенную дистанцию в полтора метра. К очереди, цокая каблучками, осторожно приблизилась девушка-блондинка в светлом платьице цветов российского флага. За плечами несуразно свисал рюкзак цвета хаки.

— Кто? — звонко спросила блондинка, имея в виду, кто тут последний.

— Я, — ответил крупный, почти гигантский, краснолицый мужчина в наглаженных брюках и светлой футболке, обтянувшей красивый мышечный рельеф. Лицо его от жары покраснело, но не потеряло интеллигентного выражения.

Девушка пристроилась в хвост змеи-очереди, лениво замершей на раскалённом асфальте.

Открылась заветная дверь, выглянула инспектор: женщина средних лет, гладко причёсанная, в очках на пол-лица, в медицинской маске, тёмно-синем платье. Строго, устало оглядела ожидающих:

— У кого какие вопросы?

Мгновенно нарушая противокоронавирусную дистанцию, змейка очереди смоталась в клубок, вкатилась на высокое крыльцо. Посыпались вопросы:

— Девушка, милая, как получить пособие на инвалида?

— У моей мамы уменьшилась пенсия, как узнать почему?

— Мы по материнскому капиталу.

— У меня арестовали счёт в Сбербанке, как быть с перечислениями?

Инспектор с ловкостью одновременно волейболиста и шахматиста отвечала на вопросы, запоминала, собирала документы. Блондинка объяснила свою проблему, подала паспорт и в ожидании его возврата замерла, словно часовой, у входной двери.

Нешадно палило солнце. Хорошо, что она надела тёмные очки и взяла немного воды. Очередь изнывала от жары. Хрупкая девчушка годиков двух просилась к маме на ручки, а мама то брала, то отпускала её, то уговаривала пойти к папе в машину. Мужчина, почти гигант, улыбнулся мамаше и девочке:

— Это у вас второй ребёнок?

— Нет, первый.

— У меня двое. Мальчик и девочка. Мальчик старший. Надо бы сначала няньку, потом ляльку, а у нас наоборот. — Он немного помолчал, чуть придвинулся к собеседнице. — Вообще-то я окончил медицинский. Вот, передают по радио — пятеро из Росгвардии заболели без симптомов (он поднял вверх, восклицательным знаком, указательный палец) коронавирусом. Из-за этого Парад Победы отменили, обидно! А наш профессор в медакадемии утверждал, что любая болезнь обязательно имеет симптомы! Интересно, сколько заплатили этим гвардейцам, чтобы они согласились болеть бессимптомно?.. Как тебя звать? — обратился он к малышке.

Девочка робко прижалась к маме.

— Она у нас ещё не разговаривает, маленькая.

— А язычок у тебя есть? Смотри, какой у меня язычок! — Он действительно высунул язык, свернул его трубочкой и быстро спрятал.

Малышка улыбнулась, в ответ чуть-чуть показала дяденьке свой розовый язычок, помахала ручонкой: вот, мол, как я умею.

Через полчаса женщина с очками на пол-лица снова выглянула с неизменным вопросом. Новенькие подошедшие сгрудились у входа, новая змейка свернулась в суетливый тесный клубок. Каждый спешил задать свой суперважный вопрос. В результате двое были впущены внутрь, пятеро «отфутболены» в МФЦ, ещё часть ушли за недостающими документами или записались на приём аж через месяц.

Стоило женщине исчезнуть за дверью, вновь наступило расслабленное жарой спокойствие. Усатому мужчине без маски захотелось продолжить разговор на насущную тему:

— Какая, к чёрту, пандемия! — обратился он к краснолицему медику. — Мы и раньше, зимой, болели этим и другими вирусами, но не знали названий. Подряд всем диагностировали ОРЗ или грипп, да и лечились спокойно, без паники.

— Это похоже на политические игры! — поддержала его дама, тоже без маски, но в элегантной шляпке, с величественной осанкой.

— Вот, вот, «перезагрузка» к «новому мировому порядку», — подхватил тему парень в чёрной футболке, такой же кепке и маске с модно нарисованным оскалом. — Выдать крошечные пособия, а под этим предлогом занести в базу данных всё население.

Молодая мамочка повела девочку к красной «Тойоте». Бабулька на нижней ступеньке крыльца усердно вытирала пот с лица платочком, прислушивалась к беседе. Наконец не выдержала и выдала своё резюме:

— Сталинские времена, похоже, возвращаются. Обанкротятся из-за «самоизоляции» коммерсанты средней руки, освободится много рабочих рук. Будет кого посылать принудительно или за копейки на добычу золота, в урановые рудники, поднимать разваленную за перестройку промышленность.

Два длинноволосых парня в ярких шортах хихикнули над дремучими бабулиными размышлениями и продолжили потягивать энергонапитки из прохладных металлических банок и резаться в какую-то игру на экранах смартфонов. Время тянулось резиново.

Дежурная по связям с клиентами опять выглянула. Толпа спрессовалась: кто-то задевал другого локтём, кто-то толкался легонько в бок. Дежурная протянула блондинке паспорт и талончик на приём. Она одновременно что-то отдавала ожидающим, что-то брала и отвечала всем сразу. Как не запутывалась в этом хаосе просьб и вопросов? Прямо как великий Юлий Цезарь! Спросила у блондинки данные для заполнения формы «номер икс». Девушка порылась в портфеле, подала нужный листочек.

— Всё, вы можете идти, придёте по талончику в указанный день. — «Юлий Цезарь» в юбке скрылась за дверью.

Блондинка собралась последовать её совету, но вдруг ощутила, что чего-то не хватает. В руках не было паспорта! Она проверила портфель по всем карманам и отделениям, документ как сквозь землю провалился! Или выпал в параллельное пространство? Перепроверила ещё раз. И ещё. Безрезультатно! Обернулась, осматривая крыльцо и ступеньки. Ни в портфеле, ни вокруг! Нет нигде!

— Вы, наверно, забрали мой паспорт! — заявила она дежурной, в очередной раз открывшей дверь.

— Не волнуйтесь, я посмотрю.

И она действительно посмотрела, поискала в кабинетах у коллег. Но не нашла. Пропажи не было ни внутри, ни снаружи пенсионного фонда!

— Что мне делать? Может быть, вы впустите меня внутрь, я проверю портфель ещё раз? Если не найду, придётся вызывать полицию.

Дежурная не возражала, лишь нервно сверкнула глазами за очками в пол-лица:

— Вызывайте, если хотите! — Резко развернулась, ушла в свою кабинку принимать крупного интеллигентного мужчину.

На столе возле вахтёрской появились: записная книжка, наушники, планшет, помада, ключи. Куда он мог исчезнуть? Что делать? Наверно, надо было заклинать, как учила бабушка: «Шутик, Шутик, поиграл да отдай», но в нужный острый момент легко позабыть старинную мудрость. Вытащила смартфон, объёмную книгу, расчёску, тройник-удлинитель. Паспорта всё не было. Вызывать полицию, заявить о потере? Это сколько времени потеряешь на заявления-допросы! Времени жалко. Последней из глубин рюкзака появилась ШОКОЛАДКА. В тот же миг с улицы раздались голоса: «Паспорт, паспорт нашёлся!» Наладилось через шок? Хотя её брат-ловелас верил только в шоколад между женщиной и женщиной, блондинка верила в тайный код слов в более широком смысле.

Откуда паспорт появился, из какой параллельной Вселенной? Она же внимательно осматривала крыльцо под ногами. Не было его, ей-богу, совершенно точно не было! А теперь люди радостно, наперебой восклицали:

— Нашёлся! Нашёлся! Нашёлся на крыльце, возле огромной щели. Нашёл парень в чёрной футболке! Как ваш документ не провалился в дыру, удивительно. Вам повезло!

Очередники искренне радовались, и так приятно было их тёплое соучастие! Парень в чёрном назидательно изрёк:

— Вы извинитесь перед дежурным инспектором?

— Да, без проблем. Благодарю вас за находку!

И пока блондинка ходила извиняться, этот тип в чёрной футболке пропал, исчез. Его почему-то не было ни внутри, ни снаружи.

Такая вот история про параллельные миры, «вирусную» очередь, про шоколад, его тайный смысл и пользу. Лично я после этой истории, поведенной мне подружкой, из дома без шоколада — ни ногой!

г. Челябинск

Олег Иванов

Любовь длиною в жизнь

Ольга поправила венки на могиле своего мужа. Она уже не плакала, как в тот день, когда ей сообщили о его гибели. К ней подошла мать.

— Оля, дочка, пошли, пора.

— Мама, ты иди, я сейчас: ещё немного и догоню вас.

Мать Ольги забрала внуков и поковыляла на больных ногах, пошла, не оборачиваясь, с кладбища.

Народ тоже разошёлся. Ольга стояла одна, смотрела на могилу мужа; чёрный платок спал с её головы на плечи, слез не было, лишь душа кричала: как теперь без него — двое детей... Она развернулась, пошла прочь.

Ольга шла по пыльной дороге, а вокруг шумел и цвёл месяц май, но она этого не видела: перед глазами была другая картина: соседка, бледная, с трясущимися губами:

— Оля, беда... там твой Василий... на дамбе... утонул...

Ольга, не помня себя, побежала на дамбу. Василий лежал на земле, возле него возился местный фельдшер, но было поздно.

Его бригада обслуживала дамбу. Весна была ранняя, дамбу размыло, но бригада успела сделать крепления: всё обошлось, вода спала, решили продолжить ремонт. Василий полез в шлюз, чтобы осмотреть его. Но случилась непредвиденное: бревно сорвалось сверху, ударило его по голове, он упал в воду. Пока вытащили, пока чего — в общем, захлебнулся.

Прошло полтора года, Ольга тащила на себе всё хозяйство. Старшей дочке было семнадцать лет, она помогала маме, и очень ощутимо, младшей дочке было восемь лет. Ольга работала в колхозе «Красная заря» зоотехником и была на хорошем счету. Приходилось везде успевать, а тут ещё и мать совсем обезножела, практически не ходила. Но дети, как бы там ни было, были под присмотром.

Как-то она возвращалась из района, с совещания. Проводил совещание первый секретарь обкома, товарищ Данилов; совещание было горячим, было много замечаний, в общем, полный разнос, но в конце совещания он немного остыл и уже спокойным голосом сказал:

— Советую, товарищи зоотехники, съездить в колхоз «Красная заря», посмотреть и поучиться у зоотехника Ольги Некрасовой: как она правильно работает, выполняет план, не жалуется, как некоторые руководители колхозов, не буду пока называть их фамилии. А вас, товарищ Смирнов, как старшего зоотехника района прошу организовать поездку в хозяйство Ольги Некрасовой.

Ольга свернула с шоссе на проселочную дорогу. Ей было, конечно, приятно, что её похвалили, но она понимала, что теперь надо работать ещё лучше.

Незаметно она проехала полпути, затем остановила машину на обочине: здесь всегда была хорошая земляника. Ольга вошла в лес, он был наполнен такими ароматами трав, ягод, щебетанием птиц, что у неё на мгновение закружилась голова. Боже, какая благодать! Набрав крупной земляники, она уселась за руль, стала запускать двигатель. А он словно надыхался ароматами леса и не желал запускаться. Ольга открыла капот машины.

В это время по шоссе, тоже на «УАЗе», возвращался из района Егор Шмаков. Проезжая мимо знака «Николаевка», остановил машину, вышел из неё. Подошел к знаку, посмотрел на проселочную дорогу, которая утопала в лесу, тяжело вздохнул:

— А что, Егор, может свернуть на эту проселочную дорогу, съездить на кладбище, родных навестить, ты там уже сто лет не был.

Егор Шмаков родился и вырос в этой деревне, закончил школу, ушел в армию, отслужил и вернулся обратно, но через два месяца сбежал из деревни. Нет, он не скрывался от закона, он убежал от любви, от той, которую любил больше всех на свете, которая провожала его в армию, но не дождалась.

Пронеслось с той поры много лет, но рана на сердце не заживала.

Он запустил двигатель и повернул машину на проселочную дорогу. Дорога хоть проселочная, но была ухожена. Председатель колхоза Юрий Владимирович Карандышев размышлял так: «То, что Россия славится дураками да дорогами — неверно. Если хозяин не лодырь, не разгильдяй, то и дорога будет хорошая, а дураков везде хватает, не только в России». Егор помнил слова председателя.

Он обратил внимание на машину, стоящую на обочине с поднятым капотом. Он остановил машину, вышел из неё. Женщина была так увлечена своей работой, что не услышала, как остановилась машина.

— Простите, я могу вам чем-то помочь?

Ольга от неожиданности вздрогнула:

— Вы меня напугали! Егор, ты?

Это была она, Ольга, его несостоявшийся любовь, из-за которой он бросил родную деревню, убежал от любви.

— Здравствуй, Оля, рад тебя видеть.

— Здравствуй, здравствуй... А ты откуда здесь?

— Да проездом, а что случилось с машиной, Оль?

— Не хочет работать, не запускается двигатель.

— Позволь, я посмотрю. Одна голова хорошо, а две лучше.

— Конечно, помоги.

Егор заглянул под капот, поковырялся, что-то там поправил.

— Попробуй, запускай.

Ольга повернула ключ, машина завелась.

— Всё глуши! Вот смотри, Оля, на будущее: центральный провод на зажигание иногда вылетает.

— Спасибо, Егор, большое, я бы сама не додумалась.

Натупило неловкое молчание.

— Оль, а что, водителя у тебя нет? — вышел из положения Егор.

— Вообще-то есть, но сейчас, сам знаешь, идёт страда, сенокос, скоро начнут убирать хлеба, а председатель наш — человек расчётливый, каждой водителю на учете вовремя уборки, вот и приходится самой рулить. Если честно, то машина первый раз подвела.

— А что, Оля... — Егор замялся.

— Что?

— Председатель... так и руководит колхозом?

— Да, Егор, руководит. Как пришел с войны в сорок пятом... Более тридцати пяти лет.

Она замолчала.

— Оль, присядем... расскажи, как живёшь.

Они присели на лавочку.

— Расскажи, как живёшь?

Ольга, опустив голову, смотрела в землю, чтобы скрыть волнение. Вздохнула:

— Как живу... Скоро будет полтора года, как похоронила мужа, у меня две дочки, одной девятнадцатой год, она у меня в Ленинграде учится, младшая со мной, ей десятый год, мама сильно болеет, в общем, живу как все. А ты?

— А что я? Вернулся из армии, а мать говорит: мол, Ольга твоя замуж вышла. Я тебя увидел — а ты с большим животом. И такая красивая...

— Ну что ты говоришь, Егор...

— Нет, Оля, правда, ты была очень красивая!

Опять замолчали.

— А потом? — нарушила молчание Ольга.

— Промыкался я два месяца, и понял: не могу больше так, без тебя. А ты словно меня не замечала, словно не существовал я. Мать почувствовала, что может быть беда... В общем, уехали мы в другой район, там у мамы двоюродная сестра. Главным инженером

на торфопредприятии работала... Вот тружусь там старшим мастером. Стало быть, торф добываем.

— А семья есть?

— Две дочери. Двойняшки. Жена при родах умерла, верней — на четвертый день. Если бы не мама да тетка, не знаю, чтобы было бы. Сейчас обе учатся в Калининe на третьем курсе, будущие детские врачи.

— Егор, а почему не женился снова?

— Пробовал... Познакомился с одной, она у нас в конторе экономистом работала. Как-то опоздал я на встречу: дочка приболела, водил её в больницу, а она мне с порога: мол, нехорошо опаздывать. Я ей говорю, дочка заболела, а она мне — у тебя вечно только дочери на первом плане. И общем, стала нести всякую ерунду. Я развернулся и ушёл.

— И что ты в ней увидел?

— Она просто любила только себя, больше никого, выходила три раза замуж. И потом решил, что дочкам будет только больно, я не мог этого допустить. Оля...

Егор посмотрел в глаза Ольги.

— Ты чего, Егор?

— Оля! Ты... стала... ещё красивей, но глаза твои такие же, как много лет назад, они не изменились, как тогда, в далёкой юности, которые я так безумно любил, всю жизнь они мне снились, да и сейчас их люблю!

— Егор, прошу, не надо, не тереби мне душу, не поднимай старого.

Она встала пошла к своей машине, но резко развернулась и подошла к нему, села на лавку, скрестила руки на груди.

— Ты знаешь, Егор, я все эти годы мучилась тем, что не смогла тебе тогда всё объяснить, попросить прощения, что не дождалась тебя. Как тебя забрали в армию, вскоре умер отец, хозяйство стала рушиться, мама, как могла тянула, я ей помогала... Она постоянно выговаривала: мол, пока дождёшься своего Егора, всё рухнет. Да и здоровье её стало совсем никуда, ноги, плохо видеть стала. В общем, я не могла поступить иначе. Ты прости меня, Егор, но в жизни порой бывают такие повороты, что не вывернешься.

Она взяла его голову своими руками, нежно поцеловала в губы, прижала её к своей груди, но тут же резко отпустила, заглянула в его глаза.

— Прости, Егор, но мне пора ехать.

Она села в машину, запустила двигатель. Потом взяла в руки тетрадь написала на листочке два номера телефона, рабочий, домашний, протянула Егору.

— Вот возьми, надумаешь — позвони, я буду рада, до свидания, Егор.

— А будет свидание, Оля?

Она улыбнулась, ничего не сказала, только пожала как-то кокетливо плечами. Машина рванулась с места, попылила по проселочной дороге. Егор долго стоял и смотрел ей вслед. Он по-прежнему её любил, её, только её.

Развернув машину, он поехал в обратную сторону, зная, что теперь он точно сюда вернется.

Ольга проехала с километр, её душили слезы, она остановила машину, уткнулась лицом в руль, её плечи вздрагивали, она достала носовой платок, утерла слёзы:

— Прости меня, Василий, но я всю жизнь любила только его и сейчас люблю.

На сердце стало спокойней, её душа где-то там ликовала, сняв себя ту ношу, которую несла столько лет, что не смогла ему всё объяснить тогда и попросить прощения.

— Ну что ж, пусть будет как будет.

Машина медленно тронулась с места и покатила в сторону родной деревни, унося за собой надежду на будущее...

п. Чесма

Ночная смена заканчивалась. Стан стоял. Шла пересменка. Сашка заполнил оперативный журнал и ждал своего сменщика.

Смена была очень напряжённая и теперь сидел спокойно, в ожидании смены и, расслабившись, тут же почувствовал жуткую усталость. Сразу начало клонить ко сну.

Думая о Галине, постепенно, воспоминания его увели назад, в то время, когда постоянно бывало, отец с ним разговаривал. Постоянно, что-то рассказывая, объяснял. И делал это как бы невзначай, всё между делом, и всё это невидимое воспитание впоследствии давало свои плоды.

В процессе он этого, естественно, не наблюдал. Лишь сейчас, когда прошли годы и он начал взрослеть, научился давать самооценку происходящему, анализировать свершившиеся события, как-то просчитывать будущее, он начал трезво осознавать, какую огромную роль в его воспитании занимал его отец.

Впервые он это состояние резко почувствовал, когда ушёл в семнадцать лет из дома.

Уже тогда... но он тогда ещё не осознавал.

Но уже тогда... именно тогда, он почувствовал, на себе тот неутомимый голод морального одиночества.

Как ему уже тогда не хватало какого-то даже слова в его поддержку.

А, в армии... этот моральный голод... ещё более усилился.

И вот теперь, оставшись один на один в решении своих амбициозных семейных вопросов, он чувствовал, хотя и не мог объяснить ни себе и ни кому, что что-то он делает не так. Что-то, не то. Что-то неправильно. Чего-то не хватает его душе, но чего конкретно, он понять не мог. Душа его мучительно искала выхода. Хоть какой-то отдушины. То он шёл к другу Мирону, но...

Но он не мог ему всё объяснить, всего происходящего.

В любом случае у любого человека, в какой бы он ни был ситуации, остаётся, где-то там, внутри у себя, какая-то маленькая тайна, которую он не может выплеснуть из себя. Да он и не вправе поведать эту тайну кому-либо, пусть даже самому родному, близкому человеку. Эта маленькая личностная тайна любого человека всегда живёт в нём до самой его смерти и он её бережёт, как самую заветную, дорогую вещь, как какую-то святыню, без которой он не может существовать. И порой лишь на смертном одре он решается открыть эту тайну.

— Нет, — решительно подумал Сашка, — непременно, сегодня же надо встретиться с папой на нейтральной территории и по душам поговорить.

— Ладно, — сказал он сам себе и твёрдо решил, — порешаем.

Что греха таить, но он очень обожал и любил своих родителей. Так понемногу размышляя, невольные думы его увели в армейскую жизнь...

...на первом году армии, только-только закончился карантин, и их взвод пришёл из караула, перед тем как идти отдыхать, замполит перед строем объявил: кто из воинов желает учиться в заочной средней школе могут подать сегодня на его имя рапорт.

Сашка так и сделал. После команды: «Разойдись!» Он подошёл к замполиту и обратившись, как положено по форме, сказал: Я перед армией закончил девятый и десятый классы, а можно поступить в одиннадцатый класс?»

— А документы об окончании десятого класса есть?

— Нет, но я могу написать домой, и родители вышлют.

— Хорошо. Пишите рапорт и пишите домой письмо. Пусть высылают.

Вскоре он получил из дома письмо и документ об окончании десятого класса. После этого его зачислили в среднюю заочную школу, которая находилась в военном городке.

Первые пол-года службы...

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2019.

...да кто из тех кто служил, не знает, что такое для солдата первые полгода службы?

Тем более, что Советская армия переходила с трёхгодичной срочной службы на двухгодичную. Тут-то и начала махровым цветом зарождаться дедовщина в войсках.

Вот тут-то, весь Сашкин призыв, как говорится, попал под раздачу.

Первые... пол... года...

...и какая уж тут средняя школа?..

...за провинность, а основная его провинность как салаги была: неподчинение «старикам»; подшивать подворотнички, отрабатывать полученные «стариками» наряды... и прочую белиберду, как ему казалось, и поэтому, за какую-то провинность, то бишь за «длинный» язык, он сидел на «губе».

И вот однажды, где-то суток через пять выстроили всех «губарей» на плацу, перед гауптвахтой и старшина роты, вызвав, как положено, его из строя, объявил: «За добросовестный труд и проявленную при этом героизм, воинскую смекалку и усердие по разгрузке вагонов с углём рядовой Александр Смирнов досрочно освобождается с гауптвахты». Шагом марш в роту!

— Попади этот случай в любую прессу, это была бы... мировая сенсация. Это... было... наверное... первое и последнее... досрочное... освобождение... солдата... срочной... службы... с гауптвахты. Да ещё и за проявленную воинскую смекалку и героизм при разгрузке вагонов? За всю историю, за все годы существования Русской и Советской Армии.

Только Сашка зашёл в роту, дневальный у тумбочки сказал: «Смирнов, срочно к замполиту»!

Он зашёл, доложил, как полагается по уставу.

— В школе учишься?

— Так точно!

— В одиннадцатом классе?

— Так точно!

— Кру-гом! Марш на выпускные экзамены!

Сашка сорвался с места и не останавливаясь, побежал в военный городок, в школу, в которой он за весь учебный год присутствовал на занятиях... может ... два, а... может три раза. Да он и сам уже забыл, на каких уроках присутствовал, и вообще... учится ли он в школе, или нет?..

Он добежал до школы не останавливаясь, поднялся на второй этаж. В здании школы было пусто. Он нашёл кабинет завуча, вошёл и увидел двух незнакомых женщин, которых, как ему показалось, он вроде бы... где-то... когда то... встречал. Но где и когда он припомнить сразу не мог, да и...

Он, как положено, по-военному приложив руку к пилотке, доложил:

— Рядовой Смирнов, прибыл для сдачи экзаменов.

Очень хорошо, рядовой Смирнов. Что же вы?.. Экзамены давно уже все прошли, а... вас... пришлось через руководство части разыскивать. Все уже аттестаты получили.

Тут Сашка замылся... пожал плечами... — так получилось, — всё, что он мог придумать в данный момент.

— Я — завуч, Елена Сергеевна, а это преподаватель физики, Людмила Фёдоровна. Ну, что же... пройдёте в аудиторию на сдачу выпускных экзаменов.

...он лихо написал работы по русскому и математике и они принялись к сдаче — приёме экзамена по физике.

Что он там написал по русскому и математике, он даже не задумывался. Главное, ему объявили, что оба экзамена он сдал. Русский на отлично, математику на удовлетворительно.

Оставалось сдать экзамен по физике.

Если экзамены по русскому и математике, он сдавал письменно, то, экзамен по физике, необходимо было сдавать устно.

Он взял билет, просмотрел его и понял, что то, что в нём написано, он... никогда об этом не слышал и понятия не имеет, что сиё это обозначает, но, не теряя бодрости духа, он резво, по-военному, отрапортовал:

— Рядовой Смирнов к ответу готов!

— Что Вы! Что вы! Сядьте... подготовьтесь.

Сашка прошёл за первую парту и... сколько ни смотрел... сколько ни соображал, но... так и не мог... ничего... путного, вразумительного припомнить... на ответ, по данному билету, в котором, стояло — четыре вопроса и задача.

...и... тут... его... осенило. Он подробно вспомнил вдруг тот единственный урок физики на котором присутствовал и досконально, почти дословно... тему того урока. Он вообще отличался феноменальной памятью. Мог запоминать огромное количество различной информации. Не даром в роте шутили:

— Тебе бы, Смирнов, в разведке служить...

Тем временем завуч с преподавателем, о чём-то оживлённо беседовали.

Он резко встал.

— Рядовой Смирнов, к ответу готов!

— Ну что ж, рядовой Смирнов, выходите к доске, отвечайте.

Сашка вышел и тут... его понесло... он резво по-военному без запинки, как профессиональный артист, начал декламировать ту тему урока, на котором он когда-то присутствовал, не спуская глаз с экзаменаторов.

По мере того, как он декламировал свою пламенную речь, он наблюдал, как завуч, в начале его речи, с благоверной улыбкой слушавшая его пламенную, артистическую речь и отмечая явные ораторские способности, подложив правую руку под своё ухо, умилённо его слушает, тем временем учитель по физике по мере его декламации всё ниже и ниже спускалась, открывая свой рот всё шире и шире, под стол со своего стула.

По мере опускания под стол учителя физики, постепенно менялось лицо и у завуча, которая смотрела, то на Сашку, то на учителя физики и не совсем понимая причину происходящего.

— Рядовой Смирнов, ответ закончил, — bravo доложил Сашка.

В аудитории... наступило... гробовое... молчание. Учитель физики практически полностью сползла на пол, рот её был... широко раскрыт.

После некоторого замешательства, она вдруг резко начала глотать воздух, как рыба выброшенная на берег.

Сколько времени длилась эта пауза? Сашка потерял счёт времени.

...но... завуч вдруг грустным голосом вымолвила:

— вы... выйдите... пожалуйста. Подождите решения экзаменационной комиссии.

Сашка вышел. Плотно закрыл за собой дверь. Он... ни о чём не думал.

Сколько времени прошло? Во всяком случае, он уже устал стоять и принялся расхаживать по коридору. Наконец-то, дверь отворилась, и завуч пригласила его в класс.

Он подошёл к столу.

— Вы, как мы надеемся, ведь... не собираетесь... поступать... в вуз?

— Как?! — возмутился Сашка. — На физфак! — Так же бойко отрапортовал он.

С педагогом совсем стало дурно, она была в предобморочном состоянии:

— Нет-нет, — вдруг просчитал Сашка ситуацию и понял свою промашку, — я собираюсь поступать в физкультурный институт, — поправился он. — Я же всё-таки, мастер спорта!

Учитель физики уже валилась на бок, а завуч спросила как-то неестественно вяло растягивая слова:

— Но ведь там, кажется... нет физики?

— Нет-нет, — всё так же бодро ответил Сашка. — И математики... тоже... нет!

— Ну хорошо, — уже тяжелеющим голосом сказала завуч, выйдите пока экзаменационная комиссия примет решение.

Завуч поддерживала правой рукой учителя физики, а левой, помахала ему,

— Выйдите, выйдите, подождите за дверью.

Сашка по-военному повернулся и, прищёлкнув каблуками сапог, вышел.

Прошло довольно много времени, пока завуч вышла и вручила ему аттестат об окончании полного заочного среднего образования.

...сзади легонько хлопнули его по плечу. Рота, подъём. Домой пора.

Сашка шёл по заводу к отцу.

Цех, где работал родитель, находился на противоположной стороне завода. Он шёл, а перед глазами его, всё так же стояли глаза Галины.

Он прошёл прокатные цеха, мартеновские, миновал доменные и пройдя аглофабрику, приближался к известково-доломитному цеху.

Он хорошо знал всё производство и работу всех цехов и по много раз бывал в каждом цехе до боли родного ему металлургического завода, где порой часами наблюдал весь технологический процесс от начала до конца в каждом цехе.

Наблюдая за этими процессами, он, как замороженный, смотрел, как рождается сталь.

Сталь! Не какая-то, а особенная! Уральская сталь! Которая шла во все страны мира. Летала в космос! Шла на оборону страны.

Сталь, которая выиграла самую кровопролитную войну. Но, самое-то главное, с рождением этой... Уральской... стали... он вживую видел, как рождается, куётся, стальной Уральский характер человека.

Именно, Уральский и Сибирский характеры во все времена, отличались своей стойкостью, упрямством и волей к победе.

Именно Уральские и Сибирские дивизии, сделали коренной перелом в Великой Отечественной войне, впервые в мире сломав хребет нацизму под Москвой в тысяча девятьсот сорок первом году. И он — Сашка, всегда гордился тем, что его дед по отцовской линии, Смирнов Александр Петрович, командир дивизиона аэросаней, участвовал в этом прорыве под Москвой, где и погиб.

Он гордился, что его дед по материнской линии — Клопов Герасим Фёдорович, пришёл с фронта с медалями: «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги». Он гордился всеми многочисленными родственниками, которые прошли горловину этой кровавой войны и одержали победу. Эту победу, ради которой, он — Сашка — потомок этих героев, живёт и работает.

Он застал отца в слесарной мастерской, когда тот отдавал какие-то указания рабочим его бригады.

Увидев сына, он показал ему на курилку и Сашка сразу понял и направился к месту отдыха рабочих.

Но курилка на любом заводе в пятидесятые — шестидесятые годы?.. Это... особое место...

Сашка-то, хорошо знал, каким особенным свойством обладает заводская курилка.

За час-полтора до начала работы туда начинают стекаться рабочие всей бригады. Наряду с обменом текущими, домашними, хозяйственными делами, за забиванием козла, решаются все самые важные производственные вопросы. Разбираются до самых незначительных мелочей, и словно стратеги при решении боевых задач, разбирают все рабочие схемы и чертежи. И именно здесь, в рабочей курилке, частенько рождаются самые смелые, грандиозные рабочие идеи и решения. Именно здесь рождаются решения всех задач по распределению производственных технологических процессов. Здесь, в курилке, начинаются все конструкторские изменения деталей. Здесь, в курилке стекаются все нити руководства. Сюда приходят бригадиры других бригад, собираются мастера и начальники участков, а порой заходит и начальник цеха, когда решается какой-то, либо очень важный, сложный и ответственный технологический момент. И ровно в восемь часов и до обеда курилка пуста и в рабочее время?.. Никогда... ни одного... человека... не увидишь в курилке. Никаких планёрок и пятиминуток. Всё решается в курилке.

Отец подошёл и сел напротив.

— Ну, что скажешь?

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй, здравствуй, сынок. Что, пришёл покаяться? Одумался? Я знал, что ты придёшь именно сюда.

Сашка исподлобья виновато глянул на отца.

— Ладно, пап, прости, если можешь, неправ я. Ну, прости. Не сердись. Всё равно не исправлюсь.

— Правильно, горбатого могила исправит.

— Ну ладно, пап. Я по делу пришёл.

— Ну говори, что за срочное такое дело, коль сюда прибежал.

— Пап, а помнишь, ты мне обещал рассказать, как у вас с мамкой всё получилось... ну... в половом смысле... ты мне ещё тогда сказал: «Вот подрастёшь, расскажу».

Отец хитро посмотрел на сына: эвон ты куда?.. Что, засвербило? Хотелка задымилась? Ну да пора... большой мальчик.

— Ну, пап, не тяни... может и мне что пригодится...

— Зря ты с ней связался, я тебе как сыну прямо говорю. Знаю я эту семью. Знаю... ох, как, хорошо знаю. Семья, порядочная... что Федя, что Валя...

— А что не так? — перебил его Сашка.

— Да, понимаешь, испортил Фёдор девчонку. Сам, понимаешь ли... испортил. Своими руками. Сейчас хорохорится, гордость не позволяет. Ан нет, поступиться.

Нет же... гордый... а с матерью с твоей, коль так уж тебе приспичило... два года за ней по пятам ходил... ни в какую... гордячка была. Ух, сколько парней за ней ухлёстывало... э-э! Сынок! И дрался сколько за неё. Даже в бокс ради этого пошёл заниматься. Ну я и решился на отчаянный шаг, что б и меня не отшила, а всё к тому и шло... пришёл я раз в

общагу к ней... она одна была... всё обычно, полная комнатёнка... уединиться негде ... а тут... одна... короче... может быть тебе как-то стрёмно будет слышать, а... только... изнасиловал я её. Вот и весь сказ. А только... пошла... она и согласилась со мной... сразу... в... ЗАГС. Вот так вот и было.

Считай, что я тебе... ничего... не говорил. Хошь... осуждай меня... как... хошь.

А теперь, ступай. У меня уж повестка в армию была в кармане. Поэтому... нас... без очереди... в один... день. Сразу... на следующий день... только зарегистрировались, через день... я в армию, а... там и ты... появился, а дальше... всё... сам знаешь. А теперь... ступай. Не надо слов.

Захочешь... приходи... поговорим. Знаю, за этим и приходил, а только после этого... ты и народился. Любил я её... ох!.. Как любил... крепко. И двадцать пять лет... как один день... сам видишь.

Сашка молча встал... и, не прощаясь, пошёл в проходную.

Он шёл на остановку, но коварные мысли не давали покоя.

— Получается... он продукт простого изнасилования?.. Он — нежеланный ребёнок?.. Да, как же так?.. И он жил с этим все эти годы?.. Все свои двадцать четыре года?.. И не знал этого?.. Женщина же... должна... определять... сама, кого ей надо... сама?.. Несправедливо же?.. Иначе-то?.. Женщина же... выбирает... с кем?.. И... решает?.. — Мозги его разламывались пополам.

Он постоянно видел и чувствовал, какое отношение отца к среднему брату — к Серёжке, какое отношение к младшему брату — к Андрею. И ему стало мучительно больно. Он совершенно не испытывал никакой ревности или зависти. Ему просто стало противно за всё лицемерие родителей к нему — старшему ребёнку в семье.

Может быть, именно это подсознательное чувство, ещё неосознанное и выгнало его душу от родителей в семнадцать лет.

Может, именно эти, не высказанные вслух слова, внутренне гнали его из дома, в общежитие?

Он давно спрашивал отца о их с матерью отношениях, но только сейчас тот всё сказал вслух, ему в лицо.

Он терзался в мыслях. Какое-то неопределённое чувство раздвоенности подкрадывалось в его утомлённую думами душу.

Направляясь домой, он вдруг резко переменял своё первоначальное решение и направился к матери.

с. Долгодеревенское

Нина Кысса

Жизнь на заставе

По долгу службы моего мужа часто переводили из одного населённого пункта в другой, что стало для нас привычным делом. Мы быстренько собирались — и вот уже новая застава, новые люди, и жизнь потекла в привычном русле.

Очередным населённым пунктом был посёлок Уруша. Рядом протекала речка, от которой и произошло название посёлка. Мы переехали туда, когда моей дочери было около двух лет. Вскоре я устроилась на работу, а дочка пошла в садик. До посёлка от заставы было километра два, и мне иногда приходилось ходить на работу пешком.

Офицерские семьи жили между собой дружно. По праздникам собирались за общим столом, стряпали пироги для себя и для солдат.

Природа в Уруше была очень красивая: весной на сопках расцветал багульник, и всё кругом было в розовом цвете. А осенью на берегу речки собирали шиповник — ведрами! — сушили на зиму.

В один из дней августа поехали в тайгу за брусникой. Погрузили несколько деревянных бочек на машину, куда собирали бруснику солдаты для столовой заставы, а мы, женщины, собирали ягоды в свою посуду. Брусника лежала ковром, и наши ведра быстро наполнялись. Потом мы их относили в кузов машины, ссыпали в чистые коробки. Лес был чистый, трава зелёная и лежала под ногами такая мягкая, что можно было ходить по ней без обуви, в носочках, что мы и делали. В таком лесу не надо было бояться змей — их там просто не было.

Я посадила дочку возле маленькой берёзки и поставила перед ней эмалированный бидончик. Ребёнок сидел и, играя, кидал в него гроздь ягод. Когда я с очередным ведром пошла высыпать ягоды, у неё уже была полная посудина. Муж подошёл к нам и увидел,

что ребёнок накидал полный бидончик ягод, очень удивился и похвалил дочку: «Ну, баба Катя, ты молодец! Если ты так быстро собираешь, то мы быстро наполним все бочки». Я заполнила свои коробки в кузове машины и решила передохнуть, попить чаю из термоса.

Рядом с полянкой, где мы с дочкой собирали ягоды, находилась неглубокая, широкая канава, где росли посаженные лесниками сосёнки. Они были ещё маленькие, и я, присев на краешке этой траншеи, открыла термос, налила чаю, чтобы остудить и напоить дочку.

Канавка эта шла через сопку. Я обернулась и неожиданно увидела, что на меня по этой канавке несётся полосатый кабан. Дочка сидела метрах в пяти, а я оказалась на пути кабана. Я в страхе закричала, попыталась подняться, но упала, опрокинула ведро с ягодами, пролила весь чай из термоса. И в этот момент мимо меня пронеслось это страшное полосатое чудо с клыками. На мой крик все прибежали и начали меня успокаивать. Кабана уже не было, были видны только его следы в рыхлой земле. Я была так напугана не только за себя, а ведь рядом находился ребёнок. Хорошо, что я не посадила дочку рядом с собой. Женщины тоже были очень напуганы. Никто не ожидал встречи с таким зверем.

Муж мне потом объяснил, что я села пить чай на тропе зверя, по которой он раньше ходил, и она была им помечена. После такого происшествия мы не стали задерживаться и поехали из тайги домой. Ягод мы набрали много. Я помню, что на двоих с мужем ягод оказалось семь ведёр.

Я угостила нашу знакомую бабу Валу, насыпала ей целое ведро. Они с дедом Гошей жили за речкой, недалеко от нашей заставы. Мы с ними дружили и часто ходили в их баню, хотя у нас в квартире была ванна и горячая вода. По праздникам ходили в гости друг к другу, и они для нас были близкими, почти родными людьми. Ведь наши родители были далеко: мои — на Урале, а у мужа — в Иркутской области.

Когда мы устроили дочку в садик, нас возил водитель, солдат по фамилии Куготов. И, когда утром он поджидал нас возле ворот на машине, дочка подбегала к нему и спрашивала: «Куготов, бензин е?» Она не выговаривала «есть», а услышала, что мой муж — начальник заставы — спрашивал у водителя про бензин, она это запомнила и всегда задавала солдату этот вопрос. Солдат Куготов был вроде из Осетии. Ему нравилось, что маленькая девочка уделяет ему внимание, задавая этот вопрос.

Однажды утром, собирая дочь в садик, я замешкалась в квартире, которая находилась рядом с дверью казармы. Я выхожу на площадку, а дочери нет. Слышно, что водитель заводит машину; надо выходить — а ребёнка нет! Я побежала через казарму в столовую и вижу такую картину: моя Катя стоит в очереди с солдатами в столовую, а в руках у неё алюминиевая чашка, которая была у нас дома. Солдаты все улыбались, и тут же солдат-повар приказал, чтобы они ребёнка подвели и подняли к окошку раздачи. Повар ей положил черпак каши, и дочь, радостно показывая свой «солдатский паёк», засеменила через казарму домой. Пришлось ждать, пока она ела кашу. Когда я привела ребёнка в детсад, объяснила нянечке, что дочь уже позавтракала.

Когда дочь подросла, мы с мужем ей рассказали про эпизод с кашей в солдатской столовой, и тогда из объяснений ребёнка мы узнали, что ей нравится перловка с тушёнкой, которую дома не варили.

(Продолжение следует)

г. Снежинск

Дом на Советской (повесть)

Это было историческое время великих перемен, когда дотоле всем зрелым обществом презируемое, законами государства и господствующими нравственными устоями подавляемое Зло, уходящее, казалось бы, в смутное прошлое и небытие, неожиданно поднялось и воспрянуло, обретя дьявольскую силу, распространившись, подобно пандемии, под прикрытием благородных целей завоевывая умы и растлевая сердца, обрушиваясь и унижая, сводя на нет человеческое Добро.

Часть первая

Сергей Степанович Крапов не удивился, когда по строительству жилого дома, который ведёт завод для своих сотрудников, его в очередной раз вызвали в райком партии: всё время там возникают какие-то вопросы и что-то навязывают. Послал бы всех их подальше, но нельзя — стройка полузаконная, под видом капитального ремонта вне заводской территории возводится совершенно другого назначения здание, за что его как директора могут даже и привлечь к ответственности по нецелевому расходованию средств. Достаточно первого же заявления финансирующего работу банка. Все это несоответствие знают и закрывают глаза, хотя, казалось бы, ничего не стоило назвать всё своими именами. Так нет же, какие-то бюрократические идиоты упрямо следуют неведомо каким соображениям и непреодолимы: расходы допустимы только на капремонт, и точка! Хотя расходуются свои же деньги, прибыль завода. Быстрее бы завершить эту океанную стройку, он уже и не рад, что взялся не за своё дело!

— Садись! — привстал, здороваясь, второй секретарь райкома Вотяков, крепкий черно-волосый сорокапятiletний мужчина. Коротко и энергично пожав руку, сел, поправив на шее пёстрый галстук. — Долго не задержу.

— Опять по дому? — отодвинул стул и сел наискосок Крапов, давая понять, что на долго не задержится.

— Угадал! Похоже, дом уже близок к завершению?

— Не совсем! Внутренняя отделка — кропотливая работа. Но, полагаю, в марте завершим и к Первомайским праздникам будем вселять.

— Вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров по повышению самостоятельности предприятий по расходованию их финансовых средств на социальную сферу, поощрению работников путёвками в дома отдыха, квартирами, местами в детских садах и так далее. Так что вы попали в точку.

— Приятно слышать! Ради этого ты меня вызывал? — Вотяков — выходец с завода, одно время даже работали там вместе, так что обращались друг к другу на «ты».

— Квартиры распределены? Так?

— Да, давно уже. — И, предвидя тему разговора, добавил: — Было заседание профсоюзного комитета с участием общественности, всё по справедливости сделали.

— Не совсем так, раз заявления к нам идут, — приподнял уголок какой-то бумаги Вотяков. — Придётся, видать, вносить корректировки.

— Так люди уже знают распределение и ждут!

— Тем не менее придётся корректировать! — нахмурился Вотяков, и, повернув лист бумаги, показал написанное. — Заявление вашей работницы Комарковой Зинаиды Игнатьевны. Матери-одиночки двоих детей.

— И хочет, конечно, чтоб ей тоже дали квартиру?

Вотяков был настроен на разговор дружеский, но требовательный: партия наш рулевой.

— Да! И скажу тебе сразу: придётся выделить.

— Как же так? Да мы от этой особы, которая и работник никудышный, попивает и, как говорят, с социально пониженной ответственностью, избавиться не можем, так ещё и квартиру у кого-то из тружеников-передовиков отобрать и ей отдать должны? Отнимать у тех, кто своим трудом прибыль обеспечивал, из которой финансирование строительства идёт? Извините! Нарушаете основной принцип социализма — каждому по труду.

— Не ей выделить, а для её детей, — откинулся Вотяков на спинку кресла. — Чувствуешь разницу? И... зачем отнимать? Заначку какую-то оставили ведь?

Крапов задумался: не зря на всякий непредвиденный случай ещё оставалась без распределения квартира на первом этаже, на которую был мало претендентов, и сейчас придётся сдать её. И избавиться от подобных проблем.

— Всё у тебя? — спросил он Вотякова.

— Нет, ещё один вопрос... довольно щекотливый. — Взгляд и голос Вотякова утратили строгость. — Просьба есть секретаря горкома партии. Личная, так сказать. Племянник у него женился недавно...

— А мы здесь при чём? — поняв, к чему тот подводит, Крапов встал, давая понять, что разговор закончен.

— Личная просьба! Самого секретаря горкома.

— В городе разве мало строится жилья? У нас же только три подъезда по двенадцать квартир. Для почти двух тысяч сотрудников. Нет-нет! Пусть к другим обращается! — И, подчёркивая неуступчивость в данном вопросе, даже готовность разругаться, добавил: — Манеру завели: родственничков пристраивать.

— Ну, знаешь! Слухам, которые распространяются недоброжелателями про наших партийных руководителей, особо верить не надо. — Пальцы Вотякова нервно забарабанили по столу: получив уступку в одном, вряд ли можно было рассчитывать и на другую.

Вот такой неприятный разговор к концу дня состоялся у Сергея Степановича, несколько подпортивший ему настроение не столько содержанием, сколь напоминанием об их затее с этим домом и многими связанными с ним непредвиденными неприятностями. Что, конечно, вечером заметила его жена, Эллина Викторовна, и за ужином спросила озабоченно:

— Что-то у вас произошло?

Сначала Сергей Степанович попробовал отмахнуться от объяснений, чтоб не перекладывать груз неприятностей на других, потом всё же изложил разговор в райкоме.

— Говорила же я тебе — зря ты за этот дом берёшься! — расстроилась и жена. — Обещали же нам квартиру в центре, а этим домом пусть кто другой занимался бы. Забот у тебя и без него хватает.

— Хватает! Но я как директор обязан не только за работу спрашивать, но и об условиях жизни заводчан беспокоиться. И жить с народом своим вместе, а не где-то среди городской элиты, а рядом с заводом. — И добавил уже не столь серьёзно: — Чтоб для моциона пешком ходить, а не в машине трястись туда-сюда. Представляешь, как это здорово — на работу пешком?

— Тебе пешком? Не очень представляю! Мечты-мечты.

— Всё давно решено, не будем больше возвращаться к этой теме! Иначе рассоримся.

— Но можно хоть спросить, когда эта стройка закончится наконец?

— В марте, полагаю, всё же сдадим дом.

Глава первая

— Ну что, жена, отмечать новоселье будем? — спросил Сергей Степанович, нежно обняв за плечи Эллину.

— Как хочешь! Мне не до этого! Видишь, сколько ещё разбирать вещей надо, — кивнула она на картонные коробки у порога и вдоль стен, — а ты мне что-то не очень помогаешь.

— Так половину этих вещей надо было выбросить по дороге сюда. И... почему не помогаю? Вот шторы навесил.

— И всё? А мне и здесь, и в кухне... — Она повела плечами, освобождаясь от объятий и поправляя сбившуюся причёску: куча дел, не время для проявления нежностей.

— Вижу, вижу, что ты у меня молодец.

Хорошая у него жена: хоть и занятая не меньше его учительница и завуч школы, дома всё успевает делать. Следит за собой даже в домашней обстановке, слегка подкрашиваясь лишь перед выходом из дома. И не скрывает проступившие кое-где седые волосы, чего очень боится весь слабый пол; а ведь лёгкая проседь подчёркивает величие и мудрость женщины. Впрочем, учителя обязаны следить за собой, иначе рискуют попасть под острый язык своих воспитанников: таким прозвищем наградят...

— Но ты ушла от вопроса: будем отмечать новоселье?

— Я же сказала: как хочешь.

— Хочу, не хочу... — традиция такая. Так что второй вопрос: кого приглашаем?

— Кого-кого! Авдохин в городе появился... кого же ещё? У тебя же больше и нет друзей близких. Всё — сослуживцы.

— Да, ты права! Нет времени дружбу водить. Чтоб было с кем на футбол сходить или в пивнушку... Авдохина, значит? Давненько не виделись с ним, хороший повод встретиться! Звоню ему. На завтра или послезавтра?

— Что у нас завтра — пятница? Нет, лучше на воскресенье. У нас в школе ведь суббота тоже рабочий день.

— Авдохин — человек тоже занятый. Писатель! Так что, может быть, придётся и на другое время договариваться...

Так я оказался в гостях у Краповых на улице Советской. Хозяин, плотный мужчина выше среднего роста, что особенно было заметно в ограниченном пространстве прихожей, со слегка просветлённой прикосновением седины причёской, крупным носом, однако, гармонирующим с остальными чертами лица, внимательным взглядом на собеседника, встретил меня и помог раздеться. И прежде всего, поздоровавшись и вручив цветы подошедшей его жене, под стать ему приятной крупной женщине с ухоженной фигурой, я осмотрел, вслух восхищаясь, конечно, трёхкомнатную квартиру, выполненную по индивидуальным пожеланиям с некоторыми отступлениями в планировке от типового проекта. Окна по обе стороны дома — смотри хоть на город и улицу в небольшом отдалении, хоть в прибранный после стройки тихий двор с бережно сохранёнными при стройке зелёными насаждениями.

Пока Эллина Викторовна что-то в кухне готовила ещё к столу, мы сели на диван в гостиной.

— Как у тебя творческие успехи? — спросил Сергей Степанович.

— Процесс почти неуправляемый! Завидую поэтам: ходят, ничего не пишут, ждут, пока вдохновение посетит. Бац-бац, и стих готов — лютики-цветочки, любовь ближе к ночке... Шучу! Нам, прозаикам, как рабочим у станка, месяцами каждодневно трудиться приходится ради создания одной вещи — повести или романа. И ведь ещё не дают описать жизнь так, как я её вижу. Кастрировали советскую литературу самым настоящим образом! Надо же дойти до такого — не позволяли, например, издавать «Бесы» Достоевского только потому, что в одном или двух местах из семисот страниц кто-то из героев плохо отзывался о социалистах. В этих условиях процветают литераторы-дельцы, готовые писать что угодно — лишь бы публиковали и платили, награждали почётными званиями и орденами, и пользовались прочими благами членом Союза писателей.

— М-да!

— Хотя всё это и вполне объяснимо: руководят идеологией, по-видимому, люди, ничего в этой идеологии не смыслящие. Потому, должно быть, что сами далёки от неё. Дорвавшиеся до руководства карьеристы! У вас, технарей, проще: если что не соответствует физическим законам, тут же развалится при испытаниях, и несоответствие станет очевидным, а в общественных науках можно нагородить всё, что кому-то угодно.

— Не скажи! У нас тоже были и есть дельцы от науки. Которые при всех своих учёных званиях мало что смыслят в предмете. Да и получают эти звания часто по должности.

— Вот и выходит, что в газетах, книгах печатаем и всячески превозносим одно, а между собой говорим совсем другое. Но понимание мыслящими людьми этой двойной морали, её недопустимость становится всеобщим. И это, полагаю, не может не привести в конце концов к большим изменениям.

— А, оставим это всё! — взял со стола бутылку армянского коньяка Сергей Степанович. — Давай по одной, пока задержка с ужином, да пойду помогу супруге.

— Да не стоит затевать что-то такое...

— Что, не терпится? — появилась Эллина Викторовна с большим подносом, на котором парилось обложенное зеленью в поджаренном картофеле мясо.

— А мы уж заждались! — привстал Крапов, принимая поднос.

— Так ты же, кроме коньяка, ничего и не приготовил.

— А ты в холодильник смотрела? Я же закупил...

— Видела! Но, знаешь, покупное — это не то, чем гостей угощать надо.

* * *

В квартире напротив, этажом выше, новоселье проходило шумно и весело. Хозяин, сравнительно недавно пришедший на завод из городских служб тридцатипятилетний Андрей Павлович Бромин, слегка округлившийся и начинающий лысеть брюнет, и его жена Надежда, плотно прилегающее светлое платье которой с большим вырезом на груди и при некоторой склонности к худобе подчёркивало умеренные округлости женской фигуры, встречали одновременно пришедших гостей: трёх бывших коллег по городскому управлению с жёнами. Его бывший заместитель Харев, принявший должность начальника, из архитектурного отдела Рамазов, их ухоженные и самоуверенные дамы, сотрудницы городских контор.

— О, какая у вас квартира! — причёсывались, оглядывались и вручали упакованные подарки — к новоселью.

— Не та «хрущёвка», конечно, что была, но... Если бы не пришлось в льготном порядке вне очереди покупать машину, то мог бы быть настоять и на варианте получше, — отозвался хозяин. — А так... Одна комната дочери, спальная и вот гостиная. Тесноватые все — одно название, что трёхкомнатная.

— А где машина?

— Под окном стоит.

— Зелёная ВАЗовская «шестёрка»?

— Да!

— Как это тебе удалось: и машина, и квартира?

— Он главный экономист завода всё же, — пояснила Надежда.

Гости перемещались к окну посмотреть окрестности. Но ненадолго. Шумно рассаживались парами за раскладной длинный стол, который белел свежей скатертью под заказанными в ресторане блюдами, расставленными принадлежностями фарфорового сервиза и хрустальными фужерами, столовыми приборами на салфетках, рассчитанными точно на число приглашённых; по центру — треугольники бутылок коньяка и водки, шампанского и минеральных вод.

— Что ж, поздравляем! — прозвучал первый тост, за ним другой, третий.

Мужчины раскраснелись, снимали пиджаки, разговорились.

— Директор ваш рядом, что ли, живёт?

— Да!

— А чего не пригласили?

— А он уже побывал здесь с поздравлением. Всех обошёл.

— А чего он, не мог, что ли, в сталинских домах устроиться? — удивился кто-то. — Там же всё городская знать. Или не та весовая категория?

— А, чудак человек! С коллективом ему надо.

— Зато удобно тебе будет решать вопросы — далеко ходить не надо.

— А я и на заводе к нему в кабинет в любой момент вхож, — небрежно откликнулся хозяин.

Поговорив вокруг да около всего, вернулись к насущному.

— Очереди, и не только на машины, потому что нарушен баланс между производством и потреблением. Вспомните пятидесятые годы, как было: всё в магазинах есть, а нищета кругом, денег нет. Другая крайность!

— Производство падает, только стараниями Госкомстата разве что поддерживается видимость благополучия. Да и то за 1982 год статистика впервые отметила отсутствие роста благосостояния народа.

— Известно же, что статистика может быть любой.

— Изделия лёгкой промышленности лежат на полках, все гоняются за импортом. Плановая экономика с жёсткой командной системой не способна переварить возросшие потребности и материальное производство, раз за разом даёт сбой. Вот свежий пример: носки из продаже исчезли.

— Сбой потому, что, как говорил Райкин, кому-то надо, чтоб обязательно был хотя бы маленький, но дефицит — чтоб уважали. Вот и создают его.

— Дефицит, конечно, но, заметьте, всё можно купить. Если чуть переплатить спекулянтам.

— С теорией «развитого социализма» носятся! Где одни достижения, не видно проблем.

— Болтология, далёкая от основополагающего экономического учения Маркса...

— Вы что, на совещании? — наконец возмутились женщины и перебили разговор мужей.

Включили музыку и организовали танцы в соседней комнате. Кто-то пошёл туда, а кто — в подъезд и даже на улицу покурить.

* * *

Квартиру номер пять, угловую на втором этаже, получила семья токаря Николая Гудкова, орденоносца и депутата районного Совета трудящихся. Тридцатипятилетний Николай, крепкий русоволосый мужчина среднего роста, действительно был уважаемым мастером своего дела: он мог, например, выточить деталь с погрешностью в несколько микрон, что превосходило возможности даже самых точных станков, и это определялось каким-то чутьём, интуицией или ещё чем-то другим, что он и сам не мог объяснить. И хоть не выпячивал своё умение, но гордился им, признанием и занимаемым положением в обществе и по внешнему облику, одежде и поведению больше походил на интеллигента, чем на рабочего,

как, впрочем, и многие его товарищи, мастера на все руки с достаточным чувством собственного достоинства. Двое из них, светловолосый подвижный Алексей Бурцев, технолог цеха, и круглолицый молчун фрезеровщик Степан Гранов вместе со своими жёнами Вале́й и Мариной были сейчас в гостях на новоселье, сидели парами за раздвинутым круглым столом.

— Так, ребята, будем есть рыбу, — объявила хозяйка Вера, пухленькая блондинка невысокого роста с излишне густо подведенными тушью глазами.

— Ого, какая! — удивился Бурцев. — Сам, что ли, взял? Или прикупил?

— Сам, конечно! На Ильмене. Предлагали же тебе поехать с нами.

— Не смог! И... как же ты её вытащил?

— Не сразу! Да сам бы и не справился, Степан подскочил, помог. Лунку даже пришлось расширять — благо лёд уже рыхлым стал. Ну, давайте сначала выпьем! Кто что будет?

Мужчинам налили водку, женщинам вино.

— Как вы вообще туда добрались? — после небольшой паузы, когда закусывали, спросил Бурцев. — Дороги, насколько я знаю те места, в такую пору непроезжие.

— Я на своём «ИЖе» где угодно проеду! Это не то что твой «москвич».

— А я на нём тоже по всяким дорогам езжу. Да и не хуже других стран, ведь на африканском ралли наши «москвичи» выступали!

— Так когда это было! Да и комплектация специально для ралли сделана.

— Значит, умеют делать?

— Умеют, если захотят.

— Давно говорю Коле: продай мотоцикл да купи машину, — вмешалась в разговор Вера. — Передовик, депутат, а на мотоцикле ездит.

— Причём здесь это?! — развёл руками тот, наливая гостям снова. — Купим, конечно, когда ты транжирить деньги перестанешь.

— Было бы что транжирить!

— Но мотоцикл всё равно не продам! На охоту, рыбалку по бездорожью на чём ездить?

— Толку с твоей рыбалки и охоты! — махнула руками хозяйка.

— Ну, знаешь! А на столе что? — показал он на блюдо с поджаренной щукой. — Откуда это взялось?

— По весне на лёд лучше не выходить, — прервал шуточный спор хозяев Гранов.

— Лёд ещё ничего, хотя кое-где вода уже проступила. Так что мотоцикл на берегу пришлось оставить.

— Вот и я ему говорю: хватит ездить, — продолжила жена. — В прошлом году ваш Хрунцов под лёд ушёл? К лету только и нашли.

— Так он где был! Там всё время лёд течением подмывает. Да и в какое время!

— А вы откуда знаете: подмывает или нет?

— Знаем, конечно!

— Иначе бы здесь не сидели, — поддакнул Гранов.

— Раз сады завели, придётся вам, дорогие вы наши, с рыбалкой расставаться, — вступила в разговор и его жена Марина. — Как потеплеет — лопаты, грабли в руки. Выполнять семейную продовольственную программу.

— Да и домик строить пора уже, — подала голос и Валентина. — У соседа, что справа от нас, уже фундамент стоит. Да и тот, что с другой стороны, брёвна завёз. Сруб, видать, делать собрался — для наших мест лучший вариант! Зимой тепло, летом прохладно... А у вас какие планы? — спросила хозяев.

— О! Пока никаких, — отмахнулась Вера. — Муж у меня занятой человек.

— Что значит «никаких»? — возмутился тот. — Будем осваивать, как только здесь обустроимся.

Разговор далее перешёл на рассаду: кто уже давно выставил на подоконники горшочки, наметил сорта планируемых фруктовых посадок; от садовых забот перешли к погоде: что там обещает на лето долгосрочный прогноз, потом вернулись к дому, детей своих, конечно, тоже вспомнили и пошли по кругу, время от времени возвращаясь к началу разговора.

А потом мужчины вышли на балкон перекурить.

Ещё недавно сквозь березы была видна размеренно гудящая моторами автомагистраль, а за несколько дней она почти исчезла и притихла за завесой нежно-зелёной листвы берёз и лип. В одночасье покрывшаяся ровным зелёным ковром земля украсилась россыпью желтых одуванчиков, как по команде закрывающихся по вечерам перед ночной прохладой, так же дружно через несколько дней превращаясь в мохнатые летучие шарики. Вспыхнул белизной дотолё совершенно незаметный куст черёмухи, предвещая похолодание.

— Автобусная рядом, — кивнул в сторону прилегающей остановки Николай. — Три пролёта — и заводская проходная. Можно и пешком.

— Да! — воскликнул с завистью Гранов. — Не то что мне — сначала трамвай, потом автобус... Прежде чем включать станок, нужно прийти в себя,

— По другую сторону дороги пустырь — стройся, сколько хочешь. Надо будет в профсоюзной организации поднять вопрос о постройке ещё заводских домов, — пришла мысль Бурцеву, которому от жилья до завода путь был тоже длинный.

* * *

Позднее всех других заселялась квартира Зинаиды Комарковой на первом этаже; как будто в ней не особо и нуждались. Хозяйка, сорокалетняя, небрежно одетая и причёсанная женщина с землистого цвета лицом, появилась в сопровождении двух мужиков такого же потрёпанного вида и долго то ли осматривали, то ли уже обмывали новое пустующее ещё жильё. Появились и дети Комарковой: худенькая девушка-подросток в простенькой одежде и хулиганистый мальчик лет десяти, успевший заглянуть и проверить содержимое всех почтовых ящиков. Впрочем, они быстро сообразили, что здесь не до них, и исчезли.

Потом и мужики, слегка пошатываясь, куда-то удалились, часа через два появились вновь на грузовике с мебелью в кузове. Сняли и поставили у подъезда поцарапанный кухонный стол, в грязных пятнах диван, несколько стульев и табуреток такого же вида, мешки с бельём и картонные коробки с посудой. Потом неспешно, с большими перерывами и перекурами, заносили всё это в квартиру. И, как только занесли всё это, продолжили отмечать новоселье. А часа через три подвыпившая хозяйка стучала в дверь соседям напротив с просьбой одолжить деньги до завтра. И, как только получила займы, один из мужиков тут же поспешил в магазин за добавкой. Вернулся нескоро, за что получил нагоняй от ожидавших его, надо полагать, с большим нетерпением:

— Ты где же это, хрен рыжий, пропал столько? — принимая из рук его полиэтиленовый пакет с покупками и заглядывая туда, набросился напарник.

— Не хрен, а Петька! — огрызнулся тот.

— Э, да ты уже успел приложиться?! — поднял, показывая открытую бутылку пива.

— Оставь его, Санька! — остановила того хозяйка, доставая из пакета бутылку водки. Открыла умелым движением и плеснула всем в стаканы: — У меня новоселье, а вы тут...

— С новосельем!

Пьяные голоса становились громче, слышались и через открытую форточку во дворе, и через неплотно прикрытую дверь в коридоре, вызывая удивление и досаду проходивших мимо людей.

— Ну и соседка нам досталась!

— Да, скучать не придётся!

А пир продолжался. Включили свет, завесив вкривь развёрнутой газетой окно.

— Если это не прекратится, милицию придётся вызывать, — забеспокоились соседи.

— Наверное, придётся!

Пришлось, потому что те два мужика подрались: то ли хозяйку не поделили, то ли выпивку. А на следующий день жильцы обратились к Сергею Степановичу, мол, что же это такое им уготовано на новом месте жительства. Пришлось идти к Комарковой. Постучал, так как звонок ещё не работал, и через некоторое время дверь приоткрылась и выглянула помятая хозяйка. Не удивилась, открыла дверь пошире.

— Зайти можно? — спросил её Сергей Степанович.

— Отчего же нельзя? Милости просим! — помедлив, посторонилась она, пропуская гостя.

Обстановка квартиры производила гнетущее впечатление: диван с мятым серым бельём, непокрытый стол под голый лампочкой, что-то, похожее на сервант... За распахнутой дверью в другую комнату выглядывала голая кушетка.

— Что тут у вас вчера происходило?

— Новоселье. Как у всех!

— У всех было тихо, а у вас тут шум и драка.

— А! Грузчики слегка повздорили.

— Дети где у тебя?

— У бабушки.

— У бабушки или где-то в городских подворотнях болтаются?

— Да, у бабушки! — не очень уверенно сказала Комаркова.

— Так и будут у неё жить?

— Отчего же? Как обустроюсь, сюда переберутся.

- Смотри, Комаркова, как бы тебя не пришлось выселять отсюда за такой образ жизни! — направился к выходу Сергей Степанович.
- Не выселите! У меня дети.
- Сергей Степанович остановился, повернулся, посмотрел на растрёпанную особу:
- Так ведь и материнства можно лишиться при таком отношении к своим детям!

Глава вторая

Прошёл год из череды лет, почти одинаковых в устоявшейся жизни. Дом на Советской заселили, отстучали молотки, и умолк сверлящий бетон скрежет, новичок стал похож на своё окружение. По утрам один за другим зажигался свет почти во всех окнах, и через некоторое время уже не закрывались, хлопая, двери подъездов, выпуская спешащих на работу людей. Вместе с ними, а иногда следом выходили с перегруженные ранцами школьники и в меру своих сил и собранности торопились к началу занятий. После некоторого затишья на лёгкий променад выходили старушки, но далеко не отходили, садились на скамейки, обмениваясь увиденным и услышанным. Вскоре, вспомнив о своих домашних обязанностях, они расходились. В пустынный двор выходили отдельные личности из выздоравливающих после болезни или проводящих последние деньки отпуска, садились перекурить на детской игровой площадке. Постепенно возвращались школьники, сначала младшие, потом постарше и, прежде чем идти домой, сложив в кучу ранцы, затевали игры.

К концу дня двор оживал снова. С тяжёлыми пакетами и сумками возвращались отоварившиеся в Гастрономе соседнего квартала женщины. Появлялись и озабоченные другими делами мужчины. Под присмотром, а чаще без него, выпускали поиграть во двор маленьких детей и потом с трудом загоняли их домой. Некоторые жители, принарядившись, отдельно или парами отправлялись в кино, театры и прочие зрелища или просто к кому-то в гости. Где, случалось, задерживались допоздна да в подпитии, и после их шумного возвращения объятый сумерками двор затихал окончательно.

Крапов вышел из комнаты-кабинета, где только что долго и нервно говорил по телефону, усталый и всё ещё сосредоточенный на теме только что состоявшихся переговоров с главком. Увидев в гостиной сидящую за придвинутым к дивану журнальным столиком за разборкой стопки тетрадей супругу, почувствовал некоторое угрызение совести: у него кабинет и письменный стол, а жена вынуждена работать в таких неприспособленных условиях.

— Эля, тебе же неудобно здесь работать! Может, купим и тебе письменный стол?

— И куда мы его поставим? — отклонившись к спинке дивана, взглянула на мужа Элина.

— Здесь пристроим как-нибудь, — оглядел он комнату, одна сторона которой заставлена мебельной стенкой, другая занята диваном и тумбочкой при нём.

Запахнув халат, он подсел на край дивана.

— И превратим наше жильё в подобие конторы? — взглянула она на него с улыбкой. — Ничего, мне так удобно. За письменным столом я сижу в школе. Да и днём, когда дома, за твой стол подсаживаюсь. Не заметил?

— Заметил! Только ты порядок там у меня не наводи — я потом найти ничего не могу.

— Да я только чуть-чуть прибираю!

— Ты же завуч, зачем тебе уроки и эти тетради? — кивнул он на стопку тетрадей, взял одну, раскрыл.

— Без ведения уроков литературы, без учеников, которым открываешь через неё мир и тем воспитываешь отношение к жизни, не могу. Говорить с ними о литературных героях, видеть их нравственный рост — это что-то очень увлекательное. Никакой другой школьный предмет не носит такой воспитательной функции! Работа завуча всё ещё мною воспринимается как нудная бюрократическая обязаловка, которая вот-вот пройдёт.

— Без определённой бюрократии не делается ни одно дело. И кто-то должен эти функции выполнять.

— Есть же любители!

— Есть, но им нельзя доверяться: они утрачивают цель и, что часто бывает, подменяют её другой, карьерной. — И прочёл вслух из раскрытой тетради: — «...Папа подал мне рюкзак. Он крутой такой...» Кто крутой — папа или рюкзак?

— Такое сочетание встречается сплошь и рядом. А слово «крутой» на каждом шагу.

— Девять часов? — взглянул на настенные часы Сергей Степанович, отложив тетрадь и поднимаясь. — Можно я включу новости? Не мешает тебе?

— Нисколько!

— Посмотрим, так сказать, чем живёт страна.

Он подошёл к телевизору и включил первый канал — как раз началась программа «Время».

Вернулся на диван, сел, закинув ногу на ногу, задумался, не обращая внимания на новости. Эллина снова занялась тетрадками.

— Ты как планируешь свой отпуск в этом году? — после некоторой паузы спросил он. — Опять поедешь к маме?

— Да, придётся! Она уже спрашивает: когда. Ждёт не дожждётся!

— На целых два месяца?

— Да! Почти. Тяжело ей одной. Хотя соседи всячески помогают купить что или сделать.

— Проще было бы, конечно перевезти мать сюда...

— Проще! Но она не соглашается. Помнишь, когда она была ещё почти здорова, целый месяц провела у нас. Так извелась вся! Даже заболела. Понять можно: там дом, в котором она прожила свои лучшие годы, там могила отца... Огородик при доме. Если перевести её сейчас, она сразу угаснет.

— Известно, старые деревья не пересаживают.

— А ты как планируешь? Съездил бы в санаторий.

— Пока не до того. Затеяли модернизацию цеха заготовок... Осенью должны запустить. И, как всегда, немало проблем.

— Так вы всё время что-то там затеваете. А ты уже второй год без отпуска. Так, знаешь, нельзя.

— Потом всё компенсирую, — равнодушно заключил он.

— Когда потом? Когда загонишь себя? Когда хватит инсульт или инфаркт? Меня очень беспокоит такое твоё отношение к себе.

— Не переживай! Чувствую я себя нормально.

— Ну-ну!

* * *

Только недавно светило заходящее солнце, наполняя кухню ярким светом, как вдруг потемнело — хоть включай свет. Надежда подошла и захлопнула форточку, выглянула в окно: первый настоящий летний дождь!

Вздрогнули и заметались тревожно под бушующим порывом ветра ветви деревьев, и по ним хлестнули струи воды. Дробью ударили они по подоконнику, скользнули по окну, и полилось, заливая асфальтированные дорожки, побежали по ним вспененные мутные ручьи. Вкривь и вкось одна за другой сверкнули молнии и тут же взрывом, сотрясая стёкла и дом, бухнули раскаты грома, усиливая падающий с небес на поникшие деревья ливень.

— Может, наш маленький «Юрюзань» поменять? — возвращаясь за стол, где за чашкой кофе и чтением газеты сидел муж, кивнула на стоявший в углу холодильник. — Уж очень тесноват! В магазине что-то хорошее попадётся, так можно было бы взять побольше. Комовы — Танька у нас работает — второй холодильник купили. Да ещё какой — «ЗИЛ»!

— Два холодильника? — удивился Бромин. — Не тесно будет?

— Они в коридоре поставили, тот, что меньше. Красота какая, хвастается! Муженёк у ней предприимчивый, продуктами впрок на рынке, а не в магазине отоваривается. Покупает сразу много — так дешевле выходит им. Нам бы на «ЗИЛ» сменить!

— Надо бы! — подумав, согласился Бромин. — Но очередь на «ЗИЛ», сама понимаешь. И мы как уже имеющие холодильник окажемся далеко не первыми в ней.

— Да, но... Мясо с трудом в морозилку втискиваю. Молоко не влезло, чуть на окне стояло и скисло. Лето, тепло уже у окна.

«Вообще ситуация дурацкая, — откладывая газету, размышлял Бромин. — На всё: холодильники, мебель, машины — очереди. Соответственно толкотня, грызня в них, блат и криминал. Несмотря на надстройку контролирующих органов, государственных и общественных. А надо бы, чтоб всё решалось автоматически. Спрос и производство должны соответствовать друг другу». И от этого всем очевидного явления сделал вывод, к которому в последнее время приходил всё чаще, и не один он: экономика, стало быть, должна быть построена иначе...

— Поменяем, конечно. Когда-нибудь! — Андрей Павлович допил кофе. — А пока... мал, но работает как часы! А о том, кто, где и что купил, у вас, знать, только и говорят.

— Не выдумывай!

— Известное дело — женский коллектив.

— Женский...

Помолчали, думая каждый своё.

— Работа у нас какая? — прервал молчание Надежда. — Приходит на днях один работяга: часы ему, видите ли, не всё оплатили. Говорю ему, нельзя больше, а он упёрся, не понимает.

— Объяснила бы, что есть фонд заработной платы, который мы не можем ни уменьшить, ни увеличить, что бы кто сверх того ни сделал. И за то, и за другое накажут.

— Может, переведёшь меня из этого места? — добавила Надежда, принявшись мыть посуду.

— Куда ещё? — хотел было уже выйти из кухни муж, но знал, что разговор лучше завершать, иначе могут возникнуть сложности.

— Ну... в СКБ. Там женщины настоящим делом заняты.

— С чего ты взяла? Чай с утра до вечера гоняют. Кто хочет, тот работает, не хочет — делает вид, что работает. И не уволишь такого — по судам затаскает. Защита прав трудящихся! Система! — И, поднимаясь и задвигая стул, добавил: — Да и здесь ты инженер по организации труда, а там будешь только специалистом по диплому — техником.

Когда они перешли в гостиную, устраиваясь в кресле, Бромин спросил жену, напомнимую о лете:

— Отпуска грядут... Как, думаешь, в этом году их проведём?

— Может, в санаторий? — присела она на диван. — Как в прошлом году?

— Кто же тебе даст путёвки два года подряд, да ещё и в летний сезон? — Бромин почесал лысеющую макушку головы. — Давай съездим дикарями в Сочи, например.

— Зачем из большого города ехать в такой же большой? Из одной суеты в другую.

— Суета суете рознь. Ну, тогда в Анапу или где-нибудь в Алуште или Алушке...

— Так, может, всё же путёвку туристическую какую-нибудь взять?

— Путёвку? Чтоб рано подниматься на завтрак, следить, чтоб не опоздать на обед, ужин... Дикарями поедим! Когда, что и куда захочется, то и делаешь. Это — настоящий отпуск.

— Ой, не знаю...

— Не волнуйся, всё будет в порядке! — он взял ставшую выходить недавно «Экономическую газету», жена, посидев ещё чуть в размышлении, спросила:

— А с Юлечкой нашей как быть?

— Отправим её в пионерский лагерь. Думаю, путёвку в Евпаторию удастся выбить. — И добавил, взглянув на часы: — Кстати, где она сейчас? Время уже вон сколько.

— Сказала, что у подруги.

* * *

Гудковы долго не могли уснуть, быть может, потому, что ещё не стемнело, хотя они легли по привычке вовремя. Свет проникал через зашторенные окна.

— Я заявила на лето работать в пионерский лагерь, — сказала Вера.

— На всё лето? — спросил Николай, осторожно надеясь, что это не так.

— На две смены. — И добавила как бы в оправдание: — Как в прошлом году.

— Понравилось там, что ли? — с оттенком неудовольствия сказал он.

— Лучше, чем всё лето в больнице. Сын у нас уже определился на это время — с тренером в спортивный лагерь.

— Покидаете меня, значит?

— Можешь съездить в Дом отдыха или к брату съезди.

— К брату, может, и съезжу, но ненадолго. Поеду в сад. Поставлю палатку, вечером разведу костерок... Видеть небо в облаках днём, глубину мироздания ночью... Красота! Ведь в городе дальше крыши человек ничего не видит!

— А ты, оказывается, романтик.

— За месяц отпуска срублю баню. Чтоб в любую погоду можно было укрыться.

— Если брёвна ещё не растащили! Ты бы туалет сначала сделал.

— А что его делать-то? День-два.

— А до сих пор не сделал.

— Сделаю сразу. Потом баню. А уж затем домом займусь.

— А грядками, что посадили, кто заниматься будет?

— Так я думал, что ты заниматься будешь. А ты... на всё лето.

— Не на всё лето, а на две смены. Недоволен, что ли?

— Доволен! Всем доволен!

— Нет, я вижу, что тебе не нравится то, что жене будет хорошо...

— Давай не будем выяснять!

Он поднялся, подошел к окну и нервным движением сдвинул поплотнее шторы, хотя уже стемнело совсем. Лёг с подступающим чувством отчуждения, отвернувшись от супруги.

Лежали молча, но не спали оба.

— Давай купим новую мебель, — предложила вдруг Вера, как бы возвращая их от разногласия к общим заботам. — Какая-то она у нас... сборная. Артём на железной кровати спит. Диван наш раскладной поистрепался... Вашими стараниями! — усмехнулась.

— Нашими!

— Шкаф уже не вмещает всего...

— Меньше надо всякого барахла покупать.

— Ты что, против? — отстраняясь от мужа и приподнимаясь, спросила в упор.

— Зато свободно в квартире сейчас. А приходилось на старой квартире чуть ли не боком ходить. Ты этого снова хочешь?

— Освободимся от старого! Часть продадим, часть увезёшь в сад.

— Когда ещё там домик построим. Но я не против! Деньги у тебя есть на всё?

— Почему это у меня? Ты что, не зарабатываешь?

— Но я же тебе их всех отдаю! Твои девяносто и мои сто восемьдесят — если бы по сто рублей хотя бы каждый месяц откладывать, то можно накопить. Но ты же не умеешь экономить, транжиришь на всякие тряпки, шляпки.

— Что я, по-твоему, должна в одном и том же всё время ходить? Спасибо, не буду!

— Тогда о чём разговор!

Помолчали, недовольные друг другом.

— Можно будет часть денег одолжить, — примирительным тоном заговорила Вера. — Я уже ходила в магазин, смотрела. За двенадцать тысяч гарнитур из Чехословакии.

— Ого, сколько! В долги залезем.

— Я даже записалась в очередь на него.

— Показала хоть бы, посоветовались...

— Я знаю, что тебе он понравится тоже.

— Спасибо за доверие!

— Так вот — я записалась, а мне сказали, что очередь дойдёт только через год, а может, и больше. В стране столько леса, а не могут сделать мебели столько, сколько нужно.

— Столько домов понастроили, решая квартирный вопрос, и всем понадобилось иметь и гарнитуры, и холодильники, и стиральные машины... Разве можно вдруг изготовить всем всё? Это надо же построить новые заводы, изготовить оборудование для них, обеспечить сырьём... Нет такой волшебной палочки! Вот откуда и очереди.

— Столько ждать? — Она как будто не слышала его доводы.

— Как раз поднакопим деньги.

— Как депутату могли бы тебе... вне очереди...

— Как раз как депутат я никогда на такое не пойду! — Он сел и добавил для убедительности: — Да и народный контроль следит за очередью в магазинах.

— И депутаты, и народный контроль уже все этим всем обзавелись, ты один только такой... тютя.

— Не ври! Может, кто-то из них и подшустрил, но знаю: подавляющее большинство депутатов и членов народного контроля такое себе не позволят.

— Зачем тогда бы они шли в депутаты?

— Во даёшь! Неужели ты думаешь, в деятельности людей единственный стимул, как бы что-то урвать раньше и больше других? Ошибаешься, милая моя!

— Дорогой, ты взялся и мораль мне читать? — отвернулась и она.

— Ничуть! Просто объясняю, почему ни на какие обходные варианты никогда не пойду.

— Кто бы в этом сомневался! — Рассердившись, она поднялась и, накинув на плечи халат, вышла в кухню.

* * *

— Ты почему в лагере сегодня не был? — строго спросила сына Комаркова, встретив его в коридоре, как только тот открыл дверь и вошёл.

— Был! — не задумываясь, ответил Антон.

— Врёшь! Мне вожатая на работу звонила.

— Я опоздал только! — И, испугавшись наказания, добавил: — Немножко.

— Ничего себе «немножко»! Вожатая мне после обеда звонила. С дворовыми пацанами болтался? Сколько раз я тебе говорила: оставь их. До добра не доведут.

— Они меня не отпускали в лагерь, — признался Антон.

— Кто не отпускал? Лёнька этот? — Комаркова прошла в кухню.

— Все не отпускали.

— Вот и не ходи к ним.

— Я не ходил! — прошёл вслед за матерью Антон. — Они мне дорогу перегородили.

— Ещё что! Разбойники. Вот я им задам!

Гнев матери переключился на других, угроза задать им в который раз повисает в неопределённости, так что конфликт с матерью был почти исчерпан.

— Я кушать хочу! — Сел он за стол и достал хлеб, стараясь скрыть то от возившейся у газовой плиты матери.

— В лагере ведь кормят! Поэтому я и не готовила обед.

— А сама ты где ешь? — отщипывая хлеб и поспешно жуя, спросил он .

— На работе, в столовой. А ты теперь жди. — И прикрикнула: — Оставь хлеб, перебьёшь аппетит!

Но голодный сын не мог оторваться, ощипывая батон.

— Я что сказала?! Ещё и грязными руками!

Глава третья

С состоявшегося в большом зале кинотеатра «Нептун» собрания городского партактива Сергей Степанович пришёл позднее обычного. Приходить домой поздно — обычное явление, и вряд ли можно вспомнить случай, когда он приходил домой сразу после окончания рабочего дня: после работы с людьми, когда уже никто не мешал и не прерывал, садился разгребать документы и письма.

— Ну и о чём вы там говорили? — подавая ему ужин, спросила Эллина Викторовна.

— Да о том же. — Кивнул в сторону включённого маленького кухонного телевизора, где шла информационная программа «Время»: «Как отмечается в материалах Апрельского пленума ЦК КПСС, в экономике страны с середины 50-х появились некоторые тревожные тенденции: стали снижаться темпы роста. Если средний прирост национального дохода в те годы составлял более одиннадцати процентов в год, то за прошедший год он составил 5 %...»

— Всего лишь пять! — берясь за вилку, отметил он. — Одиннадцать процентов в годы, когда огромный вклад средств потребовался не только в восстановление разрушенных войной городов и промышленных предприятий, но и в становление таких гигантов, как атомная, ракетная, космическая и другие отрасли. Да ещё цены на продукты и товары каждый год снижали, что уже давно у нас не делают.

— Ешь давай, а то остынет!

— Спасибо! Сама чего не ешь?

— Давно уж поела!

— А ныне, Эля, когда всё это уже работает и должно давать отдачу, темпы роста упали. Да ещё наметилось отставание в научно-технического прогрессе... Несмотря на ряд решений и постановлений, призывы и лозунги.

— И почему так?

— А потому, что не работает система. Всё зависит от личной инициативы руководителей. Вот выпускает Ивановский станкостроительный завод лучшие в мире станки благодаря активности директора. А ведь директора — люди разные. Одни надрываются и жизнь свою делу посвящают, другие карьеру себе делают. И самое опасное то, что последние бывают наиболее удобными для высшего начальства и множатся.

— А у вас, Сергей, на заводе как?

— Заявляемся каждый год на ивановские станки, но их на всех ведь не хватает. Говорят нам в Госплане: берите на Украине. А там станки с шестидесятых годов как шли, так и идут без изменений. Крепки, конечно, но малопроизводительны. Или берите у Чхеидзе из Тбилиси, станки которых больше в ремонте, чем в работе. Завод грузинам поставили, чтоб прослойку пролетариата создать, но не тот менталитет на Кавказе, чтоб станки делать! Да и каким может быть менталитет, если те из них, кто на наших рынках у нас овощами и фруктами торгует, живёт гораздо лучше их заводских пролетариев. А как начнёшь отказываться от их поставок, тебе говорят: там народ тоже заказами и работой обеспечить надо. Вот так вот: национальная политика выше экономики! Забота о народе — это хорошо, конечно, но прогресс тормозится. Диалектическое противоречие: гуманизм социализма порождает тормоз своего собственного развития.

— И... какой же выход? Сказали вам?

— В переходе от личности к системе. Любая система устойчива и эффективна, если требуемый результат достигается не отдельными выдающимися личностями, а людьми со средними способностями и стимулами. То есть массово. И надо перестраивать весь хозяйственный механизм. Вот такая задача на прошедшем пленуме ЦК и ставится: к предстоящему съезду партии разработать механизм ускорения социально-экономического развития.

— Так сколько раз уже перестраивались? И при Хрущёве, и Брежнев. И почему до того, в пятидесятые, система была эффективной?

— Была эффективной благодаря очень жёсткой командно-административной системе. Как при Петре I, когда насильно стригли бороды. А с демократизацией общества это уже не проходит. Разрыв образовался! Несоответствие одного другому.

— Как всё не просто!

— Да, сложно найти правильное соотношение того и другого! Пытались дать задний ход и свернуть демократию, но это уже не проходило. Так что будем пробовать в очередной раз. Будем искать уже при новом генсеке, Горбачёве. Который, как говорят, настроен на серьёзные преобразования, на что ещё будучи секретарём ЦК по сельскому хозяйству был ориентирован Андроповым.

— Дай бог, чтоб не наломали дров! Как с кукурузой.

— Хорошо, что нашли мужество признать открыто, что есть на самом деле. Это уже начало пути к решению. На Пленуме совершенно открыто говорили о том, что вообще-то сознавали все, но вслух упоминали только в кулуарах, а не с трибун. А то как-то забыли наши прежние руководители слова Ленина, именем которого клялись на каждом шагу: «Мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту».

— О... голова кругом от всех проблем!

— Ещё бы! И не только у вас там, в школе, или у нас на заводе. В государстве! — поднялся из-за стола Степан Сергеевич. — Спасибо, было вкусно.

— На здоровье!

— Давай, Эля, я посуду помою.

— Да ладно тебе! Устал ведь.

— Нет уж! Если один готовит, то другой убирает.

— И... ты собрался готовить?

— Да! Как только появится время. Э... да ты никак постриглась сегодня?

— А ты только заметил?

* * *

«Смелая редакция! — сидя на диване и меняя позу на более удобную, оценил «Индустриальную газету» Бромин. — Дело Худенко, председателя колхоза, поднявшего прибыль в семь раз при снижении себестоимости продукции в четыре раза, и так далее. И что? Был осуждён за нарушение существующей финансовой дисциплины, умер в колонии... Что ещё нового? Туркмения потребляет на 20 % больше того, что производит...»

«Вот так экономика! — подумал. — А пример из недавней поездки — водитель государственного автобуса деньги за проезд кладёт себе в карман. И пассажиры этому способствуют, оставляя ему свои билеты при выходе — для липового отчёта перед контролёрами. Нет, это тупик! Взять тот же становящийся повсеместным дефицит: это же элементарное несоответствие денежной массы и товаров и услуг. Есть ли в правительстве люди, понимающие экономику, или одни некомпетентные партийные функционеры?»

— Папа, помоги решить задачу! — вошла с тетрадь в руках Юля, худенькая остроносая десятилетняя девочка с заплетёнными в две косички русыми волосами.

— Начинается учебный год! — строго поверх газеты взглянул Бромин. — Я почему-то в школе решал задачки сам, без родителей. Сама хоть пробовала решить?

— Пробовала, не получается.

— А мама что? — нехотя отложив газету, взял тетрадь.

— Так мама когда придёт? А у меня ещё упражнения по английскому.

— Что-то условия у тебя как-то непонятно записаны. Два сосуда... скорость наполнения и слива... — Увидев, что дочь в задумчивости почёсывает бок, прикрикнул: — Не чешись!

— А если чешется?

— При других не чешись! Принеси-ка задачник.

Решив задачу, Бромин снова взялся за газету.

...Гонение на людей, начавших при Андропове борьбу с коррупцией в структурах власти и расследование невиданных приписок по хлопковому делу, — читал он дальше, — к которой имели непосредственное отношение некоторые члены Политбюро, секретари ЦК, другие руководящие работники центральных ведомств, курирующих эту отрасль. Первый секретарь Рашидов, дважды Герой Социалистического Труда, а на самом деле глава мафии, внезапно скончался и был похоронен в центре города, рядом с памятником Ленину. Большую часть собранной информации уничтожили — сожгли 70 томов! Массовые приписки, хищения, коррупцию стали именовать «отдельными негативными явлениями».

...С приходом Горбачёва продолжение прежнего курса «наведения порядка» возобновилось. Направлена следственная группа, возглавляемая Гдяном, следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Арест начальника Бухарского ОБХСС — в домашнем сейфе более миллиона рублей, не считая других ценностей, за взятки. Вслед за ним — секретаря обкома. Переполох! Прячут ценности и жгут деньги, заматывая следы. У секретаря обкома Каримова изъяли ценности на сумму четыре миллиона рублей. Брал взятки по пятьсот тысяч!..

«И это — при зарплате инженера в сто рублей! — прикинул. — И моей высокооплачиваемой — в двести сорок!»

— Кошмар! — отбросил он газету. — Нет, это тупик! Полное разложение системы.

* * *

Николай Гудков уже второй час возился с рюкзаком, пакетами, заталкивая в них одежду, спальные принадлежности, еду, охотничье и рыбацкое снаряжение. Как ни старался, как ни перекладывал, получалось довольно много отдельных мест.

— Так куда это вы собрались? — переспросила мужа Вера.

— В Казахстан. На озеро Синкибай.

— Вам что, здесь озёр мало, чтоб на рыбалку и охоту за пятьсот километров переться?

— Так здесь охотников и рыбаков развелось больше, чем дичи и рыбы. А там, говорят, стрелять можно в небо, не целясь, и не промахнёшься. Нагуляли к осени жиру. А рыбы...

— Меня оставляешь на выходные одну?

— Так у тебя же рабочие дни! А нет, так бери отгул и езжай с нами!

— Нет уж, спасибо! И с кем едешь?

— С Алексеем и Степаном. С кем же ещё?

— Кто вас знает!

— Ну вот ещё! Да мы в одной машине — больше никто и не поместится, — засмеялся Николай. — Снаряжения сколько! И лодка двухместная надувная Бурцева...

— Одна на всех?

— Что ж поделаешь! Поочерёдно будем: кто на лодке, а кто с берега. Были бы в продаже — давно бы и себе приобрёл такую.

Помолчали.

— Не меня, так хотя бы сына с собой однажды взял, — сказала жена.

— А я давно ему предлагал со мной ездить! Один раз побывал — больше не хочет.

Говорит, скучно.

Раздался звонок на входе.

— А вот и они! — оставив рюкзак, Николай открыл дверь. — Заходите!

В коридор вошли Бурцев и Гранов, стали снимать обувь.

— Здравствуй, Вера!

— Здравствуйте! Проходите! — поднялась навстречу гостям хозяйка и спросила: — Кофе или чай?

— Нет, спасибо! Мы ненадолго.

— Как знаете! И что, вас жёны тоже отпускают?

— А мы заслужили! — проходя и присаживаясь, в один голос ответили ей.

— И чем же?

— Не отвлекай нас, Вера! — попросил жену Николай. — У нас завтра в три утра выезд. Да она уже сама оставила компанию, отправившись в кухню.

— Машина в порядке? — спросил Николай Алексея. — Там дороги, говорят, грунтовые, пыльные. Суховеи случаются.

— Целую неделю возился! Всё проверил, гайки подтянул, фильтры заменил.

— Что же нас не привлекал?

— Зачем? Я и сам со всем справляюсь. Дело привычное!

— Всё взяли, как договаривались?

— Милиция не остановит — с прицепом твоим? Там, в Казахстане, — обеспокоился

Гранов.

— С чего бы это?

— Самодельный же прицеп!

— Ну... где же ты заводской найдёшь? Да он у меня и сделан не хуже заводского.

— Поди докажи! Придётся откупаться.

— Развращать милицию? — возразил Николай. — Я человек партийный и на такое не имею морального права.

— Уж больно ты правильный! А милиция и так развращена. Сам министр МВД признал, что там есть взяточники, и предательство, беззаконие... В Мичуринске — читал? Слияние милиции с преступниками. Пришлось всех разгонять, менять весь кадровый состав. А в Узбекистане? А мы как раз в ту сторону едем.

— Читал! И противоположное есть. Вот пример: капитан милиции Алиев несколько лет вёл борьбу со взяточниками в Баку...

— Так его же те сволочи достали даже в нашей Туле! Арестовали и посадили.

— Борьба! А настоящая борьба без потерь не бывает, — пояснил Николай. — И не надо отдельные факты распространять на всех. Для порядочных людей это очень обидно. А раз о тех пишут, значит, искоренят.

— Ты уверен?

Но спорить больше не стали, собираясь расходиться.

— Ты, Алексей, лодку свою проверил? — сменил тему Николай. — Не придётсЯ пальцем дыру затыкать, как в прошлый раз?

— Заклеил! Даже на воде проверил — пузырей не было.

— Ну, тогда что ж? До завтра?

— А чай? — вышла из кухни Вера. — Или кофе?

— Спасибо! В следующий раз, — поднялись гости. — Мы пошли!

* * *

Горелый жил у Комарковой уже третью неделю. С тех пор, как однажды появился ни с того, ни с сего, по наводке, надо полагать, кого-то из её знакомых, сразу сказал, что освобожден из заключения, что жить ему негде и жить он будет у неё. Такое беспардонному отношению к себе она уже почти привыкла, был он лет на пятнадцать моложе её, и... чем не мужик, решила ипустила. Здоровье его, однако, было подорвано, но выпивал он с ней с удовольствием, после чего впадал в ступор. А когда выпить у Комарковой было не на что, а сам он не работал, всё откладывая на день грядущий поиски работы, то сидел неподвижно и молча, сжавши назад худые плечи, сложив руки с корявыми узловатыми кистями одна в другой, с потухшим взглядом и даже ничего не ел почти что из того небольшого и не очень вкусного, что она готовила и подавала ему. Сломленный человек!

Редко, но несколько раз заходили живущие у бабушки дети: подросший сын Антон и двенадцатилетняя Маша, вместе или порознь. Долго не задерживались, Маша так вообще вскоре перестала приходить, на приживальщика не обращали никакого внимания, как и он на них, просили у матери деньги и уходили ни с чем.

— Откуда они у меня? — неизменно отвечала та, что соответствовало действительности: у людей пьющих их никогда не бывает.

И из-за того, что он, Горелый, не работал, а ел, и пил, когда было что, у них начали возникать ссоры, даже когда они были трезвыми.

— Ты что ж, того... думаешь, я тебя кормить всё время должна? — громко возмушалась она, и её неприятный голос, искажаясь ещё более, проникал через стены в соседние квартиры. — Когда на работу устроишься?

— Надо... искать, — безропотно соглашался он, не представляя толком, куда бы он мог пойти работать; привык, что на какую-то работу их выводили не спрашивая.

— Дворники вот, — сообщила она. — Требуется везде...

Пауза.

— Завтра... пойду.

— Грузчики... — не сразу формировалось в её голове.

— Завтра... — заторможено кивал тот головой.

Ещё долго, с большими паузами и краткими всплесками, раздавался её голос. Но гость никуда не шёл ни завтра, ни послезавтра и вообще не выходил из квартиры, никуда его не тянуло, открытое пространство за пределами квартиры его подавляло, вызывало даже головокружение. И лишь однажды неожиданно всё же ушёл, не сказав куда, и пришёл не очень скоро с какими-то шмотками.

— Что это? — поинтересовалась Комаркова.

— Для... барыг, — уклончиво ответил он.

«Украл!» — поняла она, но промолчала, не зная, что делать.

А на следующий день пришли из милиции и его забрали.

(Продолжение следует)

В поезде дальнего следования

В поезде «Владивосток — Москва» едет солдат-танкист в отпуск.

Солдат вырвался из жизни, скованной уставом от подъёма до отбоя. От неожиданной вольной свободы он пьянел и радовался всему. Его лицо светилось улыбкой, приветствуя всех и вся, встречавшееся ему.

В глазах, у смотрящих в окна поезда, очертания ландшафта размываются. Всё плывёт мимо их сплошным потоком, вытягиваясь в бесконечную цепь. Нескончаемая тайга во взглядах едущих дремлет. Низкие облака стригут макушки деревьев. В скорости скрывается таёжная жизнь. Только курятся дымки над зелёной ширью и говорят, что где-то явствует живое. Лесной массив свежестью бодрит сознание, хочется вдохнуть и объять весь таёжный простор.

Пассажиры изучают друг друга, познают тонкости и шероховатости попутчиков. И одними брезгуют, а другими очаровываются и сближаются симпатиями. В вагоне два места общения: купе и тамбур. В купе общение тесного и близкого значения. В тамбуре общение для знакомств общего круга.

На промежуточной станции зашла в поезд девушка и села в купе, где ехал солдат. Солдат и девушка вначале всё смотрели друг на друга, потом стали вполголоса разговаривать. Они познакомились. Солдата звали Денис, девушку Надя. Денис и Надя летели вместе с поездом, летели на крыльях, паря в счастье. Неожиданно в их купе вошёл курсант-лётчик, изъявив желание ехать вместе, чтобы было веселей.

Девушка и солдат смотрели в окно поезда и не видели ничего. Как мчатся среди природы, они не замечают. Они переполнены счастьем, они заняты лицами друг друга, чтобы уловить выражение настроения. И эта игра чувств доступна только им. Денис наслаждался Надиной улыбкой, ему нравилось видеть радость в её глазах. А курсант-лётчик далёк до такого чувства, он в стороне, и ему непонятны эти тонкие нити их душ. Его интересует только весёлая занятость и утехы. Крепкий, упитанный, он держит на Надю виды, а солдат — помеха ему в этом, и Денис чувствует, как у курсанта кипит злость на него от зависти, что девушка отдаёт предпочтение простому солдату. Лицо солдата задумчивое, томное, с глубокой грустинкой. Это лицо вызывает у всматривающихся наблюдателей интерес.

Надя не может себе объяснить, чем манит к себе её этот обычный парень. Но он ей почему-то родной и близкий. Он мил ей, она боится его потерять. Она чувствует в нём нежную человеческую теплоту и чуткое сердце. Она никогда не испытывала такую тягу даже к своему мужу.

— В ночь перед отъездом я видела сон, — начала шёпотом доверчивый разговор девушка. — Мне приснился мужчина, пришедший в мой дом, и сказал мне: «Я долго тебя искал, и вот наконец я тебя нашёл. И мы теперь не расстанемся. Мы не можем жить друг без друга. Будем вместе теперь всегда». И я думаю — это был ты. Ты мой спаситель. У меня не было семьи с детства. Отец погиб на войне, и мы были зависимы от каждой служивой букашки. Жили, заглядывая каждому в глаза в надежде увидеть теплоту друзей, а видели холод и равнодушие. Всеобщий строевой марш в обман привёл к лицемерию, где пустая говорильня обрастает безразличием. Да и мир к нам был чужд, в упор не замечая нас. С мужем у меня тоже не жизнь. У него затянутае детство, он ещё не наигрался. Не дорос до семьи. Не везёт мне. А так хочется уверенности и счастья. А ты молодец, ты много не говоришь, ты завоёвываешь молчанием и умными глазами.

Внутренний голос говорил Денису: «Не торопись с любовью, это не любовь, это всего лишь соблазн. Здесь нет ничего настоящего, и чувства идут не из глубины, не из сердца, а поверхностные, мимолётные. Здесь всё фальшивое, всё притворное».

Курсант ночью, когда все уснули, забрался к сонной Наде на полку и стал её обнимать. Девушка закричала. Денис сдёрнул курсанта с полки, вытолкнул покушавшегося из купе и выбросил в коридор его вещи.

У озера Байкал поезд замедлил ход и вскоре остановился. Пассажиры шумно высыпали из вагонов, стали бросать монеты в воду и, разувшись, входили в озеро. Прозрачная вода холодом обжигала босые ноги. Денис и Надя, взявшись за руки, пошли вдоль берега по водяной глади босиком.

Наде думалось: «Какое счастье, когда тебе встретился человек, нарисованный твоим воображением, человек твоей мечты. И вот они идут рядом, что в венчальном браке, а хрустальная водича соединяет их собой».

На полустанке в вагон зашли ярко наряженные старообрядцы. Они держались дружной кучкой. Вели только им понятный разговор. Старообрядцы — гордый, независимый народ. На окружающих смотрят как на пришельцев из другой жизни.

В Новосибирске Денис вместе с Надей сошёл с поезда, чтобы проводить её. Надя смотрела в глаза Дениса, словно хотела запомнить его на всю свою жизнь. Долго они так стояли и молчали. Потом Надя пошла и, заплакав, шептала: «Храни его Бог, храни».

Без Нади Денис загрустил, поезд стал без крыльев тяжёлым и унылым. Всё в поезде стало чужое, злое, неудобное.

На вокзале Новосибирска место Нади занял задумчивый мужчина в годах с забавно красивой тросточкой. По внешнему виду этот человек не был любимчиком у жизни.

Дальнейший путь солдат-танкист и курсант-лётчик ехали врозь, не знаясь друг с другом. Денис жалел, что не обнял Надю и не поцеловал. «Она так ко мне тянулась душой. Она была очень мила, нежна и женственна. А я боялся её обнять, чтобы не замарать чистоту чувств. Я страдал. Страдала и она. Надя старалась быть чаще со мной. Я как бы ограждал её от хамского приставания к ней курсанта».

Поезд, набрав скорость, отстукивал колёсами ритм. Погрузившись в себя, ехавшие какое-то время молчали, потом разговорились.

— Я уважаю служивых, — обратился новый пассажир к Денису, — так как солдат отдаёт свои лучшие годы стране, защищая её. А я вот потратил молодые годы ни на что. У тебя будет жизнь полная, у тебя всё впереди, а у меня жизнь в прошлом. Цветущие мои силы были замурованные заключением, и я угасал, откручивая срок. У меня высшее экономическое. Меня Сталин закрыл в зону. Спрятал, чтобы я не высывался, так как экономик у Советов не было. Была только одна толкотня на «ура». Все в этом фарсе крутились на выживание. Жили надрывом, растрочены душой. А я был молодой, многое не понимал. А сейчас расплачиваюсь за своё непонимание. А как хорошо взглядишься, нет людей хороших и плохих, есть люди праведники и путаники. А народ, он податливый, ему, что ни брякнешь, всё на веру берёт, лишь бы звон стоял. И в гуле этом вошь благостно уживается. А мне, понимаешь, хочется изменить мир к лучшему. Мы, живущие людишки, нецелованные жизнью. Мы обнятые нехваткой, хоть и живём на обильной земле. Вот возьми, у тебя только один класс образования.

— Как один класс? Я закончил среднюю школу, десять классов.

— Я имею в виду настоящее образование, а не сидение за партой. Значит, у тебя мизер образования. За каждый класс сидящего твоего образования настоящего образования за год у тебя выходит месяц. Итого у тебя настоящего образования десять месяцев за десять лет. Остальное образование у тебя проходящее мимо. Но есть настоящее образование. Это образование длиною в жизнь. У этого образования три класса учёбы.

Первый класс учёбы — это детство и юность.

Второй класс учёбы — взрослость.

И третий класс учёбы — старость.

В этом и состоит образовательная ценность жизни человека.

Ты запомни: рождённые валенками туфлями никогда не будут.

Получив порцию лекции бывшего рассказчика, Денис заскучал и при полном вагоне людей был в одиночестве. Загрустивши, он ушёл в себя. «А колёса всё отстукивают и отстукивают, — думалось Денису. — Отстукивают время и мою судьбу. Но плохо, если они отстукивают мою судьбу. Моя судьба должна быть в моих руках. Я сам должен строить свою судьбу и только сам. Будущее моё неизвестно. Но я должен направлять сам себя в будущее. Чтобы не поезд вёз меня в какое-то будущее, а я сам осознавал, куда иду и что мне нужно. Первое — познать, кто я и на что способен. В поезде мы оживаем, потому что движемся, а в движении обострённое чувство к жизни. Что делает с нами время? Оно нас пытается. Пытается, кто мы. Мы обитатели Земли, травяной массой покрывающие Землю? Или думающее человечество, пытливо осознающее свою миссию в этом мире?»

С тех пор прошло много лет, а у Дениса в памяти всё тот же поезд дальнего следования, девушка Надя и пассажиры, с которыми он познакомился в пути. Движение поезда сродни движению души. И эта схожесть чувств незабываема. От того времени, от времени знакомства Денис проверяет свою жизнь. Отчитывает, как он прожил свои годы и чист ли он в своих помыслах или ведёт лукавую жизнь с самим собой.

г. Конеёвск

Отражение судьбы страны в судьбе семье Щербатовых

Уходит целая эпоха, уходит вместе с теми людьми, которые свято верили в идеалы своего времени и защищали их как в огне войны, так и ударным трудом в тылу, а также восстанавливали послевоенное народное хозяйство. Как писал М. Ю. Лермонтов, правда, о другом времени:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Ознакомившись с очерком «И связист, пулеметчик, и военный переводчик» о моём земляке Михаиле Ивановиче Щербатове (см. стр. 72 настоящего издания — *ред.*), я решил, что мне необходимо познакомить читателей со всей его семьёй, в судьбе которой отражена судьба всей страны того тяжелого, но героического времени, как в капле воды отражается море.

Глава семьи Иван Григорьевич Щербатов родился в 1896 году в селе Большой Куяш в крестьянской семье. В Первую мировую войну был призван в царскую армию, попал на германский фронт. Октябрьскую революцию 1917 года принял без колебаний. Вступив в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, стал защищать идеалы революции в Сибири. Там он встретил свою любовь — Анастасию Ионовну Улько.

После окончания Гражданской войны Щербатов с женой остались жить в Алтайском крае. Именно здесь родились их дети: Варвара, Михаил и Анисья. В конце 1926 года Иван Григорьевич с семьёй вернулся в родное село. Уже в Куяше в 1928 году родился младший сын Иван. Вскоре создан колхоз, и Щербатовы, не раздумывая, вступили в него. Иван Григорьевич с женой трудились с огоньком. В сенокос Анастасия Ионовна не только не отставала от мужчин, но, войдя в азарт, подгоняла их. Счастливо складывалась жизнь Щербатовых, но вдруг пришла беда.

22 июня 1941 года немецко-фашистские захватчики напали на нашу родину. Старый солдат Иван Григорьевич в самом начале войны ушёл на фронт. Храбро сражался Щербатов. Об этом свидетельствуют его боевые награды. Так, из представления командира 136-го армейского миномётного полка РГС Донского фронта майора Кращенко на награждение медалью «За боевые заслуги» следует: «Заряжающий 3-й батареи красноармеец Щербатов Иван Григорьевич 11 января 1943 г. в боях за высоту 147,6 обеспечил уничтожение скорострельной пушки с её расчётом».

В мае 1945 года Иван Григорьевич был награждён второй медалью «За боевые заслуги», а также медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Вслед за отцом ушёл на фронт его сын Михаил. О его боевом пути уже было рассказано в газете.

В феврале 1942 года был призван в армию и муж Варвары — Николай Кашин. О том, как воевал Николай Иванович, лучше всего могут рассказать его письма своей любимой жене. Они были опубликованы в книге «Живые помнят». Эти письма, как и любые солдатские письма тех тяжелейших лет, читаются с интересом и, конечно, с большим волнением. Начинаешь вчитываться в каждое слово, написанное защитником Родины, и твоё сердце, твою душу пронизывает атмосфера тех минут, когда оно писалось. А в этих словах и пронзительная любовь к близким, и ностальгия по прежней жизни, и яростная ненависть к врагу. И ты начинаешь чувствовать всем своим организмом и близость смерти, и стойкость наших отцов и дедов, их веру в победу, всё то, что испытывали они.

Конечно, хотелось бы полностью воспроизвести все письма Николая Кашина, но, к сожалению, это не позволяют возможности газетного очерка. Привожу лишь некоторые отрывки из них.

26 июня 1942 г. «Варя, в прошлом письме ты писала, что ходишь в положении и чувствуешь себя неважно. Дорогая, очень прошу, побереги себя. Теперь должно быть скоро. Помнишь, я наказывал, если родится сын — назови Виктором, победителем, значит, а если дочка — назови Мариной. Только очень прошу — береги себя. Не носи ничего тяжёлого...

Как только получишь это письмо, сразу ответь про своё здоровье, чтобы я не волновался и ничего худого не думал. Кому ты передала наш “Коммунар”, кто вместо меня работает на нём штурвальным? Какие нынче виды на урожай?..»

17 августа 1942 г. «Привет с фронта, дорогая жена Варя! Перед самым отъездом получил твою телеграмму, что 5-го июля у меня родился сын, которого нарекли Виктором. Поверишь, родная, я был до того растроган и обрадован, что пустился в пляс. Спасибо тебе, моя дорогая, за сына! Пусть растёт большим да здоровым. Теперь я буду бить гитлеровцев за себя, за сына, за искалеченных братьев...»

12 июня 1943 г. «Я снова нахожусь в разведке. В одном взводе со мной земляк из Челябинска Пётр Новокрещенов... Получил, Варя, твоё письмо. А как прочитал, что убит мой двоюродный брательник Николай Коньшин, так за сердце схватился, будто солнце померкло. Не было у меня лучшего друга детства, всё делили с ним пополам, выросли, почитай, под одной крышей. Клянусь тебе жестоко отомстить проклятым фашистам за смерть Николая».

29 августа 1943 г. «Пишу тебе из санбата. Варя, не пугайся, ничего страшного, немного поцарапан в левую руку и ногу. Целый месяц находился на передовой. Какие здесь страшные бои шли, вы, конечно, знаете из газет. Красная Армия разгромила врага в пух и в прах. Нам салютовала Москва, и Сталин объявил благодарность. Теперь к моей медали “За отвагу” прибавился орден Красной Звезды».

23 сентября 1943 г. «Пишу в хате, в соседней комнате о чём-то громко разговаривают разведчики, кто-то играет на трофейном аккордеоне и поёт. До меня доносятся слова, которые трогают за душу, вызывают слёзы:

Ты сейчас далеко, далека
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага...

Нет, ты, Варя, не думай, что я смерти боюсь. Это песня такая. Я люблю жизнь и буду бороться за неё до последней капли крови...».

4 октября 1943 г. «Не могу описать, что пришлось пережить и повидать за последние дни. Приду домой, всё расскажу. Думал, не выберусь из этой огненной каши. Половину реки проплыли ничего, а как стали приближаться к их берегу, тут такое светопреставление началось, будто в котёл с кипящей смолой попали. Немцы навешали осветительных ракет, поливали из миномёта и пулемётов. Много ребят ушло на дно.

Как добрались мы до берега, так сходу пошли в атаку. Много положили мы тут фашистов, за всех боевых друзей отомстили. Фашисты, гады, хотели сбросить нас в Днепр, пошли стеной, но не тут-то было, мы все их атаки отбили. Когда на подмогу весь полк пришёл, легче стало дышать.

Вы, должно, не поверите, если скажу, что голова моя покрылась сединой. Я сам сперва не поверил, как ребята сказали. Потом увидел себя в зеркале, даже посмеялся. Вот как бывает на войне.

Слыхал, что нашу штурмовую группу, в том числе меня и моих ребят представили к званию Героя Советского Союза. Так что домой вернусь с Золотой Звездой и орденом Ленина. Тебе, Варя, не стыдно будет пройти со мною по Большому Куяшу, и сынок Витя, как подрастёт, сможет гордиться своим тятькой...»

Николай Кашин погиб в бою 20 декабря 1943 года. Похоронен Герой Советского Союза командир взвода разведки старший сержант Н. И. Кашин в украинском селе Трактомиров, в братской могиле. Дай бог, чтобы украинским неофашистам не пришла в их одурманенные головы мысль о разрушении памятника над братской могилой нашего земляка, как это случилось с памятником другого уральца — Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

Но не только на фронте люди испытывали огромное напряжение. В тылу на стариков, женщин, на хрупкие плечи подростков легла тяжесть обеспечения фронта оружием, а в сельской местности — продовольствием. Работали в колхозе, не считаясь со временем, Анисья и Варвара, исключая непродолжительное время до рождения и после рождения сына Виктора. Обе были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Не отставал от сестёр и Иван, который подростком также стал трудиться в колхозе.

Прогремели победные салюты. Оставшиеся в живых воины возвращались в родное село. Прибыл в Большой Куяш и Иван Григорьевич. Старого большевика коммунисты

избрали секретарём партийной организации, а колхозники — членом правления. На этих должностях он находился длительное время.

Пришла пора пройти военную службу и сыну Ивану. Оказалось, что для него война не окончилась. Щербатов-младший проходил службу в Прибалтике, в Литовской ССР. Ему пришлось вести борьбу с фашистскими недобитками, так называемыми «лесными братьями». Впоследствии, он был приравнен к участникам Великой Отечественной войны.

Демобилизовавшись, Иван Иванович работал до самой пенсии в мастерских: сначала в колхозе, а затем в Куяшском совхозе. Женился он на прекрасной кыштымской девушке Зое Сабанаевой. Зоя Петровна была моей первой учительницей. Не знаю, как мои одноклассники, а я воспринимал её почти как родную маму. Это был не только учитель, но и Воспитатель с большой буквы. Мы жили от Щербатовых неподалёку, от нас до школы было два километра. В сильные морозы, когда на занятия приходили лишь я и девчонки, живущие близко к школе, Зоя Петровна журила меня: «Коля, ну ты-то зачем пришёл в такой мороз?» После занятий, укутав моё лицо в какой-нибудь платок, Зоя Петровна вела меня домой. Считаю, что мои одноклассницы Надя Аникина, Валя Атёсова, Люба Жирнова, Вера Гаврилова стали педагогами благодаря нашей первой учительнице. В семье Ивана Ивановича и Зои Петровны родилось четверо детей: один сын и три дочери. Все они выросли, повзрослели и стали достойными людьми.

Варвара Ивановна и сын Виктор в 1961 году уехали на постоянное место жительства в город Челябинск. Она устроилась на ЧМЗ и проработала там до пенсии. Виктор выучился на помощника машиниста, стал работать на Челябинском заводе автотранспортных прицепов и до пенсии не менял места работы. Он постоянно был передовиком производства, награждён медалью «Ветеран труда».

Анисья Ивановна всю свою жизнь прожила в Большом Куяше. Трудилась в сельском почтовом отделении связи: сначала почтальоном, потом телефонисткой. За добросовестное отношение к работе неоднократно поощрялась грамотами и ценными подарками, а также медалью «Ветеран труда».

Единственная дочь Анисьи Ивановны Лабутина Нина Петровна после окончания Челябинского педагогического училища в 1963 году сорок девять лет проработала в школе. До 1971 года работала в Кунашакском районе: в посёлке Дружный и в районном центре, а затем переехала на постоянное место жительства в Челябинск. Основное место работы в областном центре — школа № 140. Нина Петровна — отличник народного образования. Она неоднократно награждалась грамотами, в том числе и министерскими, а также медалью «Ветеран труда». Отличительными чертами её характера является доброта и отзывчивость. Она с готовностью откликается на любую просьбу обратившегося к ней человека и, по мере своей возможности всегда окажет помощь. Эти свойства Нина Петровна унаследовала от старших Щербатовых, которые были присущи всем им.

Вообще семья Щербатовых в селе пользовалась большим уважением. Недаром младшего Щербатова с молодых лет величали Иваном Ивановичем, а Анисью Ивановну до пожилых лет называли Анечкой.

С Иваном Григорьевичем меня связывает ещё одно событие. В 1965 году, вступая в комсомол, я получил рекомендацию от этого старого большевика. Я всегда гордился этим и горжусь до сих пор. Глава семьи Щербатовых умер в 1969 году. Давно уже нет и Анастасии Ионовны. Ушли из жизни их дети. Не скопили Щербатовы за всю их трудовую деятельность больших денег. Не нажили они ни шикарных квартир, автомашин и яхт, однако добрая память об этой семье жива у односельчан. И это их самое главное богатство, которое ценится в нашем народе больше всех материальных благ. Надеюсь, что внуки и правнуки также достойно сумеют пройти свой жизненный путь.

с. Еткуль

Я родился через пять лет после Великой Отечественной. Моя малая Родина — село Ново-Бурино на Южном Урале — бывшая деревня Сапогово, знаменитая в научном мире бронзовыми сарматскими фигурками, найденными местным крестьянином в 1900 году. В 1929, сослав «кулаков» в Сибирь, здесь создали зерновой Буринский совхоз. В 1934 при открытии Южно-Уральской железной дороги, рядом с совхозом возник разъезд № 2 — в 10 км от Центральной усадьбы и в 4 км от Второго отделения. Образовалось Буринское сельское поселение. Название пришло от татарской деревушки Бурино, которая лежит в нескольких километрах южнее разъезда, на берегу Буринского озера.

В пятидесятые годы была ещё свежа горячая скорбная память о недавней мировой мясорубке, но людей переполняли светлые надежды. Хочу поделиться впечатлениями того времени.

Одно из самых ранних воспоминаний: газета «Советская Россия», на развороте — фотография вождя всех народов Иосифа Виссарионовича Сталина в гробу.

А вот меня, мальчонку Шурика, несёт на плечах по главной улице Центральной усадьбы дядя Гена, взрослый двоюродный брат. Движемся мимо юрт, временного жилья военных лет, в которых, наверное, жили переселённые поволжские немцы. На фасаде совхозной дирекции бросаются в глаза кумачи с лозунгами во славу партии. Вот меня везут в кабине фронтонной трёхтонки «ЗИС-5». Шофёр дядя Ваня — шурина Константина Байборина, брата моей мамы Нюры. Дядя Константин тоже шофёр, воевал и пережил три года немецкого плена.

Как сейчас вижу чёрную тарелку репродуктора, звучащий памятник минувшей войны, в избе старушки-родственницы Меланьи Рыжковой. Она сестра моего деда Михаила из нашего родового села Клепалово, что в 25 км от Буринского совхоза.

Детство прошло под гудки локомотивов и перестук вагонных колёс. Отец, Петро Клепалов, фронтвик, служил стрелочником и носил полувоенную чёрную форму: гимнастёрку, ремень, сапоги, шинель и фуражку с кокардой. Из снаряжения запомнились красный железнодорожный фонарь и петарды, какие путейцы клали на рельсы в опасных случаях, чтобы предотвратить крушение поезда. Помню рабочее место стрелочника на первом или втором посту: будка с висячим телефоном и чёрной печью-голландкой. Перед входом веселила глаз аккуратная клумба с календулой и садовой ромашкой.

А у моего одноклассника и вечного конкурента Лёвки Ярославцева, который жил в соседнем казённом доме, папа был начальником станции! Дядя Костя Ярославцев, невысокий, сухощавый, «пермяк солёны уши», как называла его жена, имел огромную семью. Тётя Нюра, «маршал-баба», настоящая мать-героиня, подарила мужу десять белоголовых крепышей. Когда старший Виктор уже отслужил на Тихоокеанском флоте, младший Валерка был ещё младенцем. Я завидовал Лёвке. Ещё бы: ведь у него были братья! А у меня всего лишь две младших сестрёнки. Лёвке доставались станционные отработанные батареи для телефонов, и он умело собирал на чердаке сарая электрические цепи. Имея страсть к технике, разбирал попадавшие в руки игрушечные машинки и ломал их. Первым из местных парнишек уже в пятом классе стал гонять на мотоцикле.

Лёвке, а за компанию и мне, дозволялось заходить на станцию. Чтобы выйти к ней, надо было пересечь с великой осмотрительностью двухпутную линию, по которой пронеслись, иногда останавливаясь, товарные и пассажирские составы, влекомые пыхтящими паровозами с огромными красными колёсами.

Дальше, за станцией и прилегающими так называемыми «садами» (снегозащитными посадками), лежало дикое поле с лазоревыми цветочками и неумолчным стрёкотом кузнечиков в солнечный день. Пройдя через него по тропке пару километров на восход солнца, можно было добраться до илистого рыбного озера Маян, сплошь заросшего камышом. Севернее озера — татарская деревня Серкино. В этих местах немало археологических памятников, о которых в те годы и не слыхивали.

За линией, справа от станции, жил ровесник Витька Таушканов. Если я ездил на летние каникулы к бабушке с бабушкой в деревню Клепалову, то он в деревню Таушканову. Семейство Таушкановых не уступало по числу едоков Ярославцевым. Их мама тётя Катя была худущая, белёсая от забот. Дядя Серёжа горбатился на всех возможных работах, чтобы прокормить ораву. В войну он был танкистом, горел в танке. Витька очень гордился своим батькой-фронтвиком.

Недалеко от них, на той же стороне линии, жил Николай Хрущёв (Н. Хрущёв!) с женой Натальей, известной на всю округу гадалкой. Как-то рано утром, когда жители выгоняли скотину под щёлканье пастушеского кнута, над трубой колдуньи увидели диво — уходящий в небо огненный столб!

В нашей коммуналке обитала бойкая бабушка, знавшая все местные новости, по прозвищу «прокурор», Анна Митрофановна Тагильцева. Она могла часами рассказывать на общей кухне про старый Кыштым, где родилась и имела родственников. В Гражданскую её муж Павел Иванович был начальником станции Аргаяш, и Анна Митрофановна близко наблюдала эшелоны «голубых чехов». С бабушкой жила внучка Вива, дежурная по станции. Тётя Вива дружила с моей любимой учительницей Луизой Николаевной, командированной в начальную школу разъезда из Златоуста.

В нашем социалистическом поселении жили, кроме русских, татары, немцы и даже один еврей-кладовщик. Сынишка последнего Витька Ляхер, с веснушками и смешным чубчиком, стал впоследствии начальником станции, сменив дядю Костю и женившись на его насмешливой дочке Любе. Вперемежку с путейцами, стрелочниками и дежурными по станции жили совхозные мужики. Ведь за околицей находилась часть хозяйства совхоза — два овощехранилища и склады (один из которых сгорел от паровозной искры). В поселковом магазине можно было купить крупы, махорку, хлеб из Челябинска. Этот «казённый» хлеб жителям не нравился, уступая по вкусу пышным буханкам из совхозной пекарни.

А торговала тут разговорчивая тётя Надя Матвеева, муж её, дородный молчун дядя Саша, двоюродный брат отца, работал грузчиком в совхозе. Гордостью железнодорожного начальства была четырёхклассная школа, выстроенная среди рабочих казарм, исполнявшая и роль клуба: приземистое кирпичное строение.

В те трудные годы невозможно было прожить без личного подворья: держали картофельные огороды, по корове на семью, всякую живность и покосы. Лошадей, в отличие от колхозников, наши не заводили, ездили на мотоциклах. Летом ставили сети на окрестных озёрах и, к радости детворы, совершали походы в лесостепь за груздями и клубникой.

Отмечали советские праздники и Пасху, устраивали свадьбы. Гуляли широко, с бражкой, разудалой пляской и задушевными застольными песнями. В тёплом кругу гостей и соседей крепко чувство родственной близости между людьми, знакомое с войны. Гармонист Шурка Максимов, первый парень на разъезде, научил меня играть «Барыню» и «Дунайские волны». У детей, конечно, любимым праздником был Новый год. Помню: сноровистый мужичок привозит на дровнях ёлочку, точнее — пахнущую морозной хвоей молодую сосну. Помню Деда Мороза со Снегурочкой, которых изображают у ёлки в школе тётя Надя Крюгер с дочкой Тамарой. Помню запашистые яблоки в кульках с подарками.

На шестидесятом километре от станции Синарская при выемке грунта для насыпи образовались длинные пруды. Ямы заполнились вешней водой, дикие утки перенесли на лапках икру золотых карасей и голянов, а берега заросли ивняком. Детвору и подростков с разъезда тянуло на это «шестидесятое» словно магнитом: тут тебе и рыбалка, и купанье!

Жизнь посёлка преобразило появление электричества (прежде вечеряли при керосиновой лампе). Мужики вкапывали столбы. На них, с железными кошками на ногах, торжественно влезали электрики, под восторженными взорами мальчишек. Клади в домах проводку. И вот наконец у нас зажглась «лампочка Ильича», свисая с потолка на длинном проводе!

Тогдашний быт был полон вещей, напоминавших о минувшей войне. Сосед дядя Федя ездил на трофейном немецком велосипеде. Мой отец держал документы в кожаной полевой сумке, которую снял, очевидно, с убитого фрица. Всю войну он носил за голенищем немецкую ложку из нержавеющей стали, которая и позже служила долгие годы, пока не сломалась. Помню зелёную обложку немецкой книги с изображением горящего замка, с чёрными готическими буквами. Сохранился деревянный чемодан, с которым он, судя по всему, вернулся в 1946 году из Германии, в чемодане лежали рыбацкие снасти. И плащ-палатка, крепчайшая, непромокаемая — до сих пор в отличной сохранности, хотя служила нам, сколько себя помню.

Мы, мальчиши, с упоением играли в войнушку, притом никто не хотел быть в роли фашиста. Неистребима была тяга ко всякого рода оружию. Первая памятная игрушка — подаренный дядей Геней пистолетик с пистонами — вызвала бурный восторг. Главной забавой для нас стали самодельные стрелялки. Не говорю уж про рогатки, мы творили более опасные игрушки: самострелы и поджиги, порой получая ранения и ожоги. Взрослые отбирали самоделки, ломали, но ничего не могли с нами поделать! Помню, как мы оглушительно салютовали пугачами вслед проходящим воинским эшелонам, везущим на платформах танки и орудия. Всё военное у тогдашних мальцов связывалось с героизмом, мужеством. И служба в армии была если не мечтой, то уж точно делом чести — сто пудов! — для всех парней того времени.

В поисках трубок для самопалов пацаны залезали на грузовые вагоны с металлоломом (его перевозили с запада страны на уральские заводы). Однажды нашли охладитель автомата ППШ, в другой раз — ржавую немецкую каску. В неё мужики сливали отработку из картеров своих железных коней.

Мир моего детства был ограничен разъездом с окрестностями. Как в приглянувшейся повести Аркадия Гайдара «Дальние страны». А мечталось хоть одним глазком глянуть на эти самые дальние страны! Хоть раз в жизни съездить в Москву, «разогнать тоску», искупаться в Чёрном море, увидеть настоящего негра. Выручали книжки, которые давала учительница (дома книг не держали), газеты, которые выписывали взрослые («Гудок», «Пионерская правда») и радиоприёмники (они были у всех). Кое-кто, как тётя Вива, имел патефон. Без него нельзя было обойтись на гулянках, если не было гармониста. Ставили пластинки со старинными вальсами («Амурские волны», «На сопках Манчжурии») — и можно было танцевать! Первый телевизор появился в начале шестидесятых — громоздкий ящик с маленьким экранчиком и большой стеклянной линзой перед ним, заполненной водой. Помню, как сбегались посмотреть на диковину.

Настоящим окном в большой мир было кино. Когда приезжал киномеханик с неизменным движком, на разъезде был праздник! Стар и млад, прихватив табуретки и скамейки, стекались к школе. Случалось, белый экран из простыни растягивали в сумерках под открытым небом. Особо запомнились фильмы «Чапаев», «По ту сторону», «Судьба человека», «Солдат Иван Бровкин», «Иван Бровкин на целине». Это было про нас и для нас! Кино веселило, трогало, воспитывало и объединяло.

Из заоблачного далёка, из недоступной Москвы и из-за «бугра», наших ушей достигали будоражащие вести, порой ломавшие налаженную жизнь. Генсек Никита Сергеевич Хрущёв много говорил о кукурузе, о чём ходили анекдоты. К нашему разъезду с запада, со стороны Второго отделения подступали кукурузные и гороховые поля. Кукуруза годилась осеню только на силос, а вот горохом местные поживились! Что было, то было. А когда стали урезать приусадебные участки и отбирать лишний, как казалось партийным реформаторам, домашний скот, народ заволновался. Имел место вопиющий случай. С разъезда угнали в Серкино телят, отнятых у безутешных хозяек, загнали в холодную стайку (а дело было в предзимье). И бедные животные без кормёжки околели!

Помню, как я, любопытный шестилетка, слушал по радио длинную речь Хрущёва, в которой тот громил культ личности Сталина.

Вспоминается, как эпизод из цветного сновидения, яркий плакат в железнодорожной казарме: «Русские и китайцы — дружба навек!». Русский держит руку на плече китайского мальчика, а китаец — руку на плече русского мальчика. Это, наверное, 1957 год! А вскоре Китай отвернулся от нас. Помню, как сижу у радиолы «Рекорд», ловлю иностранные голоса и всё время попадаю на китайское радио, вещающее на СССР: диктор на ломаном русском клеймит советский ревизионизм, обзывая нашу страну «бумажным тигром».

«Культурная революция» и явление хунвэйбинов длились долго. Помню, как позже (в 1965 году) мы, восьмиклассники, хором декламировали: «Такие товарищи, как китайские товарищи, нам больше не товарищи!»

Однако все знали тогда, что главный враг отнюдь не китайцы, а окаянные америкосы, потрясающие атомной бомбой! Все, включая малых детей, прекрасно понимали, зачем сразу после войны возникла таинственная и богатая «сороковка» (теперь город Озёрск). Там с 1947 года работала на хлебозаводе технологом тётя Маруся, младшая сестра отца. Она переманила в привлекательный для деревенских город половину родни. В конце концов и я там оказался, довелось поработать и на самом химкомбинате «Маяк», и на том же хлебозаводе.

Вспоминаю время южноуральской катастрофы, которую обозначают как «Кыштым-57». Правда, Кыштым, бывшая вотчина Демидовых, центр исторического Кыштымского горного округа, чудом избежал беды. Не потому ли, что имел охранительный крест в виде четырёх православных храмов? Но это уже другая, сакральная, история.

Мы, пацаны, о тех роковых событиях не знали ровным счётом ничего! Взрослые догадывались, но благоразумно помалкивали. А ведь над нашими головами проплыло радиоактивное облако! Рассеиваясь, оно ушло в сторону Багаряка, мимо моей милой деревеньки Клепаловой. Тогда многие селения были снесены. На слуху теперь Юго-Конево, Терешата, Муслюмово, Метлино, Бердяниш, Кожакуль. Помнится: на берегах речки Караболка, где мы купались и ловили рыбу, поставили зловещие предупреждающие знаки с изображением черепа и костей.

С рождением оборонного города Челябинск-40 Буринский, Багарякский и Кулуевский совхозы стали подсобными хозяйствами химкомбината. Каждую осень всех местных, включая школьников, мобилизовывали на уборку картошки, корнеплодов и капусты. Рядом

с нами, учениками Ново-Буринской средней школы, трудились шефы-«шоколадники» (про городских сплетничали, что за вредность работы на главном производстве им выдают молоко и шоколад).

Врезались в детскую память окрыляющие события рубежа пятидесятых — шестидесятых годов. Это, конечно, прорыв в космос: позывные первого спутника, Белка и Стрелка, улыбка Гагарина. И частушка:

Юра, Юра, ты могуч!
Ты летаешь выше туч.
Ты прославил до небес
Мать твою КПСС!

А ещё мы дали по зубам обнаглевшей Америке, сбив над Уралом самолёт-шпион Пауэрса. Ведь у нас появились ракетные войска! У моего бати, кавалериста с 1939 года, оба младших брата, Анатолий и Юрий, стали воинами-ракетчиками. А мастеровитый дядя Толя после армии монтировал боеголовки для ракет на заводе 235.

Музыкой того времени, и радостного, и тревожного, остался для меня «Бухенвальдский набат»: «Люди мира, будьте зорче втрое: берегите мир!» И до сих пор волнуют, как память о детстве, строчки другой песни: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!»

г. Кыштым

Римма Огородникова

Вот так и жили

Ее выдали замуж перед самой войной, когда стало известно, кому идти на войну: в числе четырёх кандидатов была и фамилия моей матери. Да, четверо из деревни моего детства было взято на фронт. Это были люди 1924 года рождения. Но мою мать спас брак. Хотя как посмотреть. Был ли этот брак спасительным? Двое остались на полях сражений, а двое вернулись. Одна из них — беременная.

Семья мужа мамы жила по соседству с нами. Нищая семья пастуха, где было четверо взрослых детей. Старший был уже четыре раза женат. Жёны через год — полтора уходили от него. Моя мать как раз попала в этот промежуток, между его женитьбами. Отец спас её от фронта, толкнув в этот омут. Сам же жених был непризывной. Он был страстный охотник и рыбак. Добывая пропитание для семьи, он прострелил себе ногу во время охоты. Никто не знает, как это случилось, но с тех пор он волочил ногу. Она у него не сгибалась. Он был плечист, высок, с черными прямыми волосами, с большим прямым носом, по деревенским меркам парень хоть куда.

В семье матери было восемь детей, четыре брата и четыре сестры. Старший Степан уже был на фронте, и она оставалась в семье за старшую, и всё было на ней. Кроме домашней работы была работа ещё и на молокозаводе. Там ей приходилось помогать таскать пятидесятилитровые бидоны с молоком. Для семнадцатилетней девчонки это была непосильная ноша, а потому, добравшись до дома, она валилась с ног. Но прежде чем лечь, надо наносить из речки воды. А это за восемьсот метров от дома, и сходить надо туда три-четыре раза. Затем подоить корову, вымыть полы, постирать одежду младших. И только потом — спать. Казалось, что только уснула, а уже нужно вставать. Убрать русые косы, что оборачивала дважды вокруг головы. Улыбнуться себе в зеркало серыми глазами. Поправить тонкими, длинными пальцами юбку и бежать на работу.

А бабушка с четырех часов стоит у печи. Варит незамысловатый обед. На всю ораву. Она жалела Варвару, но как помочь, когда и сама работала без продыху. И часто, будя её, рассказывала про свою свекровь.

— Так что, милая, ты у родной матери столько спишь, неизвестно, как тебя будет будить свекровь. Моя свекровь никого из своих снох не звала по имени, ты — и всё. Почерпнёт ковш холодной воды в сених и идёт будить снох. Плеснёт в лицо водой и говорит: «Вот сразу и умылись». Не успею я ещё и юбки на себе завязать, а она уже мне работы на целый день даёт. И так каждый день, со всеми. И у всех своя работа. Кто в огороде, кто в коровнике, кому воду носить. Так что учись терпению. А свекровь уважай и почитай. Она мать твоего мужа. В писании сказано: «Да прилепится жена к своему мужу». Кажется, что уже нет больше сил терпеть, но терпи. Свекрови было сорок семь лет, и у неё был ещё свой

маленький. Они спали со своим свёкром на печи и малец с ними. Ему уже было года два-три. Ребенок захочет ночью, завозится между ними, а свекровь, чтобы не вставать и не идти в сени, прямо с печи наклонится и поддержит его. Моча и кашки в разные стороны, по приступку. Лохматая, с распущенными, всклооченными волосами, держит мальчика в руках, ну чистая ведьма. И мы должны были уважать её и почитать. Мне всё время казалось, что она делает это из-за своей стервозности. Ну да Бог ей судья. Царства небесного. А то проверяла, как снохи мыли полы. Пройдет босиком по полу, и если не дай Бог попадёт камушек под ногу, то на пол опрокинется ушат с водой, и моешь пол заново».

Бабушка такими рассказами, видимо, хотела приободрить мою маму. И вот с такими напутствиями та бежала на работу. Где уж тут было думать о парнях или веселье.

В 1943 году мать и отца послали Вернеуральск на курсы. Красная Армия пошла в наступления, и нужны уже были кадры для мирной жизни. Отец получил диплом ветеринара, а мать — учительницы. Я родилась в 1944 году. В таком красивом уголке нашей России, что мне очень хочется рассказать о нем.

Деревня! Деревня детства моего! У каждого из нас она была своя: большая, маленькая, красивая или не очень в лесу или в степи. Но в нашей памяти она будет лучшей. Деревня, где ты родился, где встал на ноги, где сделал первый шаг; где жили дед и бабанька, где жили отец и мать, и где у многих уже остались только могилы. Но жива наша память.

Моя самая яркая картина из детства — это Висячий камень. Среди ровной, низкой местности виднелись лишь небольшие пригорки, возвышенности да ковыльная степь. Среди этой равнины извилистой лентой бежит тихая речушка Курасан, на высоких берегах которой строят свои гнезда ласточки, и растут красивые заросли тала. Ласточки живут и в домах, под крышей, на чердаках. И на высоких обрывах возле реки.

Вот такой обрыв высотой двенадцать — пятнадцать метров и создала природа на берегу реки. В народе его прозвали: Висячий камень. Но камень тот не сплошной стеной, в нем есть узкие, пологие тропинки, по которым мы забирались наверх собирать заячью капусту, чтобы полакомиться. И не только мы охотились за капустой, но и вездесущие козы. Это тоже был их излюбленный корм. А ранней весной здесь всегда раньше сходил снег и пробивалась первая травка, а затем подснежники, одуванчики, стародубки. В другом выступе опять-таки природа позаботилась о нас, создав между скал естественный проход, который местные жители летом использовали как проход, а зимой как каток. Все лето по нему ходили козы и овцы, добывая себе корм: на скалах вырастала сочная и вкусная трава. Это было их излюбленное место, и днем, и ночью там ползали черные и белые их шубки.

Ну а зимой весь Висячий камень был облеплен детворой: где только была возможность скатиться вниз, там и катались, разорвав все шубенки и пальтишки. А когда на деревню опускались сумерки, то на смену детворе, управившись со скотом, шли девки и парни. Мне мать рассказывала:

— Закатывали большущие сани (несколько саней!), связывали их вместе, и вот с этой высоты пускали сани вниз. Прыгали в них кто как успевал. Если оторвут рукав у полшубка, пуговку у фуфайки, то это придавало только больший азарт. Хохохо был слышен на всю деревню. Сколько счастья и веселья было на лицах, прихваченных морозцем. Внизу скалы и снег, а вверху крупные ясные звезды и красавица луна.

А каким здесь был ледоход весной 1953 года! Вода поднялась до половины Висячего камня. Льдины были величиной с деревенский дом. Посмотреть на этот ледоход ходила вся деревня несколько дней.

Около поймы речки Курасан высаживали колхозные огороды. А воду и льдины там задерживали вековые тополя ратушенского сада. Так его все называли, но никто точно не знал, кем был посажен этот сад и когда. Спасибо тем людям, кто посадил их в Сухтелях, их было около пятидесяти штук. Льдины там долго таяли, и вода стояла. Земля под огороды была затоплена. Тополя тоже погибли.

Во время ледохода взрослые боялись за мельницу, которая была ниже по течению реки. А мельница была большая, туда со всей округи, за двести верст, съезжались молоть зерно. С белыми крыльями она, как аист на взлете, была видна издали.

С марта веселье переходило с Висячего камня на противоположную сторону, на пологий берег, где успевал стаять снег, но еще не появилась трава, пока не было посевных работ. И опять вся деревня собиралась: кто играть, а кто смотреть игру в лапту, городки до самой темноты. Мужики и парни так увлеченно и весело отдавали себя игре, что часто заслуживали аплодисменты от своих болельщиков. Мой отец тоже ходил. Но это веселье было коротким. Кто собирался на посевную, а кто — вычищать скотные дворы и сараи от навоза. В деревне начинали делать «кизяки».

Помните такое? Кто жил в степи, тот знает, что это такое. Для подготовки таких кизяков готовили даже специальные формы наподобие решеток. Называли: станок для кизяков.

Такой станок был сбит из дощечек, две ячейки и ручка. Его смачивали и ставили на доску, которую тоже смачивали водой. И клали руками в него навоз. Трамбовали голыми ногами. Затем станок несли на сухое место, вытряхивали из него сырой кизяк. На земле оставались лежать кирпичики из навоза. Они просыхали, затем их переворачивали и, когда они высохли окончательно, их складывали в тумбы. Зимой же ими топили печи. Пока топишь — тепло, перестал топить — холодно. От него, правда, много дыма и пахнет двором, но другого топлива не было. Бабанька нам говорила: «Девчонки, я светлю вам глаза».

Церковь! Это сердце любой деревни. И здесь оно было, это сердце. В центре деревни, в удобном, видимом со всех сторон месте. Синяя птица стремилась ввысь. Голубая с синим на фоне большой поляны. А уж от церкви отходили улицы. Не помню, как было внутри, но мать и бабушка говорили: «Очень красиво». В 1953 году туда ещё бабушка ходила молиться, меня и мою мать крестили в этой церкви. Были каменными некоторые дворы и усадьбы. Из дерева строили только дома и ворота, а рядом — огороды, за ними тумбы кизяка, перед домом палисадники с мальвами. Тихая, чистая, благодатная деревня.

В колхозе был табун лошадей и отары овец. Это я запомнила хорошо, так как летом часто ездила с отцом на заимку, где жили чабаны и пастухи. Пока отец занимался работой, мы с сестрой бегали по ковыльной степи, собирали ягоды. А к обеду нас уже ждал национальный обед. Мы только еще подъезжали к юрте, а Обижка или ещё чья-то жена кричала: «Ой, ой, давай готовь скорей бешбармак: Иван девок привез!» А девкам лет восемь — десять было. Но здесь одинаково гостеприимно встречали взрослых и детей.

Неподалёку от деревни была казачья станица дворов на триста. В Гражданскую войну станица несколько раз переходила из рук в руки. То белые, то синие, то зеленые придут, но станица остается станицей. Потому что все эти белые и красные были родными, из этих мест и берегли свои дома. Дед же (его все звали Тятя) Сергей Иванович Кожевников, был казак. Двадцать пять лет служил царю и Отечеству, был в Первопрестольной. А когда случилась революция, был брошен жребий («в царской армии был такой эпизод»): кому куда идти. И часть армии ушла в Китай, Манчжурию. Жребий моему деду выпал остаться в России, а кому в Китай — ушли в Китай.

И бывают же такие совпадения! Одно время я жила на Камчатке. У одной из учительниц муж был механик катера, русский китаец. В смысле его родители эмигрировали в 1917 году в Китай. Там наших было тысячи. Кто-то вернулся после 1945, а кто и до сих пор возвращается. Тогда в Порт-Артуре, говорят, было около двадцати русских церквей, а сейчас осталось только две. Мне не пришлось лично общаться с этими людьми, узнала я это от Марии Сергеевны, жены русского китаецца. Не зря говорят, что земля круглая. И прошлое встречается с настоящим. Там, на сопредельных территориях, много таких браков. Живут с обеих сторон, где проходит граница.

Сколько его помню, своего деда Сергея Ивановича, он все время, круглый год ловил рыбу. На столе у них всегда были пироги, расстегаи, уха. А ещё он плел корзины, кошевки, морды из ивового прута. Подшивал валенки, лучше его никто не подшивал. Он курил козью ножку с самосадом, который сам и сажал: «махорку». И ругал местную и высокую власть, что ничего у них не выйдет. Что Россией может управлять только царь. Россию никогда и никто не поставит на колени. В шкафчике у него всегда стояла перцовка, ею он лечился. Одна или две рюмки в день, но не больше, зато в эту магазинную перцовку он ещё опускал красный стручковый перец. Выпьет рюмочку, крикнет и полезет на горячую печь. Вот и всё леченье. Да ещё банькой лечился.

Выйдя из бани, они с бабушкой вдвоем выпивали большой самовар чая. Потом выгоняя всю болезнь. На плечах лежали холщовые полотенца, чтобы впитывать пот, который лился с них в три ручья. И снова ставили самовар и пили повторно. Дед был очень строг, его боялись даже его женатые сыновья и дочери, не говоря уже о нас, внуках. Но для малышей считалось за честь посидеть у деда на коленях, потрогать его бороду, усы, и ордена, и кресты, которые он надевал по праздникам: на Пасху, Рождество и Крещение.

Дед долго переживал трагедию своей семьи. Их было шестеро, и у каждого свои взгляды. Один из них был в Красной Армии. Однажды он пообещал вечером заехать к матери. А дома был другой брат, что служил у белых. Мать с отцом вышли встретить красноармейца. Все встречи происходили тайком. Без свидетелей, ночью. И вот по улице едет кавалерист. Сын, что служил у белых, разговаривал с матерью у ворот, сидя верхом на лошади. Сын-красноармеец в темноте не узнал брата и на глазах родителей застрелил его. Вся семья до сих пор не может понять, как это случилось. Возможно, что все эти потрясения сделали деда таким строгим. Однажды он избил своего сорокадвухлетнего сына. За какую-то провинность. Тихо-мирно отвел его в каменку и отхлестал вожжами.

«С нелюбимым жить, что щи без соли хлебать», — так говорила бабушка. И часто вспоминала свою молодость и приводила в пример судьбу дочери. От войны её спасла, а от

мужа нет. Не так посмотрела на гостя, что часто были в их доме, не так подала обед. Отец сразу распускал руки, и за всё сыпались оплеухи. Когда я родилась, был солнечный, яркий день весны, журчали ручейки, радовались птички. Отец на радостях пировал все дни, пока мы были в больнице. И даже не приехал забирать жену с дочкой. Мать и меня забирал дед на телеге. Вот так и начиналась моя жизнь.

Однажды, когда родители жили в другой деревне, Красьненски, и мне ещё не было года, они поехали в гости к родителям. Отец вытряхнул мать из кошевки вместе со мной. И наставил на нас ружье. Что и почему тогда это случилось, не знаю. Мать от страха забыла. Помнит, что только слёзы текли по лицу, и всё. Затем отец снова впихнул нас в кошевку и рванул, хлестая лошадь нагайкой. Таких случаев было столько, что мать просто не хотела о них вспоминать. А я вот что помню, когда мне было пять лет. Отец надел на меня старые большие галоши и выгнал из дома. За какую провинность так можно наказать ребенка? Мать осталась у родителей, он приезжал, просил прощения, мать возвращалась. Жить-то всё равно негде было.

Через два года родилась сестра. Матери добавилось хлопот с детьми и хозяйством, которое приросло коровой и лошадьё. Да и не было тогда разводов. Во всех неурядицах в семье были виноваты жёны. Отец — он хозяин, он кормилец. Гулял, пил, а дети плохо или хорошо ли, но подрастали и нужно было определяться со школой. В 1952 году привёз меня отец к бабушке и дедушке в село Сухтели. Там я могла бы учиться в школе. Привёз отец меня зимой в снях, укутанную в тулупчик. И когда лошадь остановилась у ворот, то полозья саней были выше ворот. Вот столько было снега в том году. А в отдалении, как сторожа, стояли могучие тополя.

В моем сознании запечатлелся дом. Такие раньше называли пятистенками. В доме — печь, которая занимала чуть не четверть всей избы. Всю печь покрывала каменная плита, где спали дед и бабка. Мы же все спали на полатах. В переднем углу большой стол, а над ним иконы. А вокруг всех стен лавки, шкафчики и полки. Самое интересное то, что это всё было раскрашено под хохлому масляными красками. Кухонные шкафчики и полки для посуды. И большой предпечник, куда ставили чугушки, сковородки и заслонкой закрывали саму печь. Двор, выложенный камнем. Камешек к камешку. Удивительно то, что все эти камни во дворе мыли тряпкой, как пол. А пол в доме скоблили ножом. Он был просто жёлтый.

А перед домом палисадник, в котором росли черемуха, рябина, мальвы. И у каждого двора у ворот или где кому удобно для птиц скворечники. Скворцов ждали, их приглашали, вот вам домик, живите и помогайте моему огороду. А мы будем слушать в благодарность ваши трели. Спасибо вам, скворушки. Во дворе сарай для скота, баня, погребок и каменка. Погребок — это для недолгого хранения продуктов, а вот каменка... Это каменное сооружение в земле. Ну, где был большой подвал. Он тоже был выложен камнем и заполнен глыбами льда. Продукты там хранили в дубовых бочках: капуста, грибы, огурцы, помидоры зеленые, брусника мочёная и прочее. Был огород двадцать соток. За огородом картофельное поле. Вот за этим картофельным полем и стояли тополя, как стражи стеной прикрывая от ветров.

А вся эта усадьба была загорожена каменной стеной высотой в полтора метра, а шириной полметра. Потому как мы бегали, играя в догонялки. В доме этой семьи соблюдались все посты. И еда всегда соответствовала времени года. Но зато что это была за еда: сусло, кулага, кисели, квас на разных травах. Пиво, а не квас! Такой он был ядреный и крепкий.

Мою бабушку Татьяну Ивановну Кожевникову знала вся деревня. К ней ходили лечить любые болячки: от сглазу, от свинки, от зубной боли, от испуга, заговорить грыжу. Её чулан был полон всяких трав, и в нём хранились только травки, которые она хорошо знала и умела пользоваться ими. Летом, идя в лес за грибами или ягодами, она брала нас, чтобы мы могли ей нести траву, что она успевала собрать. Траву она рвала рано, с молитвой, в определенное время и, срывая, спрашивала разрешение у неё, можно ли сорвать её во благо людям. В сенях у нее стояла большая бочка с водой и ковш, где брали воду для варки и питья. Зимой бочку пополняли снегом, и получалась талая вода. Бабушка всех любила, всем желала добра, со всеми здоровалась и кланялась. На каждую службу шла в церковь, брала нас с собой. А если оставляла нас дома, то заставляла переписывать молитвы или давала лупу и божественные открытки, которые мы рассматривали. Когда она шла и ей попал камень на дороге, палка или проволока, она всё убирала. А уже только потом продолжала путь. Мы спрашивали: зачем?

— А вот человек пойдёт, запнётся и будет ругаться, а это нехорошо. Нельзя. Бог накажет. Мы же ходим по земле-матушке. Она наша кормилица. На неё даже плюнуть нельзя. Грех большой. Как мы с ней любовью, так и она к нам. Урожай даст за наш труд и любовь, голубушка! А что не так сделал, сразу прощения проси, у неё, кормилицы, и у Бога. Все во грехе живете, — сокрушалась о нас бабанька. — Как вы жить-то будете, родимые. Придёт

время ещё на вашем веку, что пить-то вам нечего будет. Деньги будут, а не купишь, золото будет, а воды не купишь. Все изведёте, природу погубите.

И даже собираясь в последний путь, она старалась облегчить людям заботы. У неё был припасён сундучок, где всё лежало «на смерть», как она говорила. Для деда и неё. Показывала нам, как и во что её одеть. Что кому после неё взять. Они с дедом никогда не были полными.

— Нельзя, Бог не разрешает быть толстым. Я умру, и люди, неся меня на кладбище, будут всю дорогу меня проклинать, что тяжело, а это нехорошо и грешно.

Россия была всегда ухабистая, по молодости бесшабашная, весёлая, хмельная, святая и гордая. Рассказывали про одну семью. Была зима, никто из родни уже не помнит, что за праздник был, но гуляла эта семья всегда всей роднёй. Набрались.. Ребёнок был маленький и, как обычно детей, его завернули в одеяльце. Пошли домой. Холодно, снежно. Идти было далековато, они, видимо, устали. Уснувших детей носят, как обычно, прижав к груди. Видимо, устав, мать просто взяла его под мышку. Или были так пьяны, или просто устали, но спавший ребёнок выпал из одеяльца, а мать и не почувствовала. Пришли домой, и только тут, развернув одеяльце, обнаружили, что ребёнка нет. А пока они пришли в чувство от страха и хмеля, пока возвращались к тому месту — ребёнок замёрз. А ей бог больше не дал детей. Так всю жизнь и жили одни, только племянники, коих они любили.

Думаю, что дед не сразу решился на такой чудовищный поступок: срубить деревья. Тем более что тополя садил вроде бы его дед. Но год за годом тополь уходил в печь. Нужда заставила, продать и каменные стены, которыми были огорожены тополя. Сначала одна, затем другая, и так пока не были проданы все стены-изгороди. Картофельное поле заросло травой и бурьяном. Дед здорово переживал, но вида не показывал. С двадцатипятирублевой пенсией ремонт не сделаешь. Со стороны детей какая помощь, сами концы с концами сводят. А жизнь доживать как-то надо, не становясь в тягость детям. Пенсии были тоже не у всех. Бабушка была домохозяйка, и пенсии у неё не было. Правда, деду ещё помогал его отец, пока был жив, старый казак. А когда совсем состарился, так как был верующий, то служил сторожем при церкви. Он был грамотный и читал газеты, редко попадавшие сюда. Вокруг него сразу собирался народ узнать, как там в Первопрестольной. Не свёкор и не моя бабушка Татьяна Ивановна за информацию и лечение никогда не брали денег. Да их и не было. Бабушка говорила: брать за лечение грех, не в пользу пойдёт. И чтобы как-то выживать, был продан сарай, каменка и даже вывернуты большие каменные плиты, коими был вымощен двор. Так было не только у моего деда, а повсеместно.

Строился Магнитогорск, Верхнеуральск, совхоз Петропавловский. Остался один дом, открытый всем ветрам. А затем и сам дед, за ним через десять — двенадцать лет и бабушка покинули этот мир. Тот дом, который стоял сто лет, там выросло почти три поколения, тоже продали на слом. Он помешал новым градостроителям. Дети разъехались, унося с собой память о своих родителях. Дом, который их объединял, исчез, очаг, который их согревал, потух. Но память, память — она у тебя в сердце навсегда до конца твоей жизни, сумей передать её своим детям. Меняется время, меняется природа, меняем её мы, но корни, память всегда с тобой.

п. Роцино

Неонча Осмачко

Малая родина

*Кусок земли, прижатый к трём березам,
Далёкая дорога за леском,
Речонка со скрипучим перевозом...*

К. Симонов

Мне посчастливилось родиться на куске земли, прижатом к трем вербам в три обхвата. Текли по реке тонкие ветви, текло, текло время жизни. Ничто не возвращается. Только память прорастает светом, оставляя в корнях, в глубине боль и горечь утрат.

Наш дом в виде треугольника выходил одной стороной в переулок, другой стороной — на центральную широченную улицу — перекрёсток трех дорог, которые, как ручейки, сливались в общий поток у нашего дома. В воскресные дни из сёл шли и ехали крестьяне на базар в город.

Я любила сидеть на крылечке дома, восхищаясь нарядными одеждами проходящих. Мечтала, что когда вырасту, то у меня будут такие же. Тут было чему завидовать: юбки в сборку, по подолу отстроченные шелковыми лентами, в таких же лентах передник, кофты с вышитыми буфами — всё в масть и цвет. А головные платки — косынки — это океан различных окрасов и оттенков. Шли босиком, а на зелёной лужайке садились, обтирали ноги тряпицей и обувались в ботинки на каблуках: за десять километров и более в такой обувке не дойти. Для селян поход на базар — это в первую очередь праздник, а уж потом торговля. Немного отдохнув, взваливали на плечи короба и корзинки, где, переложённые крапивой, бережно хранились продукты своего подворья. Живых кур, привязанных лапками к концам веревок, перебрасывали через плечо и продолжали путь. Поросят и крупную птицу — гусей и индюков — везли на возах по шляху, вымощенному булыжником. Для таких гостей на базаре отводилась отдельная луговина. Если подвод было много, то говорили: «Завозно» — базар хороший.

Пеший люд располагался по отдельности, широкими полукружьями. И на рядне, простеленном прямо на траве, выкладывали свой товар: сметану в крынках, сало на капустных листьях, топленое масло в бутылках и горшках, большие плавающие колобки сливочного масла в мисках с водой. Не было только свежего мяса. И продавцы, и покупатели старались пораньше прийти на базар: продать товар (пока он имеет вид) подороже, а покупатель — сторговаться подешевле.

Моя бабушка ставила на крыльцо ведро с колодезной водой, а рядом на рогожке раскладывала кучками груши «бергамот» и ставила тарелку для денег. Отторговавшие селяне, проходя мимо, набирали ковшиком воду, пили, разбирали кучки груш и клали деньги в тарелку. Цены бабушка не назначала: платите, сколько можете. Не знаю, какая была выручка, но мелочи в тарелке было довольно-таки много. Вот такой у неё был прибыток. Отец на шляхе обычно встречал: «перехватывал» возы с дровами и так заготовливал топливо на всю зиму.

В будни всё успокаивалось. По шляху редко проезжали подводы. Среди них самым интересным для нас был старый еврей Шлемка, который собирал везде и всюду всякий хлам: шайбы, гвозди, старую посуду, дощечки и куски досок. Провожали его озорники мальчишки и орал: «Шлемка! Ты доски себе на гроб везёшь?» Шлемка отмахивался от них кнутом и ехал дальше. А озорные мальчишки подросли и сложили головы на войне, чтобы Шлемка дожил до восьмидесяти лет.

Отец был первоклассным котельщиком и работал в городе Конотоп. В субботу приезжал домой, вечером в воскресенье возвращался. Для нас его приезд был праздником: на столе появлялся белый пеклеванный хлеб, французская длинная булка с долевым хрустящим ребрышком, разноцветное монпансье в железных коробочках и сладкая халва. Но никогда мясного. Скотины у нас был полон двор, и осенью решали: сколько и кого надо оставить и сколько сделать зимних заготовок. Помню, что свиной окорок обертывали холстом, подвешивали в дымоход и топили печь особыми дровами. Копчёный окорок висел на крюке у двери, и кто хотел, тот и отрезал без счёта и экономии.

Отец трепетно относился к хлебу. Если резал хлеб на столе, то крошки смахивал в ладонь, а потом в рот. Мы никогда не знали недостатка в еде, даже в голодные 1932—1934 годы. Отцу на работе давали муку. Моя двоюродная сестра Зина жила через улицу. Семья с тремя детьми. Из еды только молоко, потому что был неурожай и всё посохло. Мама, выгоняя корову в стадо, потихоньку от бабушки насыпала в передник муки и, встретившись с Зиной за калиткой, пересыпала ей муку в миску. Сестра часто говорила: «Если бы не твоя мать, мы бы поумирали от голода». Кстати, у Зины был муж. Работал на водокачке посуточно и водил туда подружек. Зина в отместку периодически била там стекла.

В редкие приезды отца я любила слушать его рассказы о своей юности...

Мой дед арендовал сады, а яблоки вагонами отгружал в Москву и Киев. Сыновья, молодые парни, отвозили урожай на станцию на волах. Волы неспешно двигались с грузом, но и обратно, налегке, тоже не спешили. А парням надо было успеть на вечерки. Для того чтобы заставить волов двигаться быстрее, додумались натереть им перцем под хвостом. Быки рванули так, что парни вылетели птичками с возов на дорогу и бежали за волами на своих двоих. Какие уж тут вечерки — ноги еле держали.

А вечерки были знатные: играли на гармошке, пели, плясали до ночи. Веселились, как могли. Родительский дом отца стоял на краю города, неподалёку темнели глиница: глубокие ямы, из которых брали глину для обмазки стен. За ними — кладбище. Старший брат моего отца Фёдор работал в соседнем городе, Воскресенске, и прибыл на выходные в день, когда должна быть вечерка как раз у их дома. Уставший приехал, уснул... а тут гармошка, песни, пляски. Не отдохнуть. Фёдор оделся, сдёрнул с кровати белую простынь, прокрался задом к ближайшей к кладбищу глиняной яме. Подождет, пока приутихнут гармошки,

замотался в простынь и, утробно стелая, медленно поднялся из ямы... Вся вечерка с визгом ринулась к нему в хату, снеся по дороге и дверь и калитку. Вот и пришлось Фёдору вместо отдыха заниматься ремонтом, заодно выслушивать нагоняй от родителя. Зато вечерок рядом с домом больше не было.

Фронт, Первая мировая. На фотографии двое: молодцеватый унтер-офицер стоит, рядовой сидит и подпись: «Встреча с братом на фронте, 1914 г., Карпаты». И помнил отцу не Брусиловский прорыв, а безымянное ущелье с засевшими в нем австрийскими войсками. И невозможность выбить их из этой норы, и потери, и неожиданный приказ освободить дорогу, и лавину калмыцкой конницы, с пиками наперевес влетающую в ущелье... Проход через горы был открыт, но то, что увидел отец, он рассказал не мне, а моему сыну, своему внуку: нанизанные на обломки пик тела, на некоторых по два с отрубленными частями тела: голова и кисти рук. Пленных не брали. Отец и сам ходил в штыковую. В роте отца был солдат, настоящий великан, так в штыковой атаке он выламывал из телеги оглоблю и махал ею как боевым посохом. Тут уж свои куропатками разлетались: в горячке боя сортировки не было, кто попался, тому и прилетело. На все укоры — оправдывался: «Ротный, я большой, меня штыком не достанут». Штыком не достали, а пуля настигла.

Но всю горечь Первой мировой затмила Великая Отечественная война. У отца — третья по счёту, и третья, не взявшая его: отец вернулся с войны, средний брат Василий погиб в партизанах, старший Фёдор проработал мастером (непризывной по возрасту) на военном заводе и сгорел от рака через год после войны.

г. Миасс

Ирина Светлова

Потихоньку наладится

Каким образом переплетаются судьбы? Как пережить страдание от расставания и от предательства? Моя бабушка говорила, что надо терпеть и много работать, тогда потихоньку все наладится...

Самые счастливые моменты моего детства были связаны с приездом к бабушке Поле в Новомосковск, единственной родной бабушке по маминой линии. У папы родителей не стало в раннем возрасте, и он скитался по родственникам в деревне Песочное, которые волей-неволей, но вырастили его.

Понятно, что наши приезды воспринимались ими скорее как жизненная необходимость и без особой радости. Подобные визиты вежливости, как правило, не затягивались, и мы снова возвращались к бабе Поле, тем более что там нас всегда ждали свежее испеченные воздушные булочки и вкуснейшие борщи.

Бабушка жила в обычной двухкомнатной хрущёвке и всё свободное время вязала моднейшие мохеровые шапки, джемпера и кофты, которые перепали и нашей семье. Излишки продавала на рынке и взамен покупала для нас с мамой что-нибудь вкусенькое: черешню, клубнику, мороженое. С рынка мы возвращались через огромный, весь в соснах, детский парк с беседками, качелями, каруселями и тремя открытыми бассейнами разной глубины, где я и научилась плавать. А вечерами мы все вместе играли в лото во дворе, куда сходились после трудового дня «и стар, и млад», бабушка брала с собой мешочек с большими пуговицами, потому что бочонков с номерами не всем хватало. Играли порой до позднего вечера с веселыми шутками и неохотно расходились.

Я откровенно гордилась своей любимой бабушкой: молодежкой, голубоглазой, светящейся изнутри и такой невероятно доброй. На мои расспросы о дедушке и маме, и бабушка отвечали неохотно: пропал без вести во время войны. Как ни пыталась я выведать хоть что-нибудь о нём — постоянно наткнулась на ледяную стену молчания. И тогда я придумывала себе своего героического деда: и как он воевал, и как страдал от ранений, и как писал письма домой жене с тремя детьми. И даже придумала, как он погиб, защищая нашу родину от фашистов.

То, что случилось на самом деле, я узнала спустя много лет.

Бабушкины родители переехали по столыпинской реформе на проживание в Сибирь, в Омскую губернию, и со временем стали считаться зажиточными, чтобы не попасть под раскулачивание после революции, им пришлось пуститься в бега. Где только ни были: Ташкент, Пятигорск, Тула, Пенза... Маленькой Полине удалось проучиться лишь четыре класса, а потом она стала помогать маме в работе по найму, всё схватывала на лету: прясть пряжу, вязать, стирать, шить на машинке, выращивать табак — всему научилась ещё в детстве.

В городке Тамале Пензенской области Полина познакомилась с боевым офицером, красавцем Алексеем Митиным, они поженились, и снова продолжились бесконечные переезды — теперь уже по гарнизонам. У них родилось трое детей, и на момент, когда началась война, старшему сыну Виталию было семь лет, средней девочке Зинаиде (моей маме) — четыре года, а младшему Юре — всего полгода.

Из деревни Урванка, что под Новомосковском, где осели наконец родители Полины, Алексей отправил жену с детьми к своей матери в деревню Мосоловка Тамбовской области. Тула и Новомосковск (Сталиногорск) могли быть оккупированы фашистами, поэтому жён и детей офицеров эвакуировали первыми. Он сам посадил их на поезд, дал денег на первое время, а Полина захватила ещё и швейную машинку — главную кормилицу.

Так и осталось в памяти у четырехлетней Зины: плотная, встревоженная толпа народа, отец в военной форме, благодаря которому все расступались и давали им пройти к вагону, растерянная мама, крепко прижимающая к груди Юрку, и, как оказалось, самые удобные места возле проводницы и туалета. Прощания не было, отец только помог быстро расставить вещи и поспешил к выходу, люди всё прибывали, Полину с испуганными детьми плотно прижали к окну, из которого было видно, что отъезжающих становилось всё больше. Дорога запомнилась духотой и частыми воплями обворованных пассажиров.

В Мосоловке, оказалось, не ждали: мать Алексея скорострительно скончалась от горя: её младший сын был расстрелян как дезертир, он прострелил себе руку, чтобы не ехать на фронт. Дом конфисковали по суду военного времени, и жить Полине с детьми было негде. Приютила их средняя сестра Алексея, Маруся, тоже солдатка с четырьмя детьми, а потом ещё сестру мужа с двумя детьми позвала к себе жить: те сильно бедствовали. Вот так вместе, в маленьком домике, самое трудное время и пережили: летом в колхозе, да на огороде работали, зимой шили, пряли пряжу. Маленькая Зина помнит, что по утрам им давали по кусочку хлеба, и они сразу его не съедали — держали в руке, кто дольше вытерпит...

Ранней весной ребятишки бегали на поля искать прошлогоднюю картошку; её долго варили, получался черный клейстер, он немного сластит и был сытным. Юрка рос очень болезненным, у него начинался рахит, хотя его и старались кормить получше. По вечерам дети часто забирались на крышу и видели яркие зарницы на горизонте: война была совсем рядом.

Несмотря на то что Новомосковск (Сталиногорск) был оккупирован всего семнадцать дней, все промышленное производство было уничтожено, разрушены школы и дома, в сёлах истреблено все поголовье скота, полностью разграблены семенные фонды. В Урванку к родителям Полина с детьми вернулась только через два года, когда получила от них письмо, что можно возвращаться. Ей пришлось продать швейную машинку, чтобы купить билеты, она рассовала по всем карманам пакетики с выращенным табаком — пропуском на лучшие места для детей и для обмена на еду для них. И это было спасением, потому что мешок с едой и вещами оказался пуст, его разрезали на вокзале.

Дом у родителей был сильно повреждён, и Полине с детьми пришлось снять комнату в соседнем доме. На работу она устроилась в шахту клетевой — на подъемное устройство. От мужа вестей не было, Полина писала во все инстанции, ей отписывали, что он числится без вести пропавшим. Она долго не теряла надежду, пыталась искать сама, писать куда-то, но всё без толку. Старший сын Виталий так же, как и она, рано пошел работать, правда, продолжал учёбу в вечерней школе.

Часто приезжала Маруся из Мосоловки, и они снова вспоминали своё горемычное житьё во время войны и плакали навзрыд: у Маруси муж погиб, а одной в деревне с четырьмя детьми было ой как не сладко! Поэтому своих подросших ребятишек она отправляла к Полинке в Новомосковск, чтобы специальность получили и работу себе нашли.

Спустя долгие, самые трудные послевоенные годы Полина получила письмо от Маруси, что объявился брат Алексей, что он приехал со своей второй женой и шестью маленькими детьми. Он рассказал, что во время войны ночью их часть накрыло артиллерийским огнем противника, но в это время Алексей и медсестра, впоследствии ставшая ему женой, находились в другом месте, уединившись от всех в лесу. После обстрела им пришлось долго скрываться, чтобы их не судили за дезертирство, тем более что из-за брата Алексея и так понизили в должности. Марусе было очень стыдно и больно, она словно чувствовала свою вину, и поэтому всё не решалась написать. Она всё извинялась за что-то: то ли за то, что так подробно описывает, как сильно сейчас бедствует семья брата; то ли за то, что как-то причастна к страданиям Полининых детей. Было горько и пусто. И была злость на всё и на всех: и на эту проклятую войну, и на эту чёртову бабу, что нарожала еще столько детей её мужу, и даже на Юрку, который рос — вылитый отец. Слезы ещё долго настигали Полину в самый неподходящий момент, вот и сейчас, когда подошёл Виталий и обнял — старший

сын, помощник и защитник. Он получил полчку и собирался поехать к тете Марусе в гости, сильно они с её ребятами сроднились в военные годы.

Полина собрала большую сумку с подарками и отдельно хорошенько запаковала солёную селёдку в деревянный ящик — отец любит...

...Мне было почти девятнадцать лет, когда я без предупреждения заехала в гости к бабушке по пути из Севастополя в Москву. Она ждала пенсию и не узнала меня, приняв за почтальонку, стала суетиться, доставать паспорт... Мы не виделись три года, и я, видимо, сильно изменилась, а бабуля осталась прежней — такой же светящейся изнутри, только чуть ниже ростом и более уставшей. Мы потом за чаем долго смеялись и как-то незаметно в разговоре снова вернулись к тем воспоминаниям...

Нет, это не было полным прощением, просто потихоньку отпустило, словно выгорело. Они так и не виделись больше. Бабушка легко, словно подруге, мне рассказала, что она потом вышла замуж за другого мужчину, репрессированного за то, что попал в плен, который усыновил ее детей. Они уехали с ним на поселение в Узбекистан, тоже на шахту. Жили в Табакане, построили свой дом и были какое-то время счастливы...

Как оно недолговечно, это женское счастье. Новый муж после реабилитации поехал навестить своих родственников на Украине и его уговорили остаться, мужчин там почти не осталось: поубивали за время оккупации, и ему быстро нашли молодую жену. Он потом сильно раскаивался и даже приезжал, но бабушка была непреклонна: выбрал другую — живи с ней!

Бабушка горько вздохнула — им снова пришлось вернуться к родителям в деревню Урванку, потом она заработала квартиру в Новомосковске и жила уже только ради своих детей и внуков...

Бабушка вдруг загадочно улыбнулась, стирая горькие воспоминания, и позвала пришить обновки, которые приготовила для продажи на рынке.

Я и не знала тогда, что мы видимся в последний раз. Приближались лихие девяностые, начали вводить продуктовые карточки, потом стали надолго задерживать зарплату и пенсии. Моя любимая красная мохеровая кофта, привезенная от бабули, была распущена и перевязана уже для моей дочки. И очень скоро швейная машинка, купленная родителями в Новомосковске, перекочевала ко мне и стала нашей кормилицей. Борщи и воздушные булочки получались у меня легко, словно моими руками руководила бабушка Поля, которой не стало к тому времени...

Моя героическая, необыкновенная, самая лучшая на свете бабушка! В тридцать с небольшим лет она стала полностью седая, а глаза выцвели от выпланных слез и стали прозрачнее весеннего неба. Только сейчас я осознала, сколько во мне от нее, и это, пожалуй, самый бесценный и непреходящий бабушкин подарок.

г. Челябинск

Николай Шукшин, Андрей Нажимов

И связист, пулеметчик, и военный переводчик¹

Михаил Щербатов родился в Алтайском крае, а рос и учился в Большом Куяше. 33 года жизни отдано им ратному делу. К 75-летию Великой Победы мы публикуем некоторые факты его героической биографии.

Становление личности

Он появился на свет в большой крестьянской семье. Родители-бедняки с ранних лет приучали детей к труду. В 12 лет Миша уже работал в поле наравне со взрослыми. Косил, пахал, боронил, мог управляться с лошастью. Несмотря на занятость, учился очень хорошо. Любил подвижные игры. Был ребячьим «предводителем» в кулачных поединках за установление справедливости среди сверстников. Жизнь подростков шла по своим правилам, была веселой и интересной, хотя ребята порой жили впроголодь, досыта не ели. Когда в селе организовался колхоз, стало чуть полегче. Люди потянулись к знаниям, к культуре. Только бы жить да радоваться. Тут — война!

¹ Авторы благодарят ветерана педагогического труда Розу Алексеевну Прокопьеву за идею подготовки данного материала.

Не ради славы!

22 июня 1941 года, выступая на митинге жителей села, юноша, питавший лютую ненависть к фашистским иродам, сказал: «Мы годами голодали, недосыпали, работали, не зная отдыха и покоя. Теперь, когда все наладилось, изуверы замахнулись на нашу счастливую жизнь. Мы будем драться с ними до последнего вздоха! Прошу направить меня добровольцем на фронт». Долгожданная повестка из Кунашакского райвоенкомата пришла 9 сентября первого военного года. А неделю спустя отбыл вчерашний школяр на передовую.

Его боевой путь пролегал через южные рубежи страны и северный Кавказ. Довелось юнцу быть пулеметчиком, связистом, комсоргом батальона. Воевал он храбро. Об этом красноречиво свидетельствуют документы. Из наградного листа: «Тов. Щербатов 29 декабря 1942 года при наводке линии связи в районе Дигора, находясь под ураганным огнем противника, отлично выполнил поставленную боевую задачу. На участке товарища Щербатова связь работала хорошо. Достоин правительственной награды — медали “За отвагу”».

В тот день случился обрыв связи между КП полка и артиллерией. Попытки командира полка наладить связь успеха не имели. На устранение неисправности отправился Михаил Щербатов. У реки он на секунду остановился, внимательно оглядел лед, искореженный взрывами снарядов и мин, и вновь бросился вперед. Почти у середины реки был обнаружен порыв. Огибая проруби и трещины, связист с трудом нашел второй конец провода. Быстро соединил концы и вернулся в полк, к своим боевым друзьям. Они даже избирали его комсоргом батальона. И с этой обязанностью юноша справился блестяще.

Из наградного листа: «Тов. Щербатов М. И. — один из лучших комсоргов в своей роте и в батальоне. Он все силы свои отдает на воспитание комсомольцев и несоюзной молодежи. В результате его упорной работы комсомольцы занимают авангардную роль в учебе и дисциплине. Сам товарищ Щербатов — отличник учебы, отличный стрелок, пользуется заслуженным авторитетом в батальоне. Получил ряд благодарностей от командования. Красноармеец достоин правительственной награды — медали “За боевые заслуги”. Командир полка подполковник В. Бойко».

К середине лета 1943 года Михаил стал заправским воином: метко стрелял из винтовки, автомата, пистолета, гранаты и бутылки с «адской смесью Молотова» метал точно в цель. Довелось ему и пулеметчиком стать. 18 июля на долю его подразделения выпал тяжелый бой. В разгар сражения Щербатов стрелял из пулемета по вражеской пехоте, по смотровым щелям танков. Когда вражеские машины прорвали линию обороны, он закидал их бутылками с горючей смесью, противотанковыми гранатами. Все это время у него было какое-то странное чувство нереальности, будто мести. Все это делал не он, а кто-то другой. Он не испытывал ни страха, ни жары, ни усталости. И только когда вражеский «тигр» напал на его окоп, Михаил вернулся в реальность. Он почувствовал боль в голове, ватную слабость во всем теле. В том бою наш земляк отправил на тот свет более 45 фрицев и был награжден орденом Красной Звезды.

Подвиг. Ратный или трудовой. Подвиг всей жизни или длящийся несколько секунд. Подвиг сапёра, ежедневно с риском для жизни обезвреживающего вражеские мины, и подвиг летчика, в критическую минуту боя идущего на таран. Подвиг хлебороба, который самоотверженным трудом добивается высоких урожаев. Подвиг человека, рискующего на пожаре при спасении ребенка. Один подвиг не похож на другой. Но каждый — событие выдающееся, требующее от человека сверхнапряжения всех его духовных и физических сил. В основе каждого подвига — безграничная любовь к Родине, высокое чувство долга.

Сам Михаил Щербатов говорил о себе так: «Воевал, как все, старался для общего дела, себя не жалел, за спины других не прятался. Просто честно выполнял свои обязанности».

Видимо, в природе еще много тайн. И одна из них — в том, где сокрыты истоки патриотизма нашего народа, его решимости, воли к победе.

Переводчик в погонах

1944 год стал переломным в судьбе нашего героя. Его командировали на учебу в Московский институт военных переводчиков. В армии приказы начальства обсуждать не принято. Они подлежат немедленному исполнению. И отбыл солдат в столицу.

Программа вуза была трудной. В нее входило изучение трех иностранных языков, экономики, политического устройства, национальных, религиозных традиций зарубежных стран и даже их этикета. Последнюю дисциплину студентом читала профессор, много лет прожившая в Европе. От нее курсанты узнали много интересного: так, для американцев вполне нормально положить ноги на стул или стол, считать другом любого своего знакомого, но не пускать его в дом, если он пришел в гости без предварительной договоренности.

В Америке не принято долго и без дела говорить по телефону. Зато улыбаются там буквально всем и никогда при этом не делятся друг с другом личными проблемами.

А вот мужчина-француз никогда не появится в присутственном месте без пиджака. Его спутница не станет поправлять прилюдно прическу или макияж. Верхом невежества считается в этой стране опоздания. Таким людям окружающие перестают доверять на долгое время. А больше всего жители Франции любят, когда все вокруг разговаривают на их родном языке.

Кроме того, в расписании занятий значились такие предметы, как огневая и спортивная подготовка, автовождение и другие. Словом, информации было так много, что, готовясь к парам, штудировать ее приходилось тайком после отбоя или находясь в строю, во время вечерней поверки. Вуз стал настоящим храмом знаний. Таким его сделал тогдашний начальник генерал Николай Биязи — участник войны, владевший четырнадцатью иностранными языками. Он был кандидатом военных наук, боксером, стрелком, яхтсменом, прекрасным организатором учебного процесса. Именно Николая Николаевича всю жизнь с благодарностью вспоминал полковник Щербатов. Именно с помощью своего учителя стал наш земляк профессионалом.

С первого курса института Михаил Иванович воспринимал главное дело жизни как гуманное мирное ремесло. Он был всесторонне развитой личностью. Любил оперу и классическую музыку, знал искусство, никогда не замыкался в узких рамках технических проблем. Простой деревенский парень смог стать кладезем разнообразной информации, умело применять ее в рабочей обстановке и вне ее, когда самому приходилось вступать в диалог, как со своими соотечественниками, так и с чужестранцами. Михаил Иванович, по словам тех, кто знал его в работе, был интересным собеседником, превосходно владел синхронным переводом, мастерски строил беседу, умел внимательно слушать и улавливать все оттенки мысли собеседника. Именно совокупность всех этих свойств характера и практических умений послужило основанием к тому, что начальство довольно рано стало привлекать курсанта к практической работе.

Война под грифом «совершенно секретно»

В 1949 году, после четвертого курса, Михаила направили в Пекин, Группу главного военного советника при Генштабе Китайской народной армии переводчиком китайского и английского языков. Наши специалисты оказывали молодой республике помощь в перевооружении войск да обучении ратному делу китайских солдат и офицеров.

Летом 1950 года на Корейском полуострове вспыхнула война между севером и югом. В ней коммунистический север поддерживали СССР и Китай. Западные страны во главе с США объявив КНДР агрессором, под флагом ООН встали на сторону южан. В связи с этим Москва перебросила в Китай авиакорпус ПВО. Советский Союз ограничился лишь воздушной поддержкой, при этом наши аэродромы находились в КНР, и летчики совершали вылеты по прикрытию неба Северной Кореи с территории Поднебесной. Щербатова прикомандировали к штабу этого корпуса, где он занимался обучением наших летчиков-истребителей ведению переговоров в воздухе на китайском языке в целях маскировки. А затем наших «соколов» в составе передового пункта наведения перебрасывали в Северную Корею по понтонному мосту через пограничную реку Синпсю в китайской военной форме вместе с миллионной китайской армией, поспешившей на помощь Северной Корее. Михаил Иванович — очевидец многих сражений, в которых блестящие победы одерживали наши асы.

По делам службы наш герой имел возможность общаться с легендарным Кожедубом — трижды Героем Советского Союза, участником Великой Отечественной войны. В корейской войне Иван Никитович командовали 324-й истребительной авиадивизией. Советский Союз тщательно скрывал свое участие в той войне. Даже личные документы летчиков не имели фотографий. Наши солдаты и офицеры постоянно ходили в китайской военной форме, хотя американцы прекрасно знали, что за «китайцы» воюют против них, но предпочитали об этом помалкивать. У них не было неопровержимых доказательств.

Самому Кожедубу начальство летать запрещало. Во-первых, потеря прославленного аса совершенно недопустима. Во-вторых, для летчика всегда существует, пусть и небольшая, но вероятность пленения. Кстати, в той войне ни один наш летчик в плен не попал.

Кожедуб в воздух все же поднимался, когда надо было совершить перехват самолета-разведчика. Однажды его машину подбили, ему пришлось покинуть кабину падающей машины. Ветер сносил пилота на нейтральную территорию. Южнокорейцы попытались взять Ивана Никитовича в плен, но ему на помощь подоспели китайские добровольцы и в рукопашной схватке буквально вырвали его из рук неприятеля. Всего же за время корейской

войны Кожедуб лично сбил 17 американских самолетов. А его боевые друзья увеличили этот счет еще более чем на 500 машин.

Осенью 1950 года над Северной Кореей был сбит новейший американский истребитель «F-86 сайбр», о котором в СССР ничего тогда не знали. Для допроса спасшегося пилота Михаила Щербатова из Северной Кореи перебросили на одну из наших баз в Китае. Туда же прилетел полковник ГРУ. Там они вдвоем трое суток, днем и ночью допрашивали сбитого летчика — капитана американской армии — и добыли ценную информацию о новом самолете противника, его лётных и боевых характеристиках, системах управления.

Проработав в КНР три года, вернулся наш земляк в Москву, на 5-й курс института, закончил его, блестяще сдав госэкзамены. Вскоре его направили на работу в Каир.

Место службы — Египет

В столицу африканского государства Михаил Щербатов приехал летом 1962. Его назначили военным советником. Каир поразил наших специалистов мешаниной восточной и европейской архитектуры, стрелами минаретов, множеством лавчонок, магазинов, толпами людей. Казалось, что все горожане живут не в домах, а на улице. Полицейские были облачены в черную униформу и белые краги. Все здесь смешалось: люди, машины, двухэтажные повозки на ослиной тяге, грязь, бензин, рокот моторов, голоса людей, говорящих на странном гортанном языке.

На смену необычным впечатлениям пришла повседневная работа. Ее было много. Военный советник отличается от обычного специалиста более высокой ответственностью. Он дает своим подчиненным рекомендации и вместе с ними отвечает за выполнения задания. Он вместе с ними выезжает на стрельбы, участвует в командно-штабных учениях, обслуживании замаскированных ракет, РЛС, комплексов слежения и наведения. Он учит их возводить понтонные мосты и форсировать водные преграды во время боевых действий. Он засекает огонь батареи противника при перестрелке, сообщает координаты начальнику артдивизиона, и тот приказывает открыть огонь по батарее противника. Трудность работы заключалась в том, что египетские офицеры являлись выходцами из высших и средних слоев. Особым трудолюбием не отличались. Их вообще не приучали к работе с подчиненными. Боевой и политической подготовкой с солдатами занимались унтер-офицеры.

Участие в стрельбах и полевых учениях нередко игнорировались. Ратный труд до седьмого пота воспринимался как желание подорвать их авторитет в глазах подчиненных. Старшие египетские офицеры выражали таким образом явное недовольство. Многие из них с презрением наблюдали за тем, как полковники и подполковники своим личным примером демонстрировали чужестранным воякам, как надо ползать, стрелять, бросать гранаты, как ремонтировать автомобиль или танк. Такого отношения к служебному долгу египтяне понять и принять никак не могли. Однако наши советники настойчиво ломали психологию «белоручек».

После службы наши ребята шли в библиотеку, где брали новые журналы и книги на русском, смотрели новые советские фильмы, встречались с кинозвездами, приехавшими по приглашению арабской страны: Баталовым, Смоктуновским, Дорониной, Фатеевой. «Гамлет» со Смоктуновским в главной роли шел полгода одновременно в трех каирских кинотеатрах при полных залах. Это известный исторический факт. Так, в повседневных трудах и хлопотах, незаметно пролетели еще три года. Закончился срок заграничной командировки майора Щербатова.

Возвращение на родную землю

Новым местом службы офицера стал Крым. Здесь разместился учебный центр по подготовке партизан из португальских колоний: Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Намибии и Южной Африки. Заниматься пришлось точно тем же, что делал в Египте. Михаил Иванович вел занятия на английском и португальском языках, как всегда, блестяще.

После увольнения в запас из рядов Советской Армии полковник Щербатов еще 18 лет учил английскому языку студентов Крымского медицинского университета. Затем, оказавшись на заслуженном отдыхе, долгое время вместе с женой Марией Федотовной жил в Челябинске. Часто наезжал в Большой Куяш. Считал наш край суровым, холодным, но таким родным!

Эти ясные жизненные алгоритмы Михаил Щербатов выработал для себя еще в юности и следовал им всю жизнь. Они просты и понятны. Любым делом надо заниматься предельно серьезно, всегда доводить начатое до конца или не браться за него вовсе. Быть там, где ты особенно нужен. Наш герой не искал легких путей. Он всегда оказывался там,

где особенно трудно, где могли пригодиться его руки, ноги, ум. Никто не призывал его на военную службу в неполные 16 лет. Но он оказался на передовой по зову сердца, встав в ряды защитников Родины. До конца дней оставался этот мужественный человек настоящим патриотом. В те дни, когда Крым входил в состав России, отставной полковник, кадровый офицер направил Владимиру Путину СМС из двух слов: «Виват, Президент!»... Радости старого солдата по этому случаю не было предела. Михаил Щербатов не по обязанности, а по велению сердца стал главой большого семейного клана. Из любой командировки каждому из многочисленных родственников он привозил особый подарок: кому заморскую игрушку, кому модный костюм, а кому добротный отрез на платье. Все то, о чем односельчане могли лишь мечтать.

Кроме того, наш герой заботился о собственном здоровье. Он и помыслить себе не мог, чтобы пропустить утреннюю зарядку. Всегда требовал от своих домочадцев постоянно закалять тело и дух. Кстати, сам Щербатов отличался недюжинной силой и выносливостью. Мог без труда одолеть вплавь наше озеро. В то время, замечу, оно было куда более полноводным, чем теперь. Наш рассказ о Михаиле Ивановиче будет неполным, если не сказать, каким верным и любящим мужем он был. Его знакомство с супругой произошло на далеком Сахалине во время танцевальной вечеринки. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре поженились. В любви и согласии им удалось прожить более пятидесяти лет.

За это время они стали единым целым. Научились понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда. Стали друг для друга надежной опорой во всем. Долгое время после отставки главы семейства жили в Челябинске. Когда на исходе жизни Мария Федотовна тяжело заболела, муж перевез ее на крымскую дачу, где находился рядом с женой до последнего ее дня. Михаил Иванович пережил супругу всего на полтора месяца. Без нее он потерял всякий смысл бытия. Его прах упокоился в Куяшской земле.

Листая страницы биографии полковника Щербатова, я невольно поймал себя на мысли о том, что жизнь по правильному алгоритму способна закалить характер и сделать судьбу.

г. Челябинск

Тухардские встречи

В Тухарде — День оленевода

День оленевода, как и день рождения каждого из нас, — увы, только раз в году. И весь этот год ждут праздника в чумах и балках тундры бескрайней. Ждут и готовятся: мастерицы выделывают меха и шьют праздничную одежду, в которой есть шанс выиграть конкурс мастериц или, как минимум, выглядеть на празднике достойно; мужчины подбирают и тренируют упряжных оленей, чтобы участвовать в кульминации праздника — гонках на оленьих упряжках; парни тренируют бицепсы и трицепсы для участия в состязаниях по борьбе и прыжкам через нарты, девушки... ну, девушки и детвора всегда готовы, как пионеры! И все вместе предвкушают веселое гулянье и, разумеется, долгожданные встречи с дорогими родственниками и друзьями, с которыми увидиться порой удаётся вот именно раз в году — на феерической северной ярмарке, представительном съезде тундровиков — на празднике долгожданном — Дне оленевода! А для представителей СМИ это и вовсе практически единственный шанс поговорить с оленеводами из тундры «за жизнь»...

Мудрые важенки Аси Яптунэ

— Так у важенок без детей раньше опадают рога, тогда как у рожавшей оленихи — дней через пять после родов, — объяснила Ася Николаевна. — Отёл скоро начнётся, у нас важенки начинают телиться примерно с 20 апреля. Бывает, что важенка порой уходит к прошлогоднему телёнку и бросает при этом нынешнего маленького. Потому-то хлопот у нас весной немало.

Впрочем, хлопот у семьи, имеющей 600 оленей, круглогодично — полон рот. Ася Николаевна Яптунэ, в девичестве Вэнго, вместе с семнадцатилетним сыном Дмитрием приехали на снегоходе со стойбища в районе Пелядки. Приехали на праздник День оленевода и, естественно, уладить накопившиеся вопросы в администрации, пройти медобследование, побывать на праздничной ярмарке да и просто отдохнуть, встретиться с друзьями и родственниками. А для чего же ещё существуют праздники и ярмарки — правильно, чтобы «людей посмотреть и себя показать». А разговориться с Асей Николаевной и Димой удалось в очереди в почтовое отделение.

Ася Николаевна с мужем вырастила четверых сыновей, у них уже три внука, что довольно трудно предположить, глядя на молоджавую женщину в нарядной малице. Что значит женская наблюдательность: Ася Николаевна сообщила такие подробности из жизни важенок, которые из уст оленеводов-мужчин не услышишь.

— Оленихи обычно очень мудрые и заботливые мамы. Бывает, что у важенки случается только один телёнок в жизни, — рассказала Ася Николаевна. — Так и ходит подле матери здоровый бугай и сосёт вымя. А бывает, что новорожденного кормит бабушка его, по какой-то причине оставшаяся яловой. В прошлом году одна важенка родила телёнка с дефектом — заячьей губой, пришлось забить его. Так важенка стала отбирать телёнка у другой мамы. У одной моей двухгодовалой важенки умер первый телёнок, так она стала помогать своей матери — стала кормить её малыша, то есть свою сестрёнку. Это и прекрасно: малыш рос как на дрожжах! Вообще, с новорожденными нужен глаз да глаз: слабенькие, глупые — могут увязаться и за собакой, и за человеком, не узнают пока собственную мать.

Семья Яптунэ работает в составе КФХ Вэнго Вадима Няровича, пасут стадо с мужем и сыновьями, летом кооперируются с другими оленеводами. Олени разных цветов: пёстрые, белые, есть даже почти чёрные. Дикие олени отличались от домашних окраской: были светлее. Почему были? — так теперь их практически нет, оленеводам легче стало: дикие частенько уводили домашних за собой.

— Да, конечно, в совхозе работать оленеводам было сподручней, — вздыхает Ася Николаевна, — помощь различных служб была налажена. А теперь каждый остаётся со своими проблемами один на один, каждый старается сам. Оленей прививаем сами. Ветпомощь оказывается, конечно: в марте вот приезжали ветеринары, прививали собак от бешенства. А для оленей нужна специальная вакцина — аверсепт, которая часто в дефиците.

Ася Николаевна окончила Носковскую школу, дети её учились в Дудинке. Сейчас с супругами три сына, средний сын в Дудинке работает. Олени без присмотра не остались — с ними муж, старший сын, подрастающие внуки. И всё равно — по окончании праздника Ася Николаевна и Дима поспешат на стойбище. Делу — время...

Оленеводы Каярины

Павел Тимофеевич Никифоров, исполняющий обязанности руководителя администрации сельского поселения Караул в посёлке Тухард, не только посоветовал встретиться с ветеранами труда посёлка, но и лихо подвёз на снегоходе к домику ветеранов. На крыльце белая симпатичная собачка, которая «лает да не кусает», как пояснил игравший тут же маленький мальчик со своей совсем крохотной сестрёнкой в яркой красной парке. Забегая вперед, сообщу, что это младшее поколение Каяриных, а именно внуки.

Каярин Василий Прокопьевич, 80-летний ветеран труда. «Он родился в месяц большой темноты», — пояснила супруга, Каярина (в девичестве Пальчина) Валентина Афанасьевна. Что ж, это достаточно точная дата для тундровиков, тем более что год рождения известен. Валентина Афанасьевна отметила свой 74-й день рождения, и дата рождения известна уже точно — 3 апреля.

Василий Прокопьевич — оленевод, был и бригадиром оленеводческой бригады. Валентина Афанасьевна, разумеется, чумработница. Рассказывают супруги неспешно, дополняя друг друга, Валентина Афанасьевна, естественно, поразговорчивей мужа, это и хорошо: мужчины о себе рассказывают обычно скупно.

Родители Василия были рыбаками, а сына, когда подрос, отправили работать в совхоз «Большевик», который позже стал называться «Октябрьским», с центральной усадьбой в Усть-Порту. Освоил оленеводческое дело Василий быстро, стал работать в бригаде, где на пятерых пастухов приходилось 1700—1800 оленей.

— Волков было много в то время, — неторопливо вспоминает Василий Прокопьевич, голос у него глуховатый, как у большинства оленеводов и рыбаков: сказывается постоянное пребывание на морозе. — Вредили волки оленеводам, резали оленей, мы их стреляли, конечно. Сейчас волков стало мало: на «Буранах» побили их, на «Буране» стаю можно гнать по тундре долго. Мы сдавали шкуры, камус, мясо. Кочевали на зимние и летние пастбища. Нет, к морю не ходили, однако. В советское время олени были лучше, здоровее: больше заботились о них, однако. Сыновья в тундре, с оленями, только младший сын в посёлке.

На стенах — грамоты и благодарственные письма Василию Прокопьевичу Каярину «За многолетнюю работу в оленеводстве, воспитание молодёжи в духе национальных традиций и большой личный вклад в развитие экономики Таймыра»: от Объединения оленеводов Красноярского края, Союза оленеводов России, от председателя Законодательного собрания Красноярского края. Но особую гордость ветераны труда Валентина Афанасьевна и Василий Прокопьевич испытывают, демонстрируя Благодарственное письмо от педагогического коллектива малокомплектной начальной школы «ДСШ № 1» за хорошее воспитание внуков Максима Каярина и Михаила Каярина.

Василий Прокопьевич окончил три класса в Усть-Портовской школе, дальше учиться не стал: работать надо было, помогать родителям. Валентина Афанасьевна родилась в Тухарде, это была земля родителей.

— Чум и балок наши стояли там, где сейчас администрация, — вспоминает Валентина Афанасьевна. — Сюда, в посёлок, да вот на это место, где дом наш, мы ходили собирать ягоды. В реке водились осётр, сиг, чир. В тундре — зайцы, песцы, мы ребятишками ставили на них капканы.

Валентина Афанасьевна пограмотнее мужа: окончила восемь классов. Но дальше учиться не пришлось: отец уже тяжело болел и мама позже заболела раком — надо было помогать растить младших брата и сестёр. Брат скончался недавно, одна из сестёр в Эвенкии живёт, две других — старшая и младшая — здесь же, в Тухарде.

Супруги вырастили 13 детей: 4 мальчика и 9 девочек. Сейчас уже шесть внуков. Вот они, тут же, играют на полу, как и все современные дети, — с радиоуправляемыми машинками. Время от времени вбегает с улицы и малышка в красной малице — всеобщая любимица двухлетняя Вероника. Старшие на следующий год поедут в Дудинку, в Тухарде только начальная школа. Дети и внуки говорят на немецком, но и проблем с русским языком у младших при поступлении в школу нет, как бывало у их дедушек и бабушек.

Квартиру в этом доме, где мы разговариваем, супруги получили давно, но на постоянное жительство из тундры переехали только пять лет назад, когда здоровье ухудшилось: у Василия Прокопьевича проблемы с давлением, а у Валентины Афанасьевны ноги болят,

приходится делать уколы дважды в год. Врач Петров у населения пользуется заслуженным уважением, и стационар в посёлке сохранили жители, когда начальство собиралось сокращать медицину в посёлке: собирали подписи в защиту стационара, теперь есть врач, четыре медсестры и санитарки. Аптечки тундровикам тоже дают регулярно. Стариков и зрение, конечно, подводит: в балке и чуме освещение известно какое было — керосиновая лампа.

— В чуме ведь как? Встаёшь рано, чтобы приготовить завтрак — нужны дрова, вода, — без видимого сожаления, а даже и как бы с ностальгической ноткой грусти по отлетевшей молодости вспоминает Валентина Афанасьевна. — И всё-таки хорошо нам было в тундре! Обычно в марте в гости ездили на оленях в Усть-Порт, а также за продуктами. Даже в Носок добирались на оленях за два дня. Бывало, в пургу попадали. В Носке что плохо: леса нет. На ночёвку останавливались в чумах: стояли там тундровики. Знакомимся с ними, они, конечно, удивляются. Радио слушали — для него запасались батарейками, газеты приходили в посёлки, поедешь за продуктами — купишь для души газеты, книги. Мы и в городе бывали: ездили к дочери, но там тянет в тундру на другой день. Бывали в городе и по работе: пригоняли на забой заранее отобранных оленей. Сейчас планового забоя нет — каждый сам привозит мясо на «Буране».

В Новый Тухард супруги переезжать планируют в некоторой мере вынужденно: дом у них старый, с потолка весной и летом капает, полы меняли несколько раз, но без особого успеха. Когда трубы поблизости лопаются, вода бежит прямо под дом стариков. Правда, старый дом — бревенчатый, тёплый, а каким будет новое жильё — старики сомневаются, слышали от людей, что в новом посёлке дома уже покосились и холодные они...

— Раньше как жилось? Да хорошо, конечно! — буквально в один голос восклицают супруги. — Раньше было интереснее, нас не забывали, дарили подарки, навещали, поздравляли, теперь никто не обращает внимания. День оленевода, главный наш праздник, тоже с каждым годом становится всё скучнее. Например, конкурс мастериц как проводится? Парки демонстрируют горожанки и поселковые жительницы, они и выигрывают. Но ведь в посёлке и городе шить гораздо легче, все условия тебе: и свет электрический, и материал любой купить можно. А в тундре и швейных машинок нет, и с материалом проблемы, и свет — лампа керосиновая. Да и вообще — в тундре работы невпроворот, шить особо некогда. Надо проводить такой конкурс отдельно для тундровичек! Нет-нет, на праздник-то пойдём, конечно: мы ждём целый год этот день!

г. Дудинка

Галчина Афимова

* * *

Изолировали дóма
 Душу вольную на грусть.
 Состоянье вроде комы;
 Описать я не берусь.

Овладел страной нédуг:
 Вирус — тайный новичок.
 Факт явления неведом,
 Кем-то заслан казачок?

Все под гнётom, больше Штаты;
 Есть презумпция вины:
 Аты-баты, шли солдаты,
 Кто же всех бедой пленил?

Иль масоны, высший орган,
 Возомнившие на крест?..
 Мой режим так грубо сорван:
 Превращён мой кров в насест.

Погрущу: жизнь вынуждает!
 Происходит не во сне:

Мы не вместе, мы не в стае,
 Мы — в окне, не на коне.

На осадном положении:
 Взят в оковы целый мир,
 Из страны чудных женьшеней
 Вышел вирус — злой вампир!

Возомнился атаманом,
 С виду — маленький такой,
 Ходит он в короне паном,
 Разудаленький ковбой.

Перепутан весь порядок,
 В экономике — завал.
 Дым отечества не сладок:
 Ни тебе, ни нам, ни вам.

По жаре стряхнёт корону,
 Может, выбьется из сил?
 Неподвластен он закону
 Бед немало натворил.

г. Копейск

Зоя Романова

Королевна

В семье Пастуховых готовились к золотой свадьбе. Хозяин дома — Максим Петрович — наводил порядок во дворе, а его жена Анна Ивановна занималась уборкой в доме. На юбилей ожидали дочь и сына с семьями из города да друзей и деревенских родственников. Чтобы не упасть лицом в грязь, хозяева от души старались навести везде порядок.

— Нюра, ты к юбилею-то приготовилась? — спросил Максим Петрович у жены, заходя в дом.

— А чего ты беспокоишься, всё сделано как надо, Максимушка, разве ты не видишь, что вокруг тебя чистота и порядок? — ответила жена.

— Да не об этом я речь веду, Нюра, платье новое купила ли? Да ещё бы в парикмахерскую сходила, а то вид у тебя больно неказистый. Помнишь, как в молодые-то годы наряжалась, любо было посмотреть. Э-эх, как давно это было, и никак не забывается!

Максим Петрович тяжело вздохнул, почесал затылок и вышел снова во двор.

Анна Ивановна открыла тумбочку, где хранились внучкины вещи. На пол повалились коробочки с кремом, помада, краска для волос, духи. В этот момент на пороге появилась соседка Вера Семёновна. Увидев растерявшуюся подругу, она воскликнула:

— Нюра, смотри богатство какое! В парикмахерскую не надо ходить, я мастер в этом деле и даю слово, что из тебя королевну сделаю, мы всем нос утрём! А тут вот написано, что масло от старческих пятен и будто очень быстро действует. Сделаем всё как надо, что даже и Петрович тебя не узнает завтра. Всем докажем, что мы не хуже некоторых, что только наряжаться да краситься могут. А мы с тобой на все руки мастерицы! — И подруги, не откладывая в долгий ящик, тут же взялись за срочное дело.

— Давай, Нюра, сначала покрасим тебе волосы, а потом за лицо возьмёмся, предложила Вера Семёновна.

Анна Ивановна покорно выполняла все указания подруги, но, увидев себя в зеркале после первой «процедуры», растерянно заохала:

— Ох, Вера, посмотри, на кого я стала похожа, волосы-то у меня огненно рыжие! Как я деду своему на глаза покажусь?!

— А ты, Нюра, не переживай, когда высохнут, каштановыми волосы твои станут, залюбишься. Я на себе много раз испытала. А сейчас заодно и лицо в порядок приведём, юбилей всё-таки, надо понимать!

Закончив обработку лица строго по инструкции, Вера Семёновна собралась домой, пожелав подруге здоровья и хорошего настроения.

— Спасибо, подружка, выручила, а то старик меня укорил, что за собой перестала смотреть! — взволнованно поблагодарила Анна Ивановна подружку и взялась перебирать в шкафу свои вещи.

Надо платье подготовить к юбилею. Времени в обрез остаётся, но каждая вещь о чём-то напоминала. Вот платье бирюзового цвета, когда-то в этом платье она выступала на сцене в деревенском клубе. В этот вечер Максим объяснился ей в любви, как давно это было, а кажется, будто вчера. Анна Ивановна тяжело вздохнула: почему так коротка жизнь, промчалось полвека, будто на колеснице? Она любила и была любима. Вырастили сына и дочь. Появились внуки — какое счастье! Анна Ивановна сложила аккуратно вещи, закончила уборку в квартире и отправилась спать.

Ночью она проснулась от боли. Лицо и глаза щипало и жгло, будто огнём, не помогло и умывание. Посмотрев в зеркало, она не узнала себя: опухшее лицо, покрытое разноцветными пятнами, глаза будто щелочки и ярко-рыжие взлохмаченные волосы. Анна Петровна удивлённо глядела в зеркало, не узнавая себя.

— Вот это королева — чистая обезьяна! — произнесла она вслух и заплакала.

Проснувшийся муж, удивлённо посмотрел на жену и испуганно произнёс:

— Свят, свят! Ты ли это, Нюра? Смотрю: одежда твоя, а лицо то чужое. Где это тебя так угораздило?

— Это Вера вчера из меня королеву хотела сделать, да перестаралась.

Максим Петрович с удивлением и сочувствием посмотрел на жену и, дождавшись кое-как утра, крикнул соседке через забор:

— Вера, срочно зайди к нам, посмотри на свою подружку — на кого она похожа! Я перепугался, когда её увидел. Вот теперь не знаю, что делать, помоги выйти из тяжёлого положения, будь добра, очень прошу тебя!

Вера Семёновна взглянула на подружку, да так и присела, не зная, что делать, плакать или смеяться.

— Это аллергия у тебя, Нюра, что делать-то будем? Ты хоть расчешись, а то волосы у тебя, как сноп сена, да ещё взлохмаченные.

— Ладно, королева, время уже много, а мы ещё не завтракали, ставь на стол, а потом разберётесь что делать, — сказал Максим Петрович, — меня работа срочная ждёт, некогда мне с вами в бирюльки играть. Угораздило же тебя раскраситься, Нюра, как в цирке на смех людям. В медпункт сходи, может быть, там помогут тебе эту пакость убрать.

— Что ты придумал, Петрович, куда Нюра пойдёт, подумай! У неё глаз не видать, лицо всё заплыло и в пятнах, а ты не догадываешься, что засмеют, подумают, что ты её избил. Мы хотели сделать как лучше, а получилось, наоборот, хуже.

Все притихли, усевшись за стол, и долго смотрели друг на друга, потом вдруг разом расхохотались до слёз. Насмеявшись вдоволь, Вера Семёновна со всей серьёзностью сказала:

— Вот что, друзья мои дорогие, я беру все заботы на себя. Всё будет в порядке, а ты Нюра, к юбилею обязательно будешь прекрасной королевой, ты вполне заслуживаешь этого своим добрым сердцем!

г. Копейск

О, этот вкусный крем для рук

У моей жены на столике у кровати, где мы спим, разложены различные кремы. Крем для рук, крем для ног, крем для лица, крем для пупка и прочие кремы для женской красоты.

Не знаю почему, но когда моя жена просыпается, то она первым делом берёт крем для рук и тщательно втирает его в кожу.

И ещё я хочу сказать, что стол, на котором лежат моей жены кремá (это она так говорит: кремá) — это излюбленное место для рисования нашей внучки Вики. Когда мы с женой забираем внучку из садика, то она у нас дома часто, почти всегда, садится за этот стол и начинает что-либо рисовать. И ещё на этом столе мы с внучкой иногда занимаемся, учим её буквам, рассматриваем различные книжки по географии или про животных.

Но в основном Викуля сидит одна за столом и творит свои выдумки карандашами. Мы попробовали как-то, чтобы она порисовала акварельными красками, но это закончилось тем, что весь стол был исписан акварелью. Викуля тоже была вся измазана красками. Одним словом, эксперимент не удался, и мы дали Вике цветные карандаши, и все сразу успокоились.

Но Вика, как любая женщина, подражает своей маме, а также бабушке, моей жене, и её страшно интересуют все кремá(!), которые лежат на столе. Она неоднократно расспрашивала бабушку, что это за «крема» и для чего они.

Ну, расспрашивала и расспрашивала, и слава богу, в конце концов, Вика тоже женщина, а женщине без кремов — никак.

И вот однажды утром моя жена проснулась рано, в половине седьмого (привычка, которая осталась от работы), и решила по привычке намазать руки кремом для рук. Она взяла тюбик крема, открыла крышку и стала выдавливать этот самый крем. Но крем почему-то не выдавливался. Жена моя нажала на тюбик посильнее, но эффект был тот же.

«Странно, — подумала моя супруга, — тюбик вроде полный, а вот не выдавливается крем из него. Непонятно!»

Тогда она встала с кровати и взяла другой тюбик крема для рук и тоже попыталась выдавить из него крем. Эффект был тот же, крем из тюбика не выдавливался!

Это было уже совсем необъяснимо! Но вы сами знаете, дорогие читатели, что чудес на свете, к сожалению, не бывает.

Жена сделала шаг от кровати и поскользнулась. Жена глянула вниз, на пол, и всё поняла.

Тюбик, который она держала в руке, снизу был прокусан зубами! Точно зубами: уж зубы Вики она знала хорошо.

Тут ей всё стало ясно. Просто внучка на вкус попробовала кремы и прокусила их все снизу.

Вечером была разборка: зачем она прокусила тюбики?

Вика отмалчивалась, видно, боялась, что ей влетит, и, как бабушка ни старалась получить ответ на вопрос, зачем надо было кусать тюбики, ответа она так и не получила.

Правда Вика призналась, что все «крема» невкусные и больше она прокусывать ничего не будет.

На этом всё успокоилось, Вика действительно перестала прокусывать тюбики, а прокусанные я замотал скотчем, чтобы крем выходил наружу там, где ему нужно.

Но бабушка на всякий случай «крема» со стола все убрала и поставила их в сервант, куда Вика не могла дотянуться.

Вот такая история случилась у нас с кремами, и мы ещё раз убедились, что малыши познают мир на вкус, а иногда и на зубок.

г. Снежинск

Антивирусные фунтики

* * *

Чтобы вирусным не стать —
Всё китайское убрать.
Вмиг квартира опустела:
Нет ни тряпочки для тела.

* * *

Мне весь белый свет не мил.
Чуть живой лежу в постели.
Видно, вирус прихватил.
Врач пришёл, сказал: «Похмелье».

* * *

Вирус — и на биржах крах,
Среди биржевых бумаг
Самою заметною
Стала туалетная.

* * *

Я лежу и ус кусаю —
Человечество спасаю.
А пошёл бы на работу,
Заразить бы мог кого-то.

* * *

Если вдруг чихает кто-то,
Не пугайся, не дрожи.
О себе нужна забота:
«Будь здоров!» — себе скажи.

* * *

Маски всем носить нам надо.
Но зачем тогда помада?
Улыбаться я хочу,
Но лишь в тряпочку молчу.

г. Челябинск

Сергей Борисов

Бремя смирения ложно

Семь лет, как Серёжа ушёл. А в этом году, 22 октября, ему исполнилось бы 80 лет. Он был ровно на полгода младше меня. Мы не были друзьями, но приятельствовали долго, лет двадцать пять — до финала.

Водку пил со всеми, кто её пьёт, но о поэзии говорил не с каждым.

Осталось ощущение его вечного конфликта с семьёй и недооценки коллег по цеху.

Лучший уральский поэт: до него никто так не писал и после — тоже. Поэт российского масштаба. Не прочитан современниками, не проанализированы его язык, стиль, техника.

Обратил как-то внимание на моё увлечение аллитерациями: «Не увлекайся инструментальной, можешь смысл потерять». Сам умел это делать — виртуозно.

«Талант печально своенравный». Мощный и зрелый.

Сегодня Сергей Борисов в гостях у нашего журнала. Читайте.

* * *

А я всё думаю о лете!
И у меня до сей поры
зелёный сумрак на примете
и свет берёзовой коры.

Я до сих пор ещё итога
лугам и рощам не подвёл...
Как много! Боже мой, как много
звенело птиц, гудело пчёл!

И дождь! И солнечные пятна
на травах, листьях и стволах...
Уже метели близок взмах,
а я всё мечу на попятный.

И тем лишь сызнава живу,
что вновь и вновь напропалую
я в губы тёплые целую
цветы, деревья и траву.

* * *

Задолжал поэт народу.
Потому и осуждён,
аки тать, на хлеб и воду
с незапамятных времён.

Звякнув лирой о колено,
уготовил белый свет:
каталажку для Верлена,
для Ахматовой — навет,

крестный путь — для Мандельштама,
для Бодлера — жёлтый дом...
Щедро сдобренная драма
гневом, болью и стыдом.

Канул камень в холод ила.
По воде пошли круги.
Встрела данника могила,
отпускающе долги.

И народ слезу на студень
цедит, пьян и бестолков,
ибо сроду неподсуден
и свободен от долгов.

* * *

Вскормленный грубым зерном,
с коим смешалась полова,
ходит в груди ходуном
бешеный увалень слова.

Тёмным поверьем повит,
в трудном ярме передела,
вытряхнуть вон норовит
дух из недужного тела.

Дурень. Охальник. Бунтарь.
Да упасёт его ныне
благословенная встарь
тяжкая смута гордыни!

Ибо под игом времён
бремя смирения ложно.
Путь его будет клеймён,
если не быть — невозможно.

* * *

Уж ты гой еси,
свет блажных утех!
На святой Руси
расходился грех.

От печали груб,
от любви лукав
размочалил чуб,
закатал рукав.

Закусил губу.
Потемнел лицом.
Обольстил судьбу
дармовым кольцом.

На крутой кулак
намотал года.
Полонила злак
волчья ягода.

Зацвела волшба
вперекор творцу...
И пошла гульба
наособицу!

И дивится чёрт
на крамолу ту.
...А слеза течёт
и по золоту.

* * *

Не плачьте обо мне
над ямой, где ни зги.
Могильной тишине
предшествуют шаги.

Кладбищенской судьбе
предшествует судьба.
Не лгите в суете
и не крестите лба.

На дневи дышит век.
Час полночи труслив.
Остуженности рек
предшествует разлив.

И если замолчал
не старец, не юнец...
Любому из начал —
предшествует конец.

* * *

Блуждать без должной подоплёки
я осуждён, как вечный жид.
А тень на ближнем солнцепёке,
как жизнь, короткая лежит.

Я заплетаю время в гриву
косматую небытия.
А рядом грешному порыву
строка потворствует моя.

Я твердь небесную объеблю
до гласа трубного в ушах.
А взгляд отслеживает землю
за шагом шаг, за шагом шаг.

И явлен дол до ветки росной,
до средоточия корней
во всей подробности несносной
без воспарения над ней.

Но выбьет посох случай, рок ли —
и отмель, ясная до дна,
как в перевёрнутом бинокле,
от глаз моих отдалена.

Всю часть мою расставил кто-то
по обе стороны креста:
здесь йоты брэнная забота,
там зги бессмертная тщета.

* * *

Я буду трудно гнить в могиле,
сопротивляясь населению
подземных выработок или
отдавшись благостному тленью.

Земля ленива и крупчата
в натёках стынущей капли.
Но чаша смертная почата.
И губы к одной прикипели.

Ещё любовь меня пытается
последней судорогой плоти,
покуда сердце не истает
в погибельном солнцевороте.

Ещё седая дымка вдоха
грозит лихому околотку,
пока хвалёная эпоха
полощет немощную глотку.

Но вот, не пивши и не евши,
замкнушь, иллюзией питаем.
И разве дух осиротевший
узрит, что рай — необитаем.

И, сберегая что есть силы
охвостья голоса и платья,
я хрипло крикну из могилы
стихи, глухие, как проклятья.

Александр Мишутин

Мы не сеем и не пашем

С. Борисову

Мы не сеем и не пашем:
Свет вечерний с водкой пьём.
В очень узком круге нашем
Мы с Серёжею вдвоём.

От библейского начала
И до дней, где жизнь — не в лом,
Ходит мысль легко и шало
Языковым помелом.

Все расставлены акценты,
Но не ясен божий день.
Категории, оценки
Переходят в светотень.

Лишь одно категорично,
Вечно, как осенний стог:
И привычно и первично
Слово суще, слово — Бог.

На просторах русской шири,
Под покровом синевы,
Разрывая пасть и жилы,
Конь Пегас идёт «на вы».

Каплет пот, и крылья мокры,
Пашет конь, а не парит.
Застарелой крови охра
На крылах его горит.

Пашут русские поэты
День и ночь, и ночь, и день
В направленьи тьмы и света,
Как Сергей: сквозь светотень.

Ощущая кровность слога,
Ту, что всех других родней,
Ласков с жившими Серёга:
Саша, Мишенька, Сергей.

А в канун звезды вечерней
Канет солнце в прошлый день.
И пленяет нас из сквера
Палых листьев лёгкий тлен.

Журавлиным перекликом
Даль пронзают поезда.
Освещает наши лики
Восходящая звезда.

г. Челябинск

Елена Шай

Воскреснет лотоса цветов

«Шай» — с арабского «чай», на иврите «шай» — «подарок».

Шай — псевдоним поэта из города Александрова, что во Владимирской области, Елены Шкуновой.

«Читаю с четырёх лет сама, а стихи — ещё раньше».

«Иногда пишу на английском, пытаюсь себя же на русский перевести, выходит совсем другое».

В 90-е (трудные, невозможные для творчества) была нарасхват с поэтическими выступлениями «...для жён новых русских. Брала едой и цветами».

В стихах Елены — загадочность и недосказанность, ассоциативный ряд не сдерживается мыслью: он жаркий, солнечный, нескончаемый. Это не эхо и не мираж — а нечто.

Нечто — и есть Елена Шай.

И — к опубликованному ниже: «после жизни в Египте».

Мотыльки

Мотыльков не берут за крылышки, иначе их пыльца сотрется, и они не смогут летать. Им надо просто протянуть открытую ладонь. И поскольку мотыльки создания любопытные, то с радостью примут приглашение поиграть. Иногда они порхают над моим столом в свете настольной лампы. Моя кошка лениво заигрывает с ними, но никогда не пытается поймать. Я не знаю, где спят днем ночные бабочки, но ночью они всегда возвращаются. Не хочется верить, что их жизнь длится не более одной-двух недель. Порой я наблюдаю за их причудливым танцем над лампой и вспоминаю своих соседей — арабскую семью с двумя детьми, ночной пляж и арбуз. Мы часто выезжали развеяться на этот пляж, посидеть у моря, поболтать и покружить с мотыльками. Мустафа, младший из детей, тогда ему было два с половиной года, — моя единственная любовь в этом городе. Все развлечение этих детей — надеть чистые джинсики и рубашки и поехать в центр, поглазеть на толпу, посмотреть на «кабара» (чудовище), — ряженных-зазывал у кафе, побродить по магазинам. Мустафа и его брат Мумин носились среди туристов, смеялись, глазели на витрины, дергали меня за одежду, а потом, утомившись, затихали на руках у кого-нибудь из нас, взрослых. Тогда мы покупали арбуз и ехали часа в три ночи на пляж. Над этим пляжем стоит монумент в память погибших в авиакатастрофе в январе 2004 г. Он ярко освещен, и рядом всегда дежурит полицейский. Мы по-свойски махали ему рукой, спускались к морю и устраивались на нижних ступенях лестницы, чтобы не торопясь разделить арбуз на равные части. Один большой кусок дети всегда относили служителю порядка. Тот с неизменной улыбкой принимал подношение и снова махал нам рукой.

У этого монумента всегда порхали ночные бабочки. Их было множество. Они легко садились на руки, плечи, волосы, одежду. Дети ловили их, глотали арбуз, визжали, крутились вокруг меня, словно сами были такими же мотыльками. Мумину — мальчику с лицом ангела — нравилось их убивать. А я учила его держать ладонь с мотыльком открытой. Он с готовностью повторял все мои движения, но я знала, что стоит мне отвернуться, он опять сожмет руку в кулак. Вместе с мотыльком. Этот мальчик меня обескураживал. Я не обделяла его вниманием, но как-то раз он, увидев, что Мустафа не слезает с моих рук, поймал его в укромном уголке и прижег ему грудь сворованной у отца сигаретой. «Адраби Мустафа, Элина» — «Ударь Мустафу, Элина», — говорил он, если его брат начинал шалить и дергать меня за волосы. Порой я сходила с ума от такой жизни и, возвращаясь с работы, не включала в квартире свет, чтобы побыть одной. Но стоило мне забыться и зажечь ночник, как в окно начинали биться мои мотыльки. Я открывала дверь, шла в душ, переодевалась, поднималась в квартиру их родителей, а потом мы снова ехали в центр и на пляж. Маленький, лопухий Мустафа садился рядом со мной на ступени, прижимался худеньким теплым тельцем и тихо смотрел на звезды. Иногда он показывал на огни летящего в ночи самолета: «Эда, Элина?» — «Что это, Элина?». — «Тайяра», — отвечала я. Он довольно смеялся и что-то быстро начинал лопотать на своем детском наречии, из чего я понимала только то, что когда он вырастет, то они всей семьей сядут на этот самолет и прилетят ко мне в Россию. На четвертый день после того, как я переехала в другой район, чтобы быть поближе к работе — в одной тунике, сандалиях, замотанная, с ноутбуком и сумкой с вещами по первой надобности — на четвертый день, едва я закончила отдраивать новую квартиру, они ворвались ко мне без звонка запросто как и прежде, и опять перевернули все вверх дном.

Мумин вошел первый. Основательно и серьезно осмотрел комнаты, проверил, разложены ли по местам мои вещи, чистая ли посуда в шкафах, есть ли продукты в холодильнике. Потом, как маленький король, он долго стоял на балконе: зелень, бассейн, фонтаны, детские площадки, крытые переходы между домами и увитые цветами террасы. По утрам, когда не слишком жарко, я сидела на этом балконе, слушала воркование голубей, пила кофе и смотрела на море. Этот район разительно отличался от того, где жили мои мотыльки. Я поняла, что Мумин увидел это, когда он по-взрослому посмотрел мне в глаза и спросил: «Эда, Элина, отель?» — «Что это, Элина, отель?» Я, стараясь не отвести взгляда от этих серьезных карих глаз пятилетнего мальчика, спокойно ответила: «Да, Мумин, это отель». И тогда он разжал свой кулачок и протянул мне открытую ладонь: «Энта квайса, Элина». — «Ты — хорошая, Элина». А в это время мама этого мальчика, моя подруга Раша, стояла за моей спиной и до боли сжимала мне запястье.

И до сих пор дома, когда я смотрю, как мотыльки кружатся вокруг настольной лампы, я всегда непроизвольно разжимаю ладонь. А потом иду в кладовку, открываю старинный буфет, где стоит множество пустых бутылок с записками внутри, и ищу ту, в которой спряталось короткое СМС: «Elena, come». Кто-то из моих мотыльков научился писать на английском. Всего несколько слов.

Исида

Открыла вдаль окно из рая,
Ловила взглядом голубей,
На среднем пальце, оживая,
Сверкнул священный скарабей.

И от литья оконных кружев
Скользнула облаком ладья —
Сегодня дождь пойдет по лужам
И влагой напоит поля.

Стекающая с гор, река газелей
Сольется с белою рекой,
Средь изумрудных акварелей
Прольется ярко-голубой.

Земля из вод взойдет, из ила
Проклюнется тугой росток,
И в заводи седого Нила
Воскреснет лотоса цветок...

Глазурь синеющею далью
Плескалась под ее окном —
Сквозило вечно печалью
И вяло живым теплом.

Присев на трон, она устало
Коснулась перстня на руке...
Земля и Небо в точке Тау
Единым стали на реке.

Зов крови

Ее морей познавши глубину и своенравность дрейфовых течений,
Он проклял эту древнюю страну в одном из своих прошлых воплощений.
Из спрятанных от разума глубин, вне звуков чуть прерывистой молитвы,
Он голос слышал, старый бедуин, зов неоконченной, бесплодной битвы.

И моря шум, громадой ярость скал на островах, вулканами проросших,
Он кровью чувал: кто-то его звал, и он не знал переживаний больших.
Все это восходило издали, вне времени, размеренного быта,
Пространства солнцем выжженной земли, песком навек от жадных глаз сокрытой.

Здесь час, как день, не терпит суеты, жизнь айт-атта¹ — дороги и кочевье,
Обычаи и мысли их просты, но голос звал и вызывал влечение
К лугам, покрытым россыпью цветов, озерам-чашам цвета ранних примул...
Амгар н-уфилл², он знал, что был готов вернуться в дом, что так давно покинул.

И выполнив свой долг, из века в век ведя народ бесстрастно пустыней,
Он понимал, что каждый — человек, жил ранее, пребудет и поныне.
Проклятием истерзанная плоть, длань милосердия карающего Бога —
Я проклял рай, прости меня, Господь... Мне искуплением легла дорога.

Принцесса пустыни

Распрямятся плечи, текут между строк караваны,
Лишь дорога излечит, скользя сквозь пески и барханы,
Бесконечное небо сияющей плотью накроет
В том краю, где ты не был, где сердце пустыню откроет.

Ярким взглядом магрибским заставлю тебя обернуться,
Вспыхну красною искрой ночного костра, чтоб проснуться
Снова бодрым и сильным... Опять потекут караваны,
И покроются пылью века, и дороги, и страны...

Вновь сочтется песок между пальцев, а время свернулось,
Извиваясь гюрзой, на восток по пескам протянулось...
Только где-то в пути наши линии пересекутся,
Ведь недаром они в Книге Жизни судьбою зовутся.

В кофейне

Она восходила из зноя и пляжей,
Плыла ароматами старой кофейни —
Мускатом, корицею и флердоранжем —
Три капельки счастья и капля везенья

В фарфоровой чашечке правнук Мустафы —
Такой же высокий, худой и серьезный —
Ей подал с поклоном... Слоны и жирафы
На тех же картинах смотрели на звезды.

Сменялись эпохи, цари и предтечи,
И ластилось солнце к поющему морю.
Она восходила раз в год ради встречи,
А людям казалась чужой, но земною.

И лишь синеглазый хозяин кофейни,
Старейшина рода и вождь бедуинов,
У Бога молил одну каплю везенья,
Чтоб в кофе добавить при встрече с ундиной.

г. Александров

¹ Айт-атта — народ пустыни, кочевники.

² Амгар н-уфилл — верховный вождь, военный лидер.

Пробник

Луна

Луна светила мне вчера,
Как огромное блюдо.
Она была просто громадной
И постепенно опускалась
За те вон леса.

Я даже на крышу залез
Посмотреть на луну и на лес!

Как же она катится по кругу,
Опускаясь всё ниже и ниже
Ко мне, сидящему на крыше,
А свет её лунный освещает округу.

Я так и не понял: была это явь
Или же это мне всё приснилось.

Анатолий Дёмшин

Абхазия

Апрель. Абхазия. Озеро Рица.
На той стороне — дача Сталина.
Может, сходить на неё подивиться?
Не повезло: ремонт на развалинах.

Новый Афон: храмы, соборы...
Красота такая — браво, брависсимо!
Но всё запущено, а значит, поборы
На ремонт республики независимой.

Сухум, гостиница — живого нет места
(Вокруг дома́ с пустыми глазницами) —
В ткань задрапирована, как невеста.
Хлопает тканью, как ресницами.

Тридцать лет пролетело...

г. Челябинск

89

Графоман № 3(43)-2020

Евгения Матвеева

Чей голос я слышу

* * *

Жила как в футляре,
закрывшись от мира,
чтоб сердце от ран уберечь.
Зачем-то мне нужно
спрятаться было
от этих ненужных встреч.
И только когда
стало невыносимо
от одиночества и пустоты,
открыться решила:
собой поделилась
в безбрежном пространстве сети.
Мой друг виртуальный,
такой же пришелец,
Отшельник и странник в пути,
Чей голос я слышу
и чутко внимаю
словам, что надежду внесли.
Как важно поверить,
что чудо возможно,
открыть для себя новый мир,
где есть пониманье
и есть состраданье —
созвучий сердечных пир.
Тепло и поддержка
летит сквозь пространство,
дороги открытой путь.
Возможна ли встреча?

Или нереально?
Об этом, душа, не забудь.

Обиделась

Ёжиком колючим
Съежилась душа,
Выставив иголки,
Не трогайте меня!
Вот не научилась
Мужчинам доверять,
Легко и беззаботно
Чувства проявлять.
Только лишь расслабишься —
Получить изволь.
Вольно иль невольно
Причиняют боль.
Может, просто надо
Жестче быть, сильнее?
И не подставляться
Слабостью своей?
Вновь иголки к бою
Готова наострить:
От чуждого вмешательства
Мир свой защитить.

п. Уйское

Сергей Семенов

Не жалею я о том,
что не родился продавцом,
не юристом
и не заслуженным артистом.
Не жалею я о том,
что в жизни был я агроном:

Ирина Соловьёва

Одно окошко светится

* * *

Вечер. Тихо. Палата в больнице
Освещается... день или ночь?
И весь день словно пленник в темнице;
От безделия всем уж невмочь.

По палатам народ тихо ходит,
В коридоре гул чьих-то шагов.
То один, то другой медик входит,
Каждый чем-то помочь нам готов.

А больные лежат на кроватях:
Кто читает, а кто уже спит,
Или ходят по коридору,
Или так просто кто-то лежит.

* * *

Заснули улицы. Давно
Заснули города.
В больнице светится окно:
Не спит там медсестра.
Не спит она: покой ночной
В больнице бережёт —
А если вдруг больной какой
На помощь позовёт?
И медицинская сестра,
Хрустально хрупкая, всегда
К больному тихо подойдёт,
Рукою нежно проведёт
И голосом ручья звончей
Промолвит слово ласково.
И хоть уснули все давно —
Вот почему горит окно.

Голубые глаза

Я с волнением в глаза смотрю
Незнакомому этого парня.
Я такие глаза люблю:
С чёрными — стрелой — бровями.

Не могу я спокойно смотреть
На такие прекрасные очи...

Не жалею

не щадя ни времени, ни сил,
я в полях хлеба растил.
Тот, кто пережил войну
и на фронте, и в тылу,
знает каждый человек,
что для жизни значит хлеб.

г. Южа

От их взгляда нельзя умереть,
Но от них не заснёшь ты и ночью.

У него такой нежный взгляд.
Очи синие... Нет, голубые.
Он, конечно, не виноват,
Что глаза у него вот такие.

А глаза те как море бездонны
Утонуть можно в море и в них.
Словно в зеркале, видятся доли,
Горы — всё в тех глазах голубых.

Глубоки те глаза будто омут.
Не пройдёшь просто мимо таких.
Жаль, что эти глаза у другого...
Не могу наглядеться на них.

Я смотрю в те глаза, как на чудо,
И сердечко трепещет в груди.
Зачарована, ими люблюсь,
Только ты на меня не смотри!..

Как посмотришь в глаза — я не знаю,
Куда спрятать свои от тебя.
И тайком я тебя «пожираю»,
Чтоб надолго запомнить смогла.

Чайки

Чайки, чайки,
Белокрылые чайки.
Вы над морем летаете,
Вы, наверно, всё знаете.
Чайки, чайки,
Белокрылые чайки.
С рыбаками встречаетесь,
В океане плещаетесь.
Чайки, чайки,
Белокрылые чайки.
Острова вы все знаете
И с китами играете.

Чайки, чайки,
Белокрылые чайки.
В лучах солнца купаетесь
И волной обливаетесь.
Чайки, чайки,
Белокрылые чайки!..

Телёнок

Вот поле. Рядом с ним — лесок,
Куда бежит дорога.
На поле, в мураве — бычок,
А рядышком — корова.

Она стоит и травку рвёт,
Да смотрит по сторонкам:
Следит за маленьким сынком,
Совсем ещё ребёнком.

Её телёнок-сосунок,
Забыв про маму рядом,
Бежит стремглав не чуя ног,
Подкидывая задом!

Пока телёнок несмышлён
И жизни он не знает,
А потому он восхищён.
Но скоро всё познает.

г. Снежинск

Наталья Шшлева

* * *

Утро

Вот проснулось утро, и туманный рассвет.
На ромашковом поле — ближе к сердцу нет.
Просыпаются с росой, и звенят луга в тиши.
Ах, какое это лето! Праздник всей души.
Голубая синь в озёрах — зеркало небес,
Облаков пушистых стаи по воде плывут.
Соловья услышу трели, как благую весть —
В сердце, как приметы детства, все они живут.

Голубые глаза Урала,
Видно вас с высоты облаков.
До чего же милы и объёмны
В эти вешние дни средь оков.
Ещё лёд не пошёл, не растаял
Запоздалой этой весной.
Я смотрю и люблюсь такую
Первозданной твоей красотой.

п. Увельский

Дмитрий Чапаев

Осень

92

Граффити № 3(43) - 2020

Берёзы стояли с шикарными шевелюрами темных, насыщенных зелёным цветом листьев. Но уже кое-где виднелись жёлтые пряди, как будто с проседью, они говорили о начале осени...

Прошедшие дожди враз покрасили листву тополей и клёнов в жёлтый цвет. Середина сентября, сижу, закутавшись в плед, смотрю в окно... Шум дождя убаюкивает, струйками скатываясь по стеклу. В доме прохладно, и я ёжусь под пледом у разогревающегося каминна. Вот тепло начинает подкрадываться ко мне, позволяя раскинуться в кресле-качалке. Заварю-ка я чаю...

Аромат трав и меда наполняет комнату, дождь стучит тихонько о подоконник, а ветер поворачивает на крыше флюгер, немного поскрипывая им. Смотрю в большие окна: открывается потрясающий вид на лес. Пора идти за грибами. Кот сел около меня и уставился в окно. Немного посмотрев, прижался к ноге и начал мурлыкать, камин согрел и его.

Красота... Дождь постепенно стих, и неплотный туман накрыл окрестности. Я вышел на веранду, надев тёплый свитер. Прохлада.... Влажный, тягучий воздух прогнал мурашки по коже.

— Брр... — Нет, лучше домой, к камину, в плед и растянуться на шкуре, выпить ещё чаю с пряниками и почитать.

Уже темнело, небо очистилось от туч и стали видны звёзды. Небо такое тёмное, глубокое, звёзды умылись дождиком, то и дело подмигивая друг другу...

Решился выйти, прогуляться перед сном. Зажглись фонари в саду. Яблони, дорожки — всё заискрилось от влаги. Хорошо... Тишина... Шлёпая по лужам, я побродил минут двадцать по саду, набирая полную грудь этого прохладного, влажного воздуха. Завтра будет тепло, пойду в лес. Может, наберу грибов на суп или просто пройду, дыша синим небом, обниму берёзки, а потом нарисую их шикарные шевелюры с жёлтой проседью...

Туман

Было уже пять утра, когда я вышел из палатки. Втянул носом ароматный воздух и потянулся. Густой туман застилал всё вокруг: озеро, поля, лес. Было тихо и спокойно как на душе, так и вокруг. Я бросил спиннинги в лодку, оттолкнулся от берега и уселся за вёсла. Всплески от вёсел разнеслись по воде, тут же крякнули утки и выпрыгнуло из воды пару рыбёшек. Я плыл, раздвигая туман, ориентируясь только по слабому очертанию берега.

Опустив якорь с прикормкой, я забросил спиннинги, навесив на них колокольчики. Тишина и туман окутали меня. Я улёгся в лодку, устроившись поудобнее, как мог. Вода была тёплой. Это чувствовалось сквозь днище. Туман плыл надо мной густыми хлопьями. Вдалеке слышались щелчки хлыста и мычание коров — пастухи погнало стадо. Кукушка прокричала несколько раз, её сменил соловей и кузнечики. В этот момент появились первые лучи солнца, слабо пробивающие пелену тумана. Подул ветерок, принесся запах трав и росы. Туман зашевелился, начал крутиться, то расступаясь, то сгущаясь вновь. Как будто не хотел уходить с озера, как старый кот, которого согнали с места.

Я лежал в лодке, смотрел и слушал, впитывая через кожу всю эту красоту. Солнце поднималось всё выше, прижимая туман, а он упрямо не хотел уходить. Вода испарялась, отдавая тепло и подпитывая его. Я дышал, наполняя грудь этим влажным воздухом, будто пил. Вспомнил детство, как так же с дедом приезжал рано утром на речку, спал в машине, радовался теплу восходящего солнца.

Звякнул колокольчик спиннинга. Я поднялся, леска чуть напряглась и натянулась: клюёт. Взяв его в руки, я начал крутить ручку, сматывая леску, тут же слышался всплеск и удилице согнулось. Карпёнок сопротивлялся, не желая идти на поводу.

— А, вот ты где, — я поддел его подсадчиком. — Малыш.

Сняв его с крючка, отпустил обратно в воду. Неохота было шевелиться, и я улёгся опять, слушая тишину вокруг, наблюдая, как туман медленно сползает к лесу, уступая место солнцу. Я не мог насытиться этим моментом, ощущением тишины и счастья, благодати этого мира...

г. Южноуральск

Любить нельзя ненавидеть

— Косиножка идёт, глядите, косиножка ковыляет! — кричали мальчишки на улице.

Они шли дружной троицей позади мальчика, который, прихрамывая, старался идти побыстрее. Он делал вид, что не замечает своих обидчиков. Ему было страшно. Не в первый раз его так догоняли и обижали. Надеяться, что встретится кто-то из преподавателей и его обидчики тогда отстанут, не приходилось. «Надо терпеть, надо быть сильным. Мне ещё много дел предстоит. Что за пустяк — обидное прозвище. Есть дела и поважнее», — мысленно твердил он себе.

Мальчик был тщедушный. Из-за полученного при рождении ДЦП хромал и приволакивал одну ногу. Да и с руками не всегда получалось хорошо справляться. Хилое тело никак не хотело обрастать мышцами. Он выполнял все упражнения, назначаемые врачами, ходил дополнительно в спортзал при детском доме, в котором жил. Старался побольше есть. Но ничего не помогало. Большеголовый, с умными глазами и с изуродованным телом, он действительно чем-то походил на безобидного жучка — косиножку.

Вот наконец и двери детдома. Быстрее юркнуть за них. Чужих туда не пустят.

— Привет! — поздоровался охранник, — Как дела в школе? Много двоек получил?

— Нет, вы же знаете, что я хорошо учусь.

— Да знаю, знаю. Просто так, шучу.

— Да я понимаю, — мальчик улыбнулся, — пойду к себе. Надо немного отдохнуть и уроки делать. Сегодня много задали.

Охранник с грустью посмотрел вслед. Ему было жаль, что больной парень вынужден учиться в обычной школе. Но в их маленьком городке специальных школ не было, а уезжать отсюда мальчик категорически отказывался. Он никогда не жаловался, был старательным и послушным, хорошо учился.

Подойдя к своему шкафчику, он открыл его. Повесил одежду, поставил обувь. Потом, осторожно оглядевшись, нет ли кого поблизости, достал глубоко запрятанную папку. В ней лежал всего один листочек бумаги — вырванная из какого-то журнала картинка. На ней была запечатлена роскошная женщина в красном концертном платье и с микрофоном в руке. Мальчик благоговейно прикоснулся непослушными пальцами к её платью, её волосам, её рукам. Потом аккуратно прижался к картинке щекой. В какой-то миг мужественно сдерживаемые слёзы едва не вырвались из глаз.

— Мама, почему же ты меня потеряла? Найди меня скорее. Я так скучаю по тебе! Мама!

Тут он услышал в коридоре шум. Кто-то шёл в группу. Мальчик молниеносно спрятал картинку обратно в папку и затолкал её вглубь шкафчика за свои вещи. Потом схватил первую попавшуюся футболку, закрыл шкаф и пошёл в комнату. Он очень боялся, что кто-то узнает про его секрет. Однажды он поделился своей тайной с одноклассником. А тот оказался болтливым и рассказал об этом всей школе. Над ним долго смеялись. Куражились. Пришлось долго ждать, когда всё забудется и больше никто не будет вспоминать об этом. Сейчас на его лице была лёгкая улыбка. Никто бы не догадался, что секунду назад его душа горько плакала от тоски и одиночества.

Почему именно эту женщину он считал своей матерью, было непонятно. Их ничего не связывало. Дети из детдомов часто придумывают себе родителей. Живут надеждой встретиться хоть когда-нибудь. Готовы прощать им любые предательства и унижения. Придумывают для них разные, порою нелепые, оправдания. Не был исключением и этот мальчик. Он почему-то считал, что мама каким-то образом его просто потеряла. Что она специально стала знаменитой и теперь везде ездит с гастролями, чтобы найти его. И даже это красное платье для съёмок надела специально, что бы сын увидел её и знал, что она его ищет.

— Так, дети, — воспитательница подняла руки, призывая к вниманию, — завтра к нам в город приезжает с концертом известная певица. Нам выделили билеты на её концерт. Кто хочет пойти, надо записаться у меня.

В груди у мальчика что-то сильно кольнуло: «Мама приезжает! Это она, обязательно она. Не может быть по-другому. Никак не может!» Сердце от волнения быстро забилося.

— Можно мне пойти? Запишите меня, пожалуйста!

Воспитательница с сомнением посмотрела на него.

— Может, тебе не надо? Тебе трудно будет просидеть весь концерт на одном месте.

— Нет, не трудно. Я же сижу на уроках. И тут продержусь. Пожалуйста, запишите меня!

Женщина увидела его глаза, полные мольбы и слёз от страха, что его не возьмут. Она помнила историю про портрет «женщины в красном» и как трудно мальчику пришлось тогда. Кроме того, она знала, что приезжает именно та певица, которую он считает своей матерью. Немного поразмыслив, она решила всё же сводить его на концерт. Может, когда он увидит её вживую, то перестанет грезить и будет просто жить.

— Хорошо, я тебя записываю.

— Ура! Я пойду на концерт! А когда?

— Завтра вечером. Прошу не опаздывать на наш автобус. Ждать никого не будем.

Весь день прошёл как во сне. Он не понимал, что происходит на уроках. Отвечал невпопад. Даже двойку чуть не получил, чего никогда с ним не было. Вечером он первый сидел в автобусе и ждал остальных.

Вот и преодолены ступеньки Дома культуры, фойе. Вот он уже сидит в зале на своём месте и смотрит на закрытый занавес.

Концерт пролетел как одно мгновение.

Он не запомнил, о чём были её песни. Всё это время он просто слушал её голос, представляя, как бы она пела ему колыбельную. Всмотривался в её лицо, такое красивое и родное. Запоминал её малейшие движения, представляя, как она ходит по дому, играет с ним. Сердце и душа были настолько переполнены счастьем, что реальность перестала существовать. Исчез зал, исчезли люди. Остались только он и его мама. Она была так близко, почти рядом. Ещё мгновение, и она подойдёт к нему. Обнимет. Прижмёт к себе, и страшный сон, который почему-то называли реальностью, исчезнет навсегда.

— Мальчик, очнись, — какая-то женщина потрепала его за плечо. — Концерт окончен, дай пройти.

Не сразу понял, что произошло. Шум, движение. Мимо него, толкаясь, проходят люди. Машинально он тоже встал и стал протискиваться между сидений к выходу. Мельком глянув на сцену, увидел, что занавес закрыт и там никого больше нет.

Что делать? Надо быстрее пробраться в фойе. В такой толкучке будет довольно легко пробраться к гримёркам. Взрослый бы точно не прошёл! А он маленький, у него может получиться.

Долго протискивался вдоль стены, прячась буквально за каждым выступом, за каждым человеком. Он добрался до двери, ведущей в служебные помещения. Дождавшись, когда оттуда кто-то вышел, прошмыгнул внутрь. В коридоре был полумрак. Найти нужную гримёрную не составило большого труда. Подойдя к двери, он постучал. Сердце колотилось в груди, заглушая все остальные звуки.

Надеясь, что ему ответили «войдите», он открыл дверь и переступил порог.

Женщина сидела у зеркала. Когда он вошёл, она повернулась к нему с широкой улыбкой.

Увидев перед собой мальчика-калеку, она вскочила. Улыбка исчезла с её лица.

— Кто это? — она ткнула пальцем в направлении ребёнка. — Уберите его отсюда! Сейчас же!

— Мама, я твой сын! Ты не узнала меня? — голос у мальчика задрожал.

Он стоял совсем растерянный. Мама его не узнала. Но этого не может быть! Надо просто ей всё объяснить. Она поймёт. Просто она устала и не узнала его.

— Кто «мама»? Я — мама?

— Да. Ты моя мама. Ты потеряла меня несколько лет назад. Вспомни. Я нашёлся. Я знал, что мы встретимся. Я так ждал тебя! — мальчик с надеждой вглядывался в её лицо.

— Какая я тебе «мама»? — женщина была вне себя от гнева. — У меня нет и никогда не было детей! Тем более таких уродов! — Женщина в истерике впечатывала слова. — Уберите его отсюда. Охрана!

В двери влетел здоровенный мужик.

— Почему ко мне пускают посторонних? Почему здесь проходной двор? Давно работу не искали? Я могу это исправить! — Её крик превратился в визг.

— Виноват! Сейчас всё сделаю.

Мужик сгрёб мальчика за одежду. С лёгкостью поднял его и вынес за дверь, а потом и на улицу.

— Чей ребёнок? Почему за детьми не смотрим?

— Да это наш, — отозвалась воспитательница из детдома. — Давайте его сюда.

Мальчика, как нашкодившего котёнка, швырнули в автобус. Воспитательница помогла ему подняться, сесть на своё место. Ему же было всё равно, как он поедет, да и поедет ли вообще.

Мир рухнул. Осталась только бездна, куда он падал, падал, падал...

Очнулся он только ночью, на своей кровати. Долго лежал, глядя в потолок. Увидев её вблизи, он понял, что не ошибся. Она и есть его мама. Тонкая ниточка, что связывает мать и сына, почувствовалась ещё сильнее. Вот только видеть его она почему-то не хочет. Может, он, действительно, такой страшный урод. А у неё должно быть всё только самое лучшее. Ведь она такая красивая и такая талантливая. Ведь она его мама!

В голове моментально созрел план. Тихонько одевшись, он вышел из спальной комнаты в игровую. Сел за стол у окна. При свете уличного фонаря написал письмо. Свернул его, написал её имя.

Потом тихо прошмыгнул в раздевалку к своему шкафчику. Обулся, надел куртку и, прихватив ещё кое-что, открыл окно и вылез на улицу.

Было далеко за полночь. Мальчик очень торопился. Боялся, что его отсутствие заметят и вернут обратно, не дав осуществить задуманное.

Добравшись до гостиницы, где остановилась певица со свитой, он долго колотил в дверь. Наконец заспанный портье открыл её. Мужчина улыбался, думая, что пришли новые постояльцы, но увидев перед собой ребёнка, растерялся.

Мальчик, тем временем, сунул ему в руки записку, и попросил передать её певице, сказав, что в ней он благодарит женщину за выступление.

Листочек был заклеенный. Портье, желая быстрее отделаться от незваного посетителя и быстрее вернуться к своим снам, демонстративно положил записку в ящик с портретом певицы. Там уже лежало с полсотни таких записок.

— Доволен?

— Да, большое спасибо. А она точно прочитает её? — мальчик недоверчиво замялся.

— Даже не сомневайся! — портье ободряюще похлопал его по плечу.

— Хорошо, спасибо вам. Я пошёл.

Мальчик вышел из гостиницы и направился к соседнему дому.

Это был единственный высотный дом у них в городке. Он зашёл в подъезд. Лифт, как всегда, не работал. Пришлось до самого верха идти по лестнице. Это было трудно. Приходилось отдыхать на каждом этаже. Потом ещё лезть по настенной лестнице прямо на крышу.

Вся эта дорога заняла у него много времени. Когда он добрался до крыши, ночь прошла и наступил рассвет. Краешек неба уже порозовел. Ещё немного, и появится первый лучик солнца.

Мальчик смотрел на рассвет и улыбался. Потом он достал из-за пазухи папку, открыл её, взял, хранившийся там листочек, прижал его к груди.

— Как красиво! Хорошее я выбрал время!

И он шагнул в пустоту...

Утром певица была в большом раздражении.

Сначала этот инцидент с мальчиком после концерта. Потом, под утро, когда она наконец уснула, вой сирены «скорой», ранний подъём.

Машину, на которой она должна была ехать дальше, подали с задержкой.

Сев в машину, она продолжала ругаться со своим директором.

— Зачем ты только притащил меня в этот городишко! Столько лет я не была здесь, и сейчас не надо было приезжать. А если бы меня кто-то узнал?

— Ну что ты! Прошло столько времени. Теперь у тебя совсем другой имидж. Другая внешность, другая фамилия.

— Если мой муж узнает, что в шестнадцать я родила ребёнка, да ещё и уroda, он меня бросит. И куда я пойду после этого? Кому буду нужна без его денег?

— Не паникуй! Никто ничего не узнает. Кому поверят? Тебе или этому пацану? Да и не может он знать, кто его мать. Рожала ты его под другой фамилией. Отказную сразу написала и уехала.

Женщина ничего не ответила. Чтоб занять себя в дороге, начала вскрывать и читать оставленные ей в гостинице записки поклонников.

Развернув очередной листочек и пробежав его глазами, неожиданно велела остановиться.

— Дорогая, что за блажь? Мы опаздываем!

— Останови, я сказала.

Машина остановилась. Женщина вышла из неё. Отошла немного за обочину. Закурила. Потом опять поднесла к глазам письмо.

«Дорогая мамочка! Вчера я был на твоём концерте. Ты так хорошо пела! Мне очень хотелось услышать, как ты поешь мне колыбельную. Но не всем мечтам суждено сбываться.

Мамочка, я очень сильно тебя люблю. Помни это. Я понимаю, что в твоей жизни всё должно быть идеально, а я не такой. Прости меня. Мамочка, обещаю, что больше никогда тебя не потревожу, никогда не дам знать о себе. Спасибо за всё и прощай. Твой сын».

Женщина дочитала письмо, докурила сигарету. Задумалась. Потом щелчком отбросила окурочек и дрожащей рукой поднесла зажигалку к письму...

г. Нязепетровск

Нам время трудное досталось...

Нам ненавистна та война.
Будь трижды проклята она.

Я помню детскую тревогу,
Она была везде, во всём:
Подстерегала за порогом,
Входила молча в каждый дом.

И сутки круглые в Челябину
Шли эшелоны с мест войны.
Мы жили близко от вокзала —
Все звуки были нам слышны.

Не сосчитаешь те вагоны:
Несметно шли к нам эшелоны —
Везли заводы на восток
И беженцев сплошной поток.

Оборваны, истощены,
Бежали люди от войны.
И моя память этих дней
Не даст забыть своих друзей.

Друг Боря видел бомб разрыв —
Не забывал он долго их:
Услышав самолётный рёв,
Искал укрытие и ров.

Никто над этим не смеялся:
Мальчишка «мессеров» боялся.
Тот ужас, что он испытал,
Его спастись заставлял.

Твердил мой тёзка без конца:
«Хочу увидеть я отца.
Как только вырасту большой,
Я к папке полечу стрелой».

Судьба с ним обошлась сурово:
Ушёл отец фашистов бить,
А мать нашла себе другого...
Не нам дано её судить.

Друг эту боль в душе носил:
Отца он всё же навестил.

На нашей улице негромкой
Народный суд ещё стоял.
В подвале с мамой и сестрёнкой
Друг Шурка вместе проживал.

Наверно, с южных мест явился
К нам на холодный наш Урал.
С морозом так и не смирился —
От холода всегда страдал.

Его отец на фронте был,
Там голову свою сложил.
Он в это не хотел поверить,
Пытался, как уж мог, проверить.

Когда мужчину он встречал,
Один вопрос лишь задавал:
«Вы мою просьбу разрешите:
Не вы ль наш папа, мне скажите?
Сестрёнка, я и наша мама —
Давно вас ищем мы упрямо».

В глазах мальчишки столько боли,
Надежды и глухой тоски!
Ответ один: «Не ваш я папа», —
И взгляд отводят мужики.

Но Шурка — он мужик в семье,
Он в первый класс готов вполне.
И вот уже в который раз
Мужчинам повторял рассказ.

Солдат в бушлате иль шинели,
В кирзовых сапогах стоял,
Курил махорку непрерывно
И дым махорочный глотал.

Мешок солдатский он поправил,
Дал Шурке сахару кусок:
«Прости меня: не ваш я папа.
Ошибся, значит, ты, сынок».

Он Шурке голову погладил
И заглянул ему в глаза...
Заметил я, как у мужчины
Катилась по щеке слеза.

Казалось мне: страданиям друга
Не будет никогда конца.
Он, несмотря на все потуги,
Не смог вернуть себе отца.

К нему и к маленькой сестрёнке
Судьба безжалостна была:
Болезнь и горе им вдогонку —
Их мама вскоре умерла.

Одна их женщина пригрела
И воспитала, как сумела.
Сирот, как было в те года,
Спасла святая доброта.

Мы дети страшных лет войны.
В несчастьях нет нашей вины.
А виновата в том война:
Её вина, её вина...

Нина Калева-Прохоренко

Дорогой читатель!

Это повествование от лица моей мамы, Анны Андреевны Прохоренко. Она проживает на Брянщине, в посёлке партизанской славы Белая Берёзка!

В августе настоящего года маме исполнилось 88 лет. Она непревзойдённый рассказчик о детях Великой Отечественной войны и оккупации фашистами нашей священной Родины. Мама не рассказывает, она — живописует!

Её устные рассказы открывают новые, правдивые, порой противоречивые страницы жизни людей, вынужденных с августа 1941 по сентябрь 1943 г. жить и работать в условиях немецко-фашистской оккупации.

Марфа

Детям Великой Отечественной войны посвящается!

Ступеньки

Женщины, среди которых была и наша Марфа Ивановна, вышли на опушку леса и с облегчением вздохнули... Два месяца подряд подруги работали по вербовке в Трубчевском лесхозе на подсочке и лесопосадочных работах. Они достойно выполнили свою работу и теперь мечтали поскорее вернуться домой.

Их путь лежал через лес и был долгим и непростым! Местами лес был до того густым и труднопроходимым, что, казалось, перед ними внезапно вырастает стена... Дебри Брянского леса, плотно соединив вверху свои кроны, окружали наших подруг сказочным полумраком. Женщины чувствовали себя в лесу как дома. Они любили уют и затаённость этого старого и доброго леса! Он всегда давал им защиту, работу, питание, украшал жизнь каждой из них.

Усталость проделанного пути сказывалась. Нужное направление, в котором шли домой наши подруги, неожиданно терялось. Никогда ещё так часто не возникали перед ними топи да болота, которые приходилось долго обходить... Тогда они останавливались, думали, рассуждали. Каждая из них убедительно доказывала своим подругам, куда следует идти. Спорили друг с другом, сердились, но снова безошибочно шли дальше.

Природное чутьё людей, рождённых в селеньях Брянского леса, не давало им ошибиться. И они радовались свободе, которой наделила их природа, верили в свою силу и выносливость. Самая голосистая из них неожиданно запела бархатным, грудным голосом задушевную народную песню. В этот голос тут же влились другие женские голоса. Брянские дебри бережно расступались перед смелыми и сильными женщинами, заботливо уступая им дорогу.

Вековые леса Брянщины... Было в их шуме и строгости много такого, о чём женщины не догадывались.

Брянский лес имел вековую память! И шумел сейчас о том, как он мужественно воевал с татаро-монгольским нашествием, выстоял и победил! Хан Батый попробовал одолеть дебри Брянского леса. Несколько раз он пытался войти со своей несметной ордой в первозданные русские поселения, но лес окружал их непроходимыми тропами, болотами и топями, в которых гибла орда. Опытный воин Батый вынужден был отступить перед мужеством Брянского леса! В те давние времена татаро-монгольские племена завоевали много русских городов и сельских поселений, а вот Брянщину враги взять не смогли. Её защитили с Божьей помощью дебри Брянского леса!

Марфа Ивановна и её надёжные спутницы стояли на краю леса. Заходящее на горизонте солнце ярко слепило. Сложив козырьком перед глазами ладони, подруги всматривались в знакомые контуры на горизонте. «Девчонки! Какое счастье жить!» — закричала на весь лес одна из них! И все, не сговариваясь, бросились бежать навстречу пылающему на закате солнцу!

...Стоило им сделать несколько шагов в направлении деревни Бородёнка, как раздался выстрел, эхо которого ещё долго повторяло в глубине Брянского леса глухие, пугающие звуки. Наши подруги оцепенели. В нескольких шагах от них стояли вооружённые фашисты! Угрожая оружием, они бросились к женщинам. «Партизаны? Партизаны!» — кричали немцы.

Женщины были напуганы и растеряны. Они не могли понять, что произошло за время их отсутствия. Когда они уходили на работу в лесхоз, который располагался в глубине Брян-

¹ Продолжение. Начало «Графоман» № 2/2020.

ского леса, то немцев в этих местах ещё не было. Жизнь была спокойной и размеренной. Никто тогда и предположить не мог, что в родные селенья придут немецко-фашистские оккупанты и останутся здесь жить, устанавливая свои порядки.

Марфе и её подругам связали руки. Привезли их в Трубчевск и как пойманных в лесу партизан бросили в сырой и холодный подвал. В те злосчастные времена немцы хватили всех, кто находился в лесу или выходил из него. Они не разбирались, что там человек делал. Для фашистов все эти люди были партизанами. Немцы арестовывали всех подряд и бросали в подвалы.

В подвале людей было много. Они сидели голодные по нескольку дней. Некоторые из них болели, лихорадили. Здесь было сыро и холодно. Арестованные вели себя тихо, чтобы немцы не били их прикладами оружия.

Были среди них и разговорчивые. Одни рассказывали, как фашисты выследили их, когда они собирали хворост. Других взяли, когда люди заготавливали в лесу дрова.

Два раза в день дверь подвала открывалась, и немцы недовольным голосом вызывали людей, выкрикивая их фамилии. Быстро выводили арестованных из подвала, и больше эти люди сюда не возвращались.

Спустя сутки Марфу с её спутницами немцы также вывели из подвала. Их привели к храму, где они получили задание. Женщинам было сказано, что возле храма будет строиться хранилище для зерна и склад для продуктов. Поэтому нужно выкопать яму глубиной не менее двух метров и шириной четыре метра. Дали им лопаты, и подруги начали копать.

Следили за их работой полицаи. Их было человек десять. Все были вооружены и куда-то всё спешили. Одного из полицаев Марфа узнала. До войны у него были проблемы с властью, и она ему помогла. Не помнила Марфа, что это было. Но оказалось, что знакомый полицай всё это время добро не забывал!

Проходя очередной раз мимо Марфы, когда другие полицаи не могли слышать, он тихо сказал ей: «Марфа Ивановна, добро не забывается! Слушай внимательно! Вас всех немцы планируют уничтожить. Яму вы роете для себя! Копай яму и делай ступени. Следи за мной! Как дам знак, выскакивай и беги!..» Марфа поблагодарила его одним взглядом.

Сомневаться не приходилось, слишком очевидно всё было... Рядом с ней выгребала землю её лучшая подруга Дуня. Она слышала тихие фразы полицаев. Марфа сказала ей: «Давай готовиться к побегу! Когда будешь землю копать, то делай незаметные ступеньки в земляной стене. Полицай даст мне знак, когда можно выскакивать из ямы. Будь готова! Делай все так, как я, тогда мы спасёмся обе!» Дуня грустно усмехнулась и ответила: «Кому ты поверила? Полицая! Я ему не верю! Он ничего не знает. Нам сказали, что мы копаем яму для зернохранилища!»

Времени на разговоры с Дуней не было. Уже подходили другие полицаи, заглядывали в яму, с пристрастием оценивали работу. Во всём чувствовалось их напряжение. Они явно куда-то спешили. Кричали грубо и раздражённо: «Бабы, не тяните резину! Быстрой копайте!»

Марфа Иванова работала быстро. Она так отваливала пласты тугой земли, что оставались небольшие ступеньки. Яма постепенно углублялась. Начался тяжёлый слой глины. Марфе и здесь удалось сделать несколько ступеней.

Когда яма была почти готова, то снова появился знакомый полицай. Марфа внимательно следила за каждым его взглядом, за каждым движением. Время тянулось медленно. Дважды он проходил мимо ямы, затем быстро поворачивался спиной и уходил. Марфа ждала. Сердце учащенно билось. В голове стучало: «Неужели он обманул? Дуня была права? Ещё немного, и немцы придут проверять яму?! Тогда...» Вдруг она почувствовала, как в неё кто-то бросил ком земли. Он ударил её в спину, и она поняла, что это и есть условный знак!

Марфа вздрогнула... Не оглядываясь по сторонам, она словно взлетела над поверхностью ямы. Спустя несколько секунд она стремглав мчалась в сторону густого кустарника. Он заканчивался глубоким оврагом. Неожиданность, с которой ей удалось вырваться из ямы, на некоторое время привела вооружённых до зубов немцев и полицаев в замешательство. Это были всего лишь секунды, но именно они дали ей жизнь!

Когда немцы начали стрелять, то она уже была возле кустарника. Её ранило в руку, но Марфа боли не чувствовала.

Немцы и полицаи уже бежали в направлении кустарника и стреляли часто, на поражение цели. Марфа, царапая себе лицо и кожу, успела проскочить густой кустарник. Она бросилась в овраг, густо заросший зелёной травой. Она бежала, падала, поднималась, катилась, разбиваясь о старые коряги. Марфу швыряло в разные стороны. Пули пролетали рядом. В одно из таких мгновений пуля задела Марфу Ивановну, да так, что она потеряла сознание.

Немцы с полицаями решили, что Марфа убита. Им было лень спускаться в заросший кустарником и высокой крапивой глубокий и опасный овраг.

Когда Марфа пришла в сознание, то увидела, что зелень травы и мелкого кустарника плотно смыкались над её головой. Она боялась пошевелиться. Любое движение вызывало боль. «Значит, я живая!» — подумала Марфа.

Боль то уходила, то возвращалась к Марфе приступами. Силы её покидали. Чувствовала, как тёплая кровь стекала с её тела и уходила в землю. Сознание становилось спутанным. «У меня несколько ранений, но я не знаю точно, где мои раны...», — думала Марфа, уходя в забытие. Мысли медленно и лениво переходили она к другой... Ей не было страшно. Но где-то глубоко, в подсознании оставалась досада, что силы её покинули и не выбраться ей самой из этой западни. Марфа теряла сознание. Оно возвращалось к ней всё реже и реже. Когда проблески сознания посещали её, то неистребимый пульс жизни твердил ей свою молитву: «Ты живая, Марфа! Ты спасена! Не сдавайся, Марфа! Мы с тобой ещё повоюем!»

Поздно вечером, когда осенняя прохлада дружит с луной, овраг ожил, возникли тихие голоса. Марфу вынесли двое молодых мужчин. Она не помнила, как это было, так как была без сознания.

Прошло несколько дней после того, как Марфа Ивановна пришла в сознание. Оказалось, что за ней ухаживали и кормили незнакомые ей люди. Здесь её скрывали от немцев. «Значит, здесь место безопасное!» — лёжа на чистом белье, тихо думала Марфа. Марфе вспомнились слова знакомого полицая, спасшего ей жизнь: «Добро добром окупается!» Значит, это был он... Он спас её дважды!

Время стремительно бежало. Марфа окрепла и смогла передвигаться самостоятельно. Оставаться у добрых людей было небезопасно как для неё, так и для них. Нужно было расставаться. Она уходила от своих спасителей с чувством великой благодарности и со слезами на глазах. Простые и незнакомые ей люди, рискуя своей жизнью, поставили её на ноги.

Первое, что она начала выяснять, где в настоящее время находятся её подруги? У неё была надежда, что все они живы и здоровы. Но оказалось совсем иначе. Их закопали всех живыми в вырытой ими же яме!

Захватчики никого не щадили: ни старых, ни малых, ни женщин, ни детей! Немецкий фашизм на оккупированных территориях был жестокий, безжалостный. Эти зверства видели население. В нём рождался дух противостояния и ненависти к фашистам. Крепкие и здоровые люди уходили из деревень в лес, формировали партизанские отряды.

Брянский лес знал жизнь такой, какой она есть! Он надёжно укрывал своих новых обитателей, помогая им преодолевать временные трудности. Это о нём, нашем благородном лесном Великане, напишут позже благодарные потомки:

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест, как шли
Как шли на битву партизаны!

Рубленый дом

Великая Отечественная война закончилась для нашего Отечества и его народа победоносно! Началась мирная жизнь. Всё нужно было восстанавливать с самых основ.

По деревням весь труд был ручной, физически тяжёлый. Марфа уже не могла работать, как прежде. Годы брали своё. Здоровье было подорвано большим напряжением беспощадного труда прежних лет.

Её дом был разрушен фашистами, поэтому жить ей приходилось в большой семье дочери Насти. Люди в семье были заботливые, добрые. Места всем хватало.

Да только вот была у Марфы мечта! Хотела она иметь свой угол! Верила Марфа, что успеет построить себе рубленый дом, чтобы был он прочный и надёжный, красивый и на века!

И вот однажды, в один из важных для Марфы дней, она открыла тяжёлый сундук и вытащила из него туго перевязанное бечевою самое дорогое! Это были её партийные документы и награды.

Она разложила их по важности и долго сидела над ними, пристально всматриваясь в уже желтеющие листы бумаги... Перед глазами вставала вся её жизнь, посвящённая партии большевиков и своему народу.

Марфа всегда боролась за справедливость. Вот и сейчас она взволнованно решала, как ей поступить, чтобы было всё по справедливости!

В этот же день она договорилась с водителем попутной машины, которая выезжала из Алешенки в Брянск. Её обещали забрать рано утром.

Куда ехала Марфа? Никто об этом в семье не знал. Она умела сосредотачиваться на проблеме и молчать до тех пор, пока её не решит.

Она приехала в районный город Трубчевск. Нашла райвоенкомат. Затем отыскала приёмную начальника по вопросам жилья. Зарегистрировалась в приёмной. Заняла очередь в кабинет. Наблюдательная Марфа, как обычно, строго следила за всеми посетителями. Она видела вокруг себя городских людей в красивых одеждах. Женщины, перед тем как входить в кабинет начальника, волновались и даже прихорашивались.

На Марфе одежда была худая. Да где же ей было, деревенской бабке, хорошую одежду взять?! Марфа прожила большую и сложную жизнь, но она никогда не задумывалась над пословицей, что «встречают по одежке, а провожают по уму». Не было у неё ни времени, ни желания, ни возможностей следовать этому принципу. Марфа считала такое поведение для себя недостойным и называла его показухой. «Главное, так это как ты жизнь свою прожил! Вот доказательства моей жизни и моей преданности Родине», — думала Марфа, сидя в очереди к начальнику и непроизвольно сжимая свои документы.

Её пригласили... Когда она вошла в большой, накуренный кабинет начальствующих персон, то увидела двух его сотрудников, сидящих в разных концах кабинета. Тот, который был ближе к ней, посмотрел на неё холодно и оценивающе, затем отвернулся. Другой сотрудник, который сидел в глубине кабинета, взглянул доброжелательно. Его взгляд был сочувствующим. Он всё время что-то записывал, ставил какие-то отметки на бумаге. Было видно, что он занят важными документами. «Наверное, это корреспондент», — решила для себя Марфа.

Время шло, но никто вопросы ей не задавал. Все были заняты своими делами.

— Что вам, бабушка, нужно? Вы не перепутали кабинеты? — спросил её первый начальник, пристально её рассматривая.

— Нет. Не перепутала. Домик мне в деревне нужен, — ответила Марфа, удивляясь тому, что он даже не спросил у неё документов.

Начальник засмеялся раздражённо и сердито:

— Домик! Бабушке нужен домик!? Какой же вам нужен домик? — еле сдерживая себя, спросил хозяин кабинета.

Марфа Ивановна была спокойна и уверена в себе. Она навылёт определяла, кто есть кто и какого полёта птица. Марфу не проведёшь!

— Небольшой мне нужен домик, рублёный! Долговечный он будет!..

Начальник больше не скрывал своей надменной враждебности. Он засмеялся неприятно и зло:

— Какой вам домик нужен, бабушка, я скажу! Вам уже домик нужен два метра на три, поняли? У нас герои войны ещё в землянках живут, а вам домик подавай?! Идите, бабушка, домой! Не отвлекайте нас от серьёзной работы.

Мужественная Марфа спокойно выслушала это оскорбительное хамство. Не подвела её выдержка!

— Что же ты, начальник, документы у меня не спрашиваешь? Вот, оказывается, как ты работаешь! Даже документы не смотришь, когда к тебе посетители с просьбами приходят! Я-то думала, что здесь всё по справедливости решается! Вот и приехала к тебе, а ты вон как, — заговорила Марфа.

Она достала увесистую пачку своих документов. Развязала тугие узлы верёвки, которой был поперёк схвачен полотняный мешок, и вынула из него свои награды.

Тогда встал со своего места второй военный, которого Марфа прочила в корреспонденты. Он попросил её передать ему документы.

Прошло несколько долгих для Марфы минут. Она следила за каждым движением корреспондента. Вдруг он подтянулся, стал более серьёзным. Подошёл к Марфе Ивановне... и отдал ей честь!

Затем он обернулся к своему товарищу и сказал ему:

— У бабушки есть все документы, чтобы удовлетворить её просьбу! Эта бабушка имеет право заказать себе любой домик, и государство выстроит в качестве благодарности за её подвиги и героизм. А нам, коллега, нужно будет поговорить с вами по душам и без свидетелей!

Марфа вернулась домой снова победителем! Она привезла в семью благую весть!

Очень скоро в деревню Алешенка привезли новый, просторный сруб для хаты Марфы. Она сама выбрала место, куда установили сруб. Его поставили рядом с домом, в котором проживала вся наша большая семья Гореловых. Марфа Ивановна больше не хотела расставаться со своей единственной дочерью Настей и внучатами, Виктором и Марией.

Вскоре дом был готов, и счастливая Марфа Ивановна встречала гостей! Как и предполагала Марфа, дом оказался долговечным! Прошли годы, и внуки Марфы уехали из Алешенки. Дом они продали в добрые руки.

До сих пор в этом доме живут счастливые люди. Они, возможно, и не догадываются, какую замечательную историю имеет этот необычный рубленый дом Марфы, связанный с её мечтой!

Сосновский район

Сабиржан Кильметев

Война не бывает красивой

Война — это кровь и боль.
 Война — это страх быть убитым.
 Тебя превращают в ноль,
 И жизнь твоя просто слита.
 Война — это трупы и тлен,
 Когда в бессознание от раны
 Ты попадаешь в плен
 И пишешь богу послание.
 Когда ты попал в окруженье
 И мечешься в этом кругу;
 Когда потерялась кухня
 И нечем стрелять по врагу;
 Когда, безнадежно раненный,
 Теряешь ты ориентир;
 И чтобы не быть обузою,
 Стреляется твой командир;
 Когда, проклиная случайность,
 И рок, что людей обрёл,
 Находился в меру отчаянный
 Находчивый паренёк.
 Людей поднимаемая сломленных,
 Шуткою их теребя,
 Командирские полномочия
 Он берёт на себя.
 Долго шли по лесам и болотам
 Без патронов, еды и воды
 Шли питаясь грибами, травой,
 И, когда с врагом встретились,
 Завязался кровавый бой.
 Бились штыком и лопаткою,
 Лишь бы пробиться к своим.

И первым всегда был парнишка,
 Остальные держались за ним...
 ...Парнишка вывел весь отряд,
 Но сам за то попал в штрафбат.

* * *

Где это было, в республике какой?
 В реальности мне кажется, что в любой.
 Далеко в окружении гор и скал
 У своей глинобитной сакли мирно дремал
 аксакал.

Серебро бороды по халату струится,
 В ней каждый дюйм — истории страница.
 Жил он скромно и не требовал льгот,
 Разменял по жизни сто двадцатый год.
 Не пил, не курил, не пускался в разгул:
 Из детей и внуков состоял аул.
 Всю жизнь на предгорьях стада баранов пас,
 Из аула родного выезжал лишь раз;
 Когда фашистская орда завоевать хотела нас
 Он прошёл всю войну солдатской тропой,
 Красноармеец скромный, гвардии рядовой.
 Пришёл в Германию, взял рейхстаг,
 Отряхнул ладони и поспешил домой.
 И своих баранов стал снова пасти.
 Ветер шаловливый распахнул халат,
 И затенилось солнце от множества наград.
 Где это было, в республике какой?
 В реальности мне кажется, что в любой.

п. Чесма

Омельчук Анатолий

Я помню ветеранов

Я помню

Я помню немцев, тут осевших:
 Рабочих, плотников, врачей.
 В открытых лицах обрусевших
 Я не приметил палачей.

В поселке все они трудились,
 Свои традиции храня.
 Всевышнему с душой молились
 Крестом надежду осеня.

Да, много видел их, осевших
 Трудом измученных людей.

Немало было потерпевших,
 Но не фашистских палачей...

Любовь солдата

Лежит солдат у пушки после боя,
 Печальный взгляд он в небо устремил.
 А летний день пылал горячим зноем,
 Солдат стонал, еще надеждой жил.

Стон не от раны, что в груди зияла,
 И кровь стекала прямо на песок.

Жена на днях письмо ему прислала...
«Забыть ее»... А он забыть не смог.

Стонал солдат, а смерть стояла рядом,
Ее оскал он сразу увидал.
И вот лежит с почти потухшим взглядом,
Любовь свою в могилу он забрал.

Боевое крещение новобранца

Когда атаку громко объявили,
Он штык примкнул и на «Ура!» бежал.
Но вдруг — его в упор свинцом сразили,
А он не понял, что его убили,
Подумал, что споткнулся и упал...

Деда Куприян

Деда, деда Куприян,
Расскажи про партизан!
С кем в разведку ты ходил?
Как под Курском танк подбил?
Шрам знакомый у виска,
Знаю: метка «языка».
Деда, деда, расскажи:
Как вы ставили «ежи».
Я тогда был пионером,
Клятву Родине давал.
И мой дед мне был примером,
И ему я подражал.

Рассказ отца

Достоинo плен я перенёс когда-то:
Я без сознания взятый ими был,
Но честь, сынок, советского солдата
К ногам фашистским я не уронил.

Когда к своим я чудом вдруг пробрался,
Решившись на отчаянный побег.
В тюрьме своей я вскоре оказался,
Родной страны советский человек.

Допрос вели страшнее всяких фрицев,
Противней вшей, грызущих тело там.
Мне б легче было просто застрелиться,
Чем верить лживым фактам и словам.

Дивился я замашкам особистов,
Да и амбалу, что меня пинал.
И понял вдруг, что я не тех фашистов
В атаке рукопашной убивал.

Война в песочнице

*Посвящаю Л. Рахлису,
руководителю ЛИТО «Экспресс»*

В песочнице играют
Друзья вдвоём.
Сыпучие снаряды
Взрываются кругом.
В бой идут машины,
Взлетает самолет.
На поле рвутся мины,
Идёт в атаку взвод.
Война не понарошку,
В азарте пацаны.
Хочу, чтоб Глеб и Лёшка
Не ведали войны...

Обида ветеранов

Мы раньше все в стране советской жили,
А сколько сил отдали ей тогда!
Но почему-то нас, увы, забыли.
Или кому-то мы не угодили?
Или ни в чём себя не проявили?
В награду нам — проклятая нужда.

Мой прадед сапёр

Мой прадед был сапёром,
Солдат от мин спасал.
И на войне он скоро
Грозой для немцев стал.

Минировал дороги,
Взрывал у них мосты.
В военных буднях строгих
Со смертью был на «ты».

За храбрость, «За отвагу»
Комбат медаль вручил:
В поверженном рейхстаге
Он знамя водрузил.

В честь прадеда я Мишей
Был назван всей роднёй.
Я голос его слышу.
Иду с ним вместе в бой.

Враг не пройдёт

Уж если враг коварный грянет,
Захочет нас поработить,
Мы за Россию грудью встанем,
Чтобы хребет ему сломить.

Не раз мы нечисть вражью били
И защищали отчий дом.
А сколько жизней положили,
Чтоб под его не быть ярмом.

Я вам скажу без укоризны:
«Стояли насмерть в боине той...
Геройски бились за Отчизну
И генерал, и рядовой».

Солдат, пусть даже «Неизвестный»,
Что погребён в земле родной,
Достоин Славы, Гимна, Песни,
Как победитель, как герой!

Я помню ветеранов

Я помню, гармошка играла,
И кружка бренчала на ней.
И песня тоскливо звучала
С далёких военных полей.

Вот так ветераны просили
На хлеб им насущный подать,
Как будто бы не заслужили
Достоин свой век доживать.

И люди им мелочь бросали
Под грохот вагонных колёс.
В вагоне тоскливо молчали:
Ведь каждый печаль свою вёз.

Я видел их, грязных, убогих,
С тальянкою верной своей,
Как пели на пыльных дорогах,
Сердца согревая людей.

По жизни они не стонали,
Что нету руки иль ноги.
Россия! Тебя защищали,
А ты им, как мать, помоги.

Дед Василий

С нами по соседству
Дед Василий жил.
Вспоминаю детство,
Он детей любил.
Гири-двухпудовки
Ловко поднимал.
Я такой сноровки
Сроду не видал.
Ребятня ватагой
Шла к нему домой.
Деда не был скрягой,
Не кривил душой.
Разные игрушки
Детворе дарил.
Мне досталась клюшка
И машинка «ЗИЛ».
Смелым капитаном
Был на корабле.
И врагов таранил
В непроглядной мгле.
Как-то в День Победы
В гости всех позвал.
И свои награды
Скромно показал.
«Я врагов проклятых
Не щадил нигде.
И тонул, ребята,
В ледяной воде».
А потом с волнением
Тон высокий брал:
«Я Отчизну нашу,
Детки, защищал.
Вижу, вы большие,
Но пора всем знать:
Родина Россия
Нам вторая мать»
Умер дед Василий,
Больше его нет.
В душах он оставил
Свой горячий след:
Доброту живую
Щедро раздавал.
Без него тоскую:
Он родным мне стал.

г. Челябинск

Виктор Фатеев

Память жива

Глава I

Известие о вероломном нападении Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года было для нашего народа что гром среди ясного дня. Была объявлена срочная мобилизация граждан, достигших призывного возраста и старше, в ряды Красной Армии.

В свои 28 лет под призывной гребешок первого набора попал Иван Иванович Дегтярёв из села Алабуга Красноармейского (Бродоколмакского) района Челябинской области. В срочном порядке сдал полномочия председателя исполкома сельского Совета, как бы ни было тяжело, но пришлось расставаться с любимой женой Ольгой, детьми: трехлетним сынишкой Сашей и полторагодовалой ненаглядной дочуркой Ниночкой, с родственниками.

Большинство призывников были эмоционально настроены, предполагая, что Красная Армия расправится с непрошеным гостем в два счёта, и видели себя в числе героев-победителей.

В городе Челябинске новобранцам выдали сухой паёк, погрузили в товарные вагоны, оборудованные двухъярусными нарами, и повезли, а вот куда, нам предстоит узнать чрез семьдесят восемь долгих лет, благодаря Интернету и поисковому обществу «Мемориал».

Потекла нелёгкая армейская жизнь со всеми её плюсами и минусами. После многодневной болтанки привезли будущих защитников Отечества на ст. Мулино, выгрузили, построили в колонну, и 15—20-километровый марш-бросок в военные Гороховецкие лагеря, расположенные в Горьковской области.

Ветераны, уцелевшие от ужасов Отечественной войны 1941—1945 годов, с дрожью вспоминают тот многомесячный ад, который им довелось испытать во время подготовки в Гороховецких лагерях.

В палатках, рассчитанных, на 100 человек, размещали по 500 прибывших новобранцев. В два ряда трёхъярусные голые нары из горбылей, на них укладывались по 5 человек. В таких условиях о нормальном отдыхе не могло быть и речи. Повернуться с левого бока на правый могли только все одновременно, в результате у многих на теле были кровавые пролежни. Кроме того, не давали покоя вши и блохи. Питание было крайне отвратительное: мутная баланда и 600 граммов (суточная норма) хлеба из кукурузной муки. Ад этот длился по нескольку недель, пока идёт распределение по родам войск.

Однако условия бойцов были и там не лучше, с той лишь разницей, что нары были застланы соломой, а суточная норма хлеба составляла 700 граммов.

Поскольку Красной Армии срочно требовались кадры, муштра была изнурительной от подъема до отбоя без выходных и праздников. Скотское содержание сказывалось прежде всего на здоровье бойцов. Медсанчасть была забита больными: дистрофией, пневмонией, заболеваниями ЖКТ. Были случаи смерти, самострела (во время несения постовой службы), дезертирства; последних без суда и следствия расстреливали перед строем. Все были затравлены трибуналом.

Отправки в действующую армию солдаты ждали не из патриотических чувств, а как избавления от этого кошмара.

Ввиду того, что у Ивана задолго до призыва уже признавали язву желудка, переход на солдатскую диету с чёрным и кукурузным хлебом вызвал резкое обострение, и его положили в лазарет. На этом и закончилась строевая воинская служба Ивана Ивановича Дегтярёва. Через полмесяца тяжелых больных погрузили в проходящий с фронта санитарный поезд и отправили, а вот куда, нам предстоит узнать чуть позже.

Временное пребывание в теплушках не доставляло большого удовольствия: духота, смрад от табачного дыма, тряска, денно и ночно стон тяжелобольных. Очень частые длительные стоянки в тупиках и неопределённость будущего до предела выматывали нервную систему больных.

Участились случаи смертельного исхода. Умерших хоронили где придётся, чаще на полустанках или во время вынужденных остановок.

Облегчение пришло, когда эшелон прибыл на станцию Борзя и объявили о разгрузке. Иван Иванович незамедлительно написал письмо, известив семью о своём местонахождении.

Глава II

Практически всё мужское население уральской деревеньки Алабуга ушло на фронт, и вся тяжесть сельского хозяйства легла на плечи женщин, стариков и подростков. Всё, что с превеликим трудом производилось, уходило в закрома государства, текла полуголодная жизнь военного времени.

Ольга Петровна, переложив заботу о детях на руки матери, Екатерины Мартемьяновны, с темна и до темна была задействована на полевых работах. После завершения уборочной страды всех молодых женщин, кому позволяли семейные обстоятельства, занаряжали в обоз. Ольга не была исключением. В их обязанности входило доставка собранного урожая зерновых на элеватор города Челябинска. Поскольку в сельском хозяйстве преобладал так называемый гужевой, конный и «МУ-2» транспорт, обоз состоял из десятка бричек с деревянными ящиками ёмкостью 1,5 центнера. Движущей силой этих уникальных повозок были два быка, впряженные в ярмо. Скорость у быка невелика — 5 километров в час, поэтому на одно двухсоткилометровое турне в Челябинск и обратно уходила ровно неделя.

Ребятишки практически не видели маму, и её появление дома было большой радостью для них. Перед отъездом Ольга пекла семье «калебашки» (обвалянные в муке картофельные

олады), но стоило только ей отлучиться, баба Катя прятала выпечку в подпол и закрывала западню на замок, чтобы ребяташки не растаскали. По этой причине у них каждый раз возникала ссора.

Ольга всё ждала весточки от мужа, а когда получила, не могла понять, почему её Иван оказался в противоположной стороне от военных баталий. Письмо было отправлено со станции Борзя Читинской области. Больше вестей от Ивана не было, и только в 1946 году Ольга Петровна получила извещение о том, что её муж Дегтярёв Иван Иванович «без вести пропал в декабре 1941 года». Как и многие другие, Ольга ждала мужа, фраза «без вести пропал» вселяла крохотную надежду, что он жив.

В село возвращались те немногие, кто, пройдя через пекло ада Великой Отечественной войны, остался жив. Фронтовики, оправившись от ратных дел, включались в трудовую жизнь села, семьи. В 1948 году к Ольге ненавязчиво присватался один из них Дмитрий Иванович Панов. Поскольку надежда на возвращение Ивана иссякла полностью, Ольга предложение приняла. Дмитрий оказался хорошим семьянином и тружеником. Шли годы, семья прибывала: Люба, Коля, Витя, Надя. Старшие выросли: Саша обзавёлся своей семьёй, Нина выпорхнула из родного гнезда, уехала в Челябинск и тоже попала в поле зрения будущего суженого.

Глава III

Начиная с 1973 года муж Нины пытался установить фронтовой путь своего отца, младшего политрука Дмитрия Георгиевича Фатеева, без вести пропавшего в марте 1942 года. Как ни парадоксально, но получал только «пинки» в Центральный архив Вооружённых Сил СССР. На все запросы архив отвечал набившей оскомину фразой: «Ваш отец, мл. политрук Фатеев Дмитрий Георгиевич 1912 г. р., пропал без вести в марте 1942 г.»

В 2011 году, собрав все отписки, отправили их в г. Подольск сыну, майору медицинской службы ВС России Александру Викторовичу Фатееву. Результат превзошёл ожидаемое: они с супругой получили из Центрального архива ВС личное дело деда, младшего политрука Фатеева Д. Г.

В результате были установлены точное время и место призыва: 11 октября 1937 года, г. Магнитогорск.

Сделали запрос в Центральный Архив ВС на Ивана Ивановича Дегтярёва — та же песня: *без вести пропал.*

В переписке по Интернету двоюродная сестра Наталья Михайловна Горбузарь из Старого Оскола пообещала обратиться к поисковикам «Мемориала», и, как говорится, счастье нам улыбнулось: получили учётную карточку эвакогоспиталя № 449, д. Антипиха Читинской области на рядового бойца ДЕГТЯРЁВА ИВАНА ИВАНОВИЧА. Из карточки мы узнали и о болезнях Ивана Ивановича: язва желудка, пневмония, малокровие, энтерит, дистрофия.

С этим документом обратились в Центральный архив Министерства обороны РФ и через месяц получили ответ: «Рядовой боец № 149 ДЕГТЯРЁВ ИВАН ИВАНОВИЧ оперирован в эвакогоспитале № 449 в г. Чой-бал-Сан (Монголия) по поводу язвы желудка, дата не указана. Умер 4 ноября 1941 года по поводу язвы желудка, язвы толстого отдела кишечника.

Как видим, миф о «без вести пропавшем» Дегтярёве И. И. тоже пропал. Единственному свидетелю тепла рук Ивана Ивановича, той крохе, которую очень любил папа, уже исполнилось восемьдесят лет. Возможно, ещё удастся установить место его вечного покоя и возложить горсть родной земли.

Постскриптум:

Панов В. Е. г. Озёрск

«Фатеевы, доброй ночи и утра! С интересом прочел очерк о наших родственниках. Видно, что немало Виктор приложил усилий в розыске и установлении правды о судьбе призывников Красной Армии. Да, впечатляет, можешь, казалось бы, простым изложением фактов выжать стон! Спасибо».

с. Агаповка

Ржев

Кто вернётся — долюбит.
Кто остался навеки,
Их земля приголубит.
Лишь лесные орехи
будут руки их помнить,
Будет помнить их эхо.
Настоящий полковник
проходил через это.
Жаркий памятный вечер
Был речами насыщен:
Поминальные встречи,
Призывает Всевышний
На закат помолиться,
Ярко светятся свечи.
Им рубеж Ржевский снится
И немецкие речи.
С винтовыми штыками
В рукопашной сходились...
Это было не с нами.
Шли в атаку — молились.
Было лихо и страшно,
Но солдаты терпели
И в бою рукопашном,
И когда пули пели.
Ведь когда-то настанет
Долгожданная встреча,

Ржев от бойни устанет,
Обретая дар речи.
Всё разложит по полкам:
Где свои, где чужие,
Миномётную порку
И стандарты двойные
Наконец Ржев признали...
По ступенькам гранитным
Люди шли и молчали
На поклон к ним, убитым.

Бессмертный полк

И снова люди в День Победы —
Бессмертный полк везде, кругом.
Праправнуки, внучата следом
Идут за нынешним полком:

Артиллеристы и танкисты
С портретов смотрят на парад,
Энкэвэдэшники, юристы
Идут с пехотой в один ряд.

«Спасибо Деду за Победу!» —
Вокруг плакаты говорят.
Я каши из котла отведал,
И был я вкусной каше рад.

п. Чесма

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 3(43)/2020
Литературный альманах
Редактор *А. А. Мишутин*
Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 17.08.2020 г. Гарнитура «Constantia».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 8,78.

Заказ № 185.
Тираж 102 экз.
Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Фотохудожник»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.